

№ 45 научный православный журнал 2026

ТРАДИЦИИ *и* современность

НАУЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ

ЭТНОГРАФИЯ

ЭТНОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ФИЛОСОФИЯ

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. В. ШЛЯХТИНА

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1920-х годов 3

Л. ВЭЙ, П. П. ДЕРЮГИН

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИЯ: ЯЗЫК, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ОПЫТ ВКЛЮЧЕНИЯ 25

И. О. БУДКОВ

ГЕНЕАЛОГИЯ ПИСАТЕЛЯ ВАСИЛИЯ НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ). ...39

Л. Л. ЩАВИНСКАЯ

ПОЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНИЕ» – ЦЕННЕЙШИЙ АРХИВ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ 1920-х – 1930-х годов 53

О. Н. АГАМИРОВА

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В МОЗАИКАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 67

А. А. БЕЛОКОНЕВ

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ПИСАРЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В XIX–XX вв. 81

Н. В. ХОХЛОВ, С. ДЗИНИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (ЧАСТЬ 1) 90

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

К. В. ЦЕХАНСКАЯ, ПУБЛИКАЦИЯ, КОММЕНТАРИИ

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ КИРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЦЕХАНСКОЙ-СТАРШЕЙ (1917–2012) 101

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

О. В. КИРИЧЕНКО

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВ РОССИИ: УЧЕБНИК ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ГУМАНИТАРНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ) ИСТОРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ПРОФИЛЯ), РЕАЛИЗУЮЩИХ КАЗАЧИЙ КОМПОНЕНТ / В. В. КАСЬЯНОВ, О. В. МАТВЕЕВ, Л. М. ГАЛУТВО. – КРАСНОДАР: ТРАДИЦИЯ, 2025. – 416 с. 120

ГОРОД-ЛЕС – НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК – ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА: ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЗАЩИТИМ ГОРОД-ЛЕС АКАДЕМГОРОДОК» К НАУЧНОМУ СООБЩЕСТВУ СТРАНЫ 124

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российская академия наук

Журнал «Традиции и современность» включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук (ВАК) с присвоением 2 категории
Журнал «Традиции и современность» включен в Белый список с присвоением 3 уровня (ЕГПНИ)

На 1 стр. обложки: Крестный ход с образом Божьей Матери Казанской в честь 447-летия чудесного обретения иконы в г. Казани. Казань. 21 июля 2026 г. Фото тах-канала «Царьград»

На 4 стр. обложки: Крестный ход из г. Екатеринбург на Ганину Яму в день памяти святых Царственных мучеников. 17 июля 2026 г. Фото тах-канала «Царьград»

Издатель	
Коллектив редколлегии, Институт этнологии и антропологии РАН	
Редакционная коллегия	Редакция
О. В. Кириченко, доктор исторических наук главный редактор, учредитель	Л. Т. Соловьева, кандидат исторических наук научный редактор
Г. А. Романов, кандидат исторических наук заместитель главного редактора	Н. В. Шляхтина, секретарь, научный редактор
П. Н. Базанов, доктор исторических наук	Макетирование и верстка
В. Т. Захарова, доктор филологических наук	А. К. Беспалов
И. А. Казанцева, доктор филологических наук	Адрес сайта журнала
В. В. Каширина, доктор филологических наук	http://naukapravoroslavie.ru
А. Э. Котов, доктор исторических наук	Контакты
Ю. А. Лабынцев, доктор филологических наук	Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913. Тел.: 8 (495) 954-74-46, (+7) 916-304-46-27. E-mail: tradsovr2019@mail.ru
А. М. Любомудров, доктор филологических наук	Свидетельство о регистрации в Роскомнадзоре: ПИ № 77-17325 от 06.02.2004 г. ISSN печатной версии: 2687-1122 ISSN электронной версии: 2687-119X Лицензионный договор с РИНЦ: № 258-07/2020 от 06.07.2020 г. Подписной индекс: 85766 Префикс DOI: https://doi.org/10.33876/2687-119X
О. В. Матвеев, доктор исторических наук	
И. В. Моклецова, доктор филологических наук, кандидат культурологии	
С. С. Савоскул, доктор исторических наук	
И. В. Спасенкова, кандидат исторических наук	
В. В. Степкин, доктор исторических наук	
Е. Ф. Фурсова, доктор исторических наук	
К. В. Цеханская, доктор исторических наук	
Л. Л. Щавинская, кандидат филологических наук	
Н. Т. Энеева, кандидат искусствоведения	
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1920-х годов

Аннотация. В статье разворачивается картина формирования и деятельности научных учреждений, отвечавших задачам, поставленным перед этнографией государством в 1920-е годы. Показывается обширный состав участников этого проекта: ученых, организаторов, краеведов, представителей смежных дисциплин. Рассматриваются основные экспедиции, их география, тематика, методики, комплексный подход, вопросы финансирования и организации; сбора и научной атрибуции вещевого материала, отчетности, хранения, презентации, публикации результатов экспедиций; называются теоретические проблемы, ставившиеся участниками полевых исследований, показывается междисциплинарное сотрудничество. Отмечается, что этнографии 1920-х годов удалось сохранить и продолжить дореволюционные традиции.

Ключевые слова: советская этнография, 1920-е годы, этнографические научные центры, этнографы, антропологи, экспедиции, изучение русского народа, вопросы преемственности с дореволюционной школой, государственные задачи этнографии.

Ссылка при цитировании: Шляхтина Н. В. Изучение русского народа в экспедиционной работе этнографических учреждений 1920-х годов // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 3–24

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Шляхтина Наталья Валерьевна (Shlyakhtina Natalya Valerjevna) – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, эл. почта: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9321-8863>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 3–24

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.99; 82-96; 397; ББК – 63.3 (2 Рос.); 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/3-24>

Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР создан в 1933 г. в Ленинграде для координации работы местных этнографических учреждений и проведения исследований в области этнической антропологии и фольклористики. В 1937 г. реорганизован в Институт этнографии АН СССР (с 1990 г. – Институт этнологии и антропологии). До 1943 г. находился в Ленинграде. С 1943 г. центр работы перенесен в Москву. Московское отделение получило статус самостоятельного НИИ, а Ленинградское, включавшее Музей антропологии и этнографии, – статус филиала.

Научная деятельность Института всегда предусматривала экспедиционные исследования, обеспечивающие материалом итоговые монографические издания по отдельным народам и разработку вопросов этногенеза и общих проблем этнографии.

До 1933 г. русской этнографической наукой был накоплен значительный опыт полевых исследований, связанный как со сбором материала, так и с его хранением и интерпретацией.

Одной из задач созданной в XVIII в. Российской академии наук было изучение населения Российской империи, в связи с чем организовывались многолетние экспедиции в Поволжье, Приуралье, Сибирь, Забайкалье.

Созданное в середине XIX в. Русское географическое общество проводило исследования через филиалы в различных губерниях, включавшие этнографические отделы. Для удобства сбора, систематизации и сопоставления собираемых материалов была подготовлена специальная «Программа для собирания сведений по этнографии».

В конце XIX в. князь В. Н. Тенишев создал частное «Этнографическое бюро» и разработал «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России».

В инициированную центральными учреждениями исследовательскую полевую деятельность включились тысячи корреспондентов, собирателей, повсеместно открывались краеведческие общественные и музейные центры.

В послереволюционное время этнографическая полевая работа продолжалась несколькими центральными и многими местными научными учреждениями, по своим целям, научному багажу, методике являвшимися наследниками дореволюционных организаций и представленными работой уже опытных, сформировавшихся на традициях русской дореволюционной этнографии специалистов.

Ведущую роль играл Российский этнографический музей, куда из экспедиций поступали многочисленные экспонаты и где хранились этнографические архивы (в частности Тенишевский), иллюстративные и фотографические фонды. РЭМ – крупней-

ший научно-методический центр для этнографов, историков, специалистов по народному творчеству народов Российской империи – СССР – России.

Основан музей в 1902 г. До 1918 г. он назывался Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III, в 1918–1934 гг. – Этнографическим отделом Государственного Русского музея, в 1934–1948 гг. – Государственным музеем этнографии, в 1948–1991 гг. – Государственным музеем этнографии народов СССР, с 1991 г. – Российским этнографическим музеем.

В советское время исследованиями великорусов в нем занималось Отделение этнографии великорусского народа и финских племен (в разные периоды менявшее свое название в связи с реорганизациями: Первое отделение, отдел «Русские», отдел РСФСР, отдел восточных славян, Русский отдел).

Другой петербургский музей – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), ведущий историю с начала XVIII в., – МАЭ, на базе которого был создан и существовал первые десять лет Институт этнографии АН СССР и который до 1992 г. был его филиалом, в затем стал независимым научным учреждением (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого).

Не меньшую по масштабу работу проводило Отделение этнографии Русского географического общества (основано в 1845 г.; в 1925–1939 гг. – Государственное географическое общество; в 1939–1992 – Географическое общество СССР, или Всесоюзное географическое общество; с 1992 г. – вновь Русское географическое общество), научный архив которого аккумулировал тысячи документов этнографического характера. Важным направлением работы РГО являлось составление этнографических карт. Этот опыт в первую очередь был востребован в 1920-е годы.

На основе Постоянной комиссии по составлению этнических карт России при этнографическом отделении Императорского Русского географического общества в 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при Академии наук – КИПС (на ее базе в 1930 г. создан Институт по изучению народов СССР – ИПИИ, вошедший в 1933 г., вместе с Музеем антропологии и этнографии, в состав Института антропологии, археологии и этнографии).

Комиссия среди прочего готовила проведение переписи населения 1926 г. и издала фундаментальные этнографические карты, которые легли в основу административно-территориального деления страны.

Этнографические полевые исследования русского народа осуществлялись и в рамках деятельности Российской академии истории материальной культуры – РАИМК (1919–1937 гг.). Ее основными задачами были археологические и художествен-

но-исторические исследования памятников истории, контроль всех археологических раскопок и реставрационных работ.

РАИМК – преемница существовавшей с 1859 г. Санкт-Петербургской Императорской археологической комиссии, на основе которой в 1918 г. была создана Российская Государственная Археологическая комиссия, преобразованная в 1919 г. в РАИМК. В 1926 г. переименована в Государственную Академию истории материальной культуры – ГАИМК, в 1937 г. преобразуется в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) с отделениями в Москве и Ленинграде. В 1959 г. ИИМК переименован в Институт археологии с Ленинградским отделением, которое в 1991 преобразуется в самостоятельное археологическое учреждение – Институт истории материальной культуры.

Комиссия объединяла видных ученых эпохи, занимавшихся изучением быта, культуры и хозяйственных укладов различных народов. В рамках работы комиссии вырабатывались передовые для того времени методы экспедиционных исследований, которые позволили качественно пополнить коллекции. Многие труды и методические подходы комиссии впоследствии легли в основу исследований Института этнологии и антропологии РАН.

В связи с полевым этнографическим изучением русских упомянем еще три центральных музея.

Государственный центральный музей народо-ведения создан в Москве в 1924 г. на базе национализированного Дашковского этнографического музея (экспонаты этнографических выставок 1862 г. в Лондоне и 1867 г. в Москве) и этнографических отделов Румянцевского музея (открыт в 1828 г.). В 1934 г. переименован в Государственный музей народов СССР. В 1948 г. расформирован и его огромные коллекции переданы в ленинградский РЭМ (в 1948 г. назывался Государственным музеем этнографии народов СССР) и частично в московский Музей народов Востока.

Государственный музей Центрально-Промышленной области. Музей был задуман в рамках масштабного краеведческого движения начала 1920-х годов. Его главная цель заключалась в том, чтобы всесторонне показать природные богатства, экономику и этнографию Центральной России. Занимался масштабным изучением, сбором и публикацией материалов о материальной культуре, быте и ремеслах народов центральной части России). К началу 1930-х годов расформирован, коллекции переданы в Московский областной музей в Истре и другие профильные фонды.

В 1920-е годы этнография развивалась в тесном союзе с географией. Это было связано с необходимостью картографирования различных этнических

территорий внутри государства и оценки их готовности к экономическим и социальным реформам.

Центральный географический музей (1919–1937 гг.) – междисциплинарный проект 1920-х годов, разработанный В. П. Семёновым-Тян-Шанским на основе авторской методологии, изданной в 1913 г.

Музей функционировал при Географическом институте, созданном в 1918 г. для комплексного изучения естественных производительных сил страны (куда включались и людские ресурсы). Идейной основой его создания были российские научные географические школы конца XIX – начала XX в.: труды В. В. Докучаева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. И. Воейкова и Д. Н. Анучина, который еще в 1915 г. предложил организовать в России Центральный географический институт для изучения «внутренних частей нашего отечества». С 1922 г. проводил стационарные общегеографические полевые практики, заложившие основу полевых исследований. В 1925 г. включен в состав Ленинградского государственного университета в качестве географического факультета.

Наряду с центральными, буквально в каждом крупном городе работали научные учреждения и организации с этнографическим профилем. Для координации их работы в 1922 г. решением Первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края создано Центральное бюро краеведения при АН СССР (ЦБК, просуществовало до 1937 г.). Бюро сотрудничало с Институтами истории, географии, литературы, выступало координирующим органом почти для двух тысяч краеведческих, этнографических, исторических и естественно-научных обществ во всех регионах. С 1925 г. бюро перешло в ведение Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука – в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР, функционировала с 1922 по 1933 г.), что позволило согласовывать работу с музейным, архивным и издательскими отделами и губернскими отделами народного образования. Главнаука осуществляла общее государственное руководство и финансирование научных институтов, обществ и лабораторий, ведала всеми музейными фондами, занималась утверждением научных работников, распределением пайков и ресурсов.

С 1923 по 1929 г. ЦБК издавало журнал «Краеведение». Также существовали региональные аналоги, например, «Московский краевед» (1927–1930 гг.). На страницах «Краеведения» публиковались итоги и методики полевых этнографических исследований.

Главнаука, в ведении которой работало ЦБК, с 1926 по 1930 г. издавала журнал «Этнография», ставший эффективной площадкой для публикации

материалов экспедиций, разбора теоретических проблем, обсуждения методики полевой работы. Журнал являлся преемником выпускавшегося Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) с 1889 по 1916 г. «Этнографического обозрения». С 1931 по 1991 г. назывался «Советская этнография»¹ и издавался Издательством АН СССР. В 1992 г. журналу возвращено историческое название «Этнографическое обозрение». Учредителем журнала выступает Институт этнологии и антропологии РАН, журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН.

К организациям, осуществлявшим в советское время активную полевую деятельность, можно отнести и этнологический факультет Московского государственного университета. Он являлся преемником дореволюционной кафедры географии и этнографии историко-филологического факультета и послереволюционного этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук, существовал с 1925 по 1929 г., затем был преобразован в историко-этнологический. После расформирования факультета в 1931 г. традиция полноценного этнографического образования возобновилась лишь с 1939 г., когда на историческом факультете МГУ по инициативе С. П. Толстова была основана кафедра этнографии, существующая по сей день (с 1992 г. называется кафедрой этнологии).

В Ленинградском государственном университете (преемнике Санкт-Петербургского университета, существовавшего в составе Санкт-Петербургской академии наук с 1724 г.) этнографическое отделение в 1920-е годы функционировало в рамках географического факультета.

Студенты и преподаватели МГУ и ЛГУ активно участвовали в экспедиционной работе.

Упомянутые научные организации, деятельность которых в той или иной мере предшествовала изысканиям Института этнографии, связаны еще и тем, что в них работали нередко одни и те же специалисты, которые личной деятельностью объединяли их методически, практикой полевых исследований, хранения и анализа материалов. Они заложили научную основу полевой работы и в большей части составили элиту, костяк этнографов-полеводов Института этнографии.

Так, организатор крупнейших в 1920-е годы экспедиций и новатор экспедиционной работы Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935) работал заведующим отделением этнографии великорусского народа и финских племен Этнографического отдела Русского музея в 1921–1930 гг., профессором кафедры антропологии и этнографии Петербургского университета, в советское время преподавал в не-

скольких учебных заведениях, в том числе как профессор антропологии и музееведения в Центральном географическом музее. Участвуя до революции в работе Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России (в 1916–1919 гг. ее секретарь), в советское время, с 1921 по 1929 г., заведовал Европейским отделом Комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) и был председателем его Русско-финской секции. Заведовал разрядом этнографии и этнической антропологии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в 1928–1930 гг. – секретарь отделения этнографии Государственного географического общества, член редколлегии журналов «Краеведение», «Известия РГО», «Этнография», «Человек», координировал исследовательскую деятельность музеев, академических учреждений, научных обществ – содействовал созданию в больших и малых городах обществ по изучению родного края, организовывал краеведческие съезды и конференции, председатель антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края.

Постоянные участники экспедиционных проектов Д. А. Золотарева – Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

Елена Эдуардовна Бломквист (1890–1956) – ученица Д. А. Золотарева. С 1921 г. работала в отделении этнографии великороссов и финнов Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством Д. А. Золотарева. Участница многочисленных экспедиций, организованных Русским музеем, РАИМК, Музеем антропологии и этнографии, преподавала в Ленинградском государственном университете, возглавляла этнографическую секцию в Центральной экскурсионной базе Ленинградского Губполитпросвета в 1924–1927 гг. С 1925 г. – действительный член Русского географического общества. С 1935 г. перешла на работу в Институт антропологии и этнографии АН СССР и с 1945 г. возглавляла ленинградскую группу славяно-русского сектора Института.

Надежда Павловна Гринкова – известный советский этнограф, фольклорист, диалектолог. Научными руководителями Гринковой были профессор Н. М. Каринский, академик А. А. Шахматов, академик Е. Ф. Карский. С 1920 г. преподавала на этнографическом отделении Географического института, а также работала в Постоянной комиссии карт и путей Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). С 1921 г. – научный сотрудник этнологического отделения РАИМК – под руководством Д. А. Золотарева. Секретарь Сказочной комиссии Русского географического общества. Работала в Этнографическом отделе Государственно-

го Русского музея. Преподавала в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена (ЛГПИ), где в 1942–1961 гг. заведовала кафедрой русского языка.

Владимир Владимирович Богданов (1868–1946) – один из ведущих специалистов в области русской и славянской этнографии. В 1943–1946 гг. – заведующий славяно-русским сектором Института этнографии. В 1920-х годах возглавлял масштабные исследования традиционной культуры русского населения северо-восточных и южных областей Европейской части России.

В 1894–1930 гг. – секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которым с 1890 по 1923 г. руководил Дмитрий Николаевич Анучин и которое до революции являлось центром антропологических и этнографических исследований в России. С 1908 г. – хранитель отдела этнографии Румянцевского музея. В 1924–1930 гг. – заведующий отделом русской и славянской этнографии Центрального музея народоведения. Инициатор создания (в 1919 г.) и до 1930 г. директор Государственного музея Центрально-Промышленной области, в котором начинали свою научную работу многие советские этнографы и археологи. В эти же годы председатель Этнологического отдела и заведующий Московской секцией Российской (затем – Государственной) академии истории материальной культуры. В 1921 г. избран председателем Московского отделения Центрального бюро краеведения. Преподавал в МГУ и Московском областном педагогическом институте. В 1934–1940 гг. участвовал в работе Научно-издательского института Большого советского атласа мира (НИИ БСАМ).

С 1899 г. работал секретарем редакции, а затем до 1916 г. был фактическим редактором журнала «Этнографическое обозрение», сыгравшего важную роль в развитии русской этнографии. Вокруг журнала группировались основные этнографические кадры того времени. В 1920-е годы Владимир Владимирович Богданов инициировал выпуск журнала «Этнография» как преемника «Этнографического обозрения». Роль журнала в формировании тематики и стандартов советской этнографии обеспечивалась видными учеными, вошедшими в его редколлегия: С. Ф. Ольденбург, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. А. Золотарев, Б. М. Соколов, В. Н. Харузина.

Наталья Ивановна Лебедева (1894–1978) – в будущем активный и опытный сотрудник Института этнографии, работала в сотрудничестве с Г. С. Масловой, специалист по прядению, ткачеству, одежде. В начале 1920-х годов – ученица В. Н. Харузиной; в 1922–1924 гг. была сотрудником Румянцевского музея, в 1924–1932 гг. – помощником заведующего отделом русской этнографии, секретарем этноло-

гической комиссии московской секции ГАИМК, товарищем секретаря отдела этнографии ОЛЕАЭ. В 1922–1931 гг. работала в Государственном центральном музее народоведения. Участник многочисленных экспедиций в Рязанскую, Московскую, Тульскую, Калужскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую обл. и в Белоруссию.

Гали Семёновна Маслова (1904–1991) – ученица Н. И. Лебедевой и В. В. Богданова, известный советский ученый-этнограф, крупнейший специалист по этнографии русского народа и верхневолжских карел, руководитель этнографических экспедиций, опытный музейный работник, участник основных обобщающих коллективных исследований по этнографии народов СССР, автор ряда монографических изданий и научных статей. С 1924 г. работала в этнологическом подотделе Музея Центрально-Промышленной области. В 1928–1930 гг. – секретарь Этнологической секции Общества изучения Московского края, с 1933 г. – заведующая секцией изучения национальных меньшинств Московской обл., в 1935–1948 гг. работала в Музее народов СССР (последовательно в секторе Севера и Сибири, отделе Карело-Финской ССР, Русском отделе). С 1954 г. – сотрудница Института этнографии.

Вера Юрьевна Крупянская (1897–1985) – одна из опытных этнографов-полевиков Института этнографии, в 1920-е годы работала научным сотрудником в Саратовском этнографическом музее под руководством профессора Б. М. Соколова, а затем переехала по его приглашению в Москву для работы в Центральном музее народоведения, в 1931–1934 гг. – научный сотрудник Центрального музея железнодорожного транспорта.

Борис Матвеевич Соколов (1889–1930) – известный фольклорист, этнограф, музеевед. Еще до революции участвовал в фольклорно-этнографических экспедициях. В 1918–1919 гг. заведовал Русским отделом этнографического отделения Румянцевского музея. С 1919 по 1924 г. работал в Саратовском университете, организовал Этнографический музей Саратовского края. С 1924 г. – директор Центрального музея народоведения в Москве. Действительный член Государственной академии художественных наук с 1924 г. Сотрудник Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Ответственный секретарь журнала «Этнография». В 1926–1928 гг. организовал совместно с братом Юрием Матвеевичем Соколовым экспедицию в Карелию, с целью пройти по следам известных собирателей эпической поэзии – П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

В этой экспедиции 1927–1928 гг. участвовал молодой тогда фольклорист и этнограф Владимир Иванович Чичеров (1907–1957) – ученик Ю. М. и

Б. М. Соколовых, который позже подготовил материалы экспедиции к изданию. Владимир Иванович Чичеров с 1949 по 1953 г. заведовал сектором славяно-русской этнографии Института этнографии. С 1953 г. – профессор МГУ. В послевоенные годы В. И. Чичеров возглавлял студенческие экспедиции в Архангельскую обл. и Заонежье.

Сергей Павлович Толстов (1907–1976) – заведующий кафедрой этнографии МГУ с 1939 г., директор Института этнографии с 1942 по 1965 г., ученый секретарь Президиума АН СССР. В 1953 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1946–1966 гг. главный редактор журнала «Советская этнография». В 1950–1952 гг. возглавлял Институт востоковедения СССР. С 1964 г. вице-президент Международного союза антропологических и этнографических наук.

В 1920-е годы, еще будучи студентом, участвовал в многочисленных антропологических и этнографических экспедициях, в том числе совместно с Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой, работал в Московском областном музее Наркомпроса заведующим этнологическим отделом (1926–1929), затем в Центральном музее народоведения заведующим отделом Средней Азии (1929–1936), в 1927–1934 гг. работал над сбором этнографических коллекций для Центрального музея народоведения, писал в журнал «Этнография» статьи об изучении русского жилища. В 1930-х годах руководил Московским отделением Института истории материальной культуры. Как и многие этнографы того времени, он не занимался только одним народом, имел широкий кругозор. И главное – в ходе экспедиций, общения с опытными полевыми выработывал подход к организации экспедиционного дела, который в полной мере проявился в послевоенных комплексных экспедициях Института этнографии.

Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) – классик восточнославянской этнографии. В 1916–1925 гг. профессор Харьковского университета. С 1925 г. профессор этнографического отделения Ленинградского государственного университета и член-корреспондент АН СССР. В 1926–1933 гг. научный сотрудник Музея антропологии и этнографии, с 1926 г. сотрудник ГАИМК. В 1933–1949 гг. работал в Институте этнографии АН СССР. Его библиографические разборы изданий по этнографии русского народа и восточных славян до революции и в послереволюционные годы, публиковавшиеся в этнографических журналах и содержавшие точную научную оценку методов, трудов и теорий, были маяком в научной работе многих ученых, корректировали и задавали направления исследований. Д. К. Зеленин своими обзорами, оценками, преподавательской и издательской деятельностью помог

становлению советских восточнославянских исследований. В частности, непреходящее значение имело его трехтомное «Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества». Д. К. Зеленин в 1920-е годы принимал участие в работе краеведческих организаций Урала, Сибири, Центральных, Восточных и Западных областей СССР, переписывался с собирателями. Участвовал в экспедициях. Понимание включенности каждого элемента в общую картину народной культуры передавал начинающим этнографам, призывая от частных идти к теоретическим обобщениям, к пониманию этнических и исторических процессов. Д. К. Зеленин возглавлял этнографо-фольклористическое подразделение «Живая старина» при научно-исследовательском Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛИЯЗВ) в Ленинградском государственном университете. В его задачи входили сбор, анализ и публикация материалов по народному быту, традициям, языку и устному народному творчеству. Д. К. Зеленин организовывал этнографические экспедиции молодых ученых и студентов. В 1926 г. он исследовал крестьянское искусство в Карельской АССР от Государственного института истории искусств и в 1926 и 1927 гг. – народную технику и фольклор в Акмолинской губ. и на Алтае.

Необходимый обзор основных учреждений и специалистов полевой работы в области русской и славянской этнографии в 1920-е годы показывает, что в этой науке удалось сохранить и продолжить дореволюционные традиции, несмотря на значительные организационные и идеологические реформы первых лет советской власти. Эти традиции проявлялись в тесной связи с музеями, научном внимании к картографированию, понимании важности краеведческого движения, постоянном совершенствовании методик экспедиционной работы.

Это видно прежде всего при подробном исследовании опыта довоенных этнографических экспедиций.

Экспедиционные работы подразделялись на несколько этапов: определение темы – ее предварительная архивная и историографическая проработка – рекогносцировочные поездки – организация экспедиции (вопросы финансирования, определения состава участников и маршрутов, выборки информантов) – полевой сбор материала – научная обработка его и презентация в докладах, публикациях, на выставках.

Крупнейшим проектом 1920-х годов была организованная Д. А. Золотаревым Верхневолжская этнологическая экспедиция 1921–1925 гг. в Бежецкий, Весьегонский, Мологский, Пошехонский, Да-

ниловский, Ростовский, Ржевский, Костромской, Вышневолоцкий, Устюженский, Тотемский, Тверской уезды Тверской, Ярославской, Костромской и Вологодской губерний.

Ей предшествовала маршрутная рекогносцировочная поездка 1920 г. в Бежецкий, Весьегонский, Мологский и Рыбинский уезды и сбор группой сотрудников библиографии по антропологии, этнографии, диалектологии и колонизации Тверской и Ярославской губерний. Таким образом вопросы этнической истории и этнических взаимодействий русских изначально были теоретической проблемой исследований.

Состав экспедиции менялся в зависимости от средств: сначала 5 человек, в 1922 г. – 17; в 1925 – 4. Более трех лет с Д. А. Золотаревым работали Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

В состав экспедиции вошли специалисты по антропологии, этнографии и лингвистике. Было привлечено 28 местных сотрудников музеев, преподавателей, краеведов. Когда столичные ученые уезжали, местные продолжали работу, за счет чего полевой сезон длился от двух до четырех месяцев.

Д. А. Золотарев придавал особое значение организации массовой и стационарной работы, для чего были изданы анкеты, программы, памятка для местных сотрудников, читались доклады и отчеты, устраивались вечера народного творчества в городах и селах района работ экспедиции.

Архив и весь собранный материал: 50 рукописей, около 12 000 частушек, больше 1000 антропометрических карточек, около 800 рисунков и планов, больше 800 фотографий. Более 2500 этнографических предметов приобретено для Русского музея.

В целях ознакомления с результатами работ экспедиции в 1925 г. в залах Российской академии истории материальной культуры была устроена выставка работ экспедиции: представлены архив, научный инвентарь, образцы черновых записей, карточек, зарисовок, альбомы законченных рисунков и фотографий, серии больших рисунков, планов и чертежей, иллюстрирующих определенные темы, карты, диаграммы и рукописи.

В связи с выставкой были прочитаны доклады на основании материалов экспедиции, в том числе: Д. А. Золотаревым «Работа этнологической экспедиции за 4 года и верхневолжская деревня», Е. Э. Бломквист «Украшение крестьянских построек», Н. П. Гринковой и С. А. Ереминым «Язык и этнология (опыт применения лингвистики в этнологических работах экспедиции)» (Зеленин 1927, 1926; Золотарев 1924; Верхневолжская 1926).

Д. К. Зеленин отмечал вклад экспедиции в изучение русского жилища, выразившийся в издании специального тома: Верхне-Волжская этнологиче-

ская экспедиция. Крестьянские постройки Ярославского и Тверского края (Л.: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1926. – 173 с.).

По итогам экспедиций под руководством Д. А. Золотарева были подготовлены и в 1924–1927 гг. изданы карты Мурманской губ., Северо-Западной обл. и Карелии, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Тверской губерний и губерний Поволжья. Золотарев снабдил карты подробным пояснительным материалом. Данные карт использовались при проходившем в 1920-е годы национально-территориальном размежевании страны. Изданы не потерявшие и ныне своего значения труды по антропологии, этнографии, географии, фольклористике, методике научно-исследовательской, полевой и экспозиционной работ.

Материалы экспедиции интересовали и партийные, и производственные структуры, так как помогали в учете природных ресурсов, миграций населения в связи с сезонностью занятий, центров ремесленного производства, структуры сельского и промыслового хозяйства.

Экспедиции Д. А. Золотарева по масштабу, значимости, результатам приравнялись к своего рода автономным научным учреждениям, занявшим особое место в истории отечественной этнографии (Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026).

Государственная академия истории материальной культуры с 1925 г. проводила Юго-восточную экспедицию под руководством Д. А. Золотарева (участники: Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова и др.).

Задачей экспедиции являлось систематическое изучение этнографических особенностей населения южнорусских губерний, по примеру аналогичных работ в Верхнем Поволжье. В 1925 и 1926 гг. полевые работы велись в Воронежской губ. Одной из частных задач обследования было сравнительное изучение двух групп русского населения – бывших однодворцев и бывших помещичьих крестьян; в южных уездах губерний соответствующая задача ставилась по изучению русских и украинцев, живущих в непосредственном соседстве. Этнографы собирали материалы по материальной, духовной культуре и по экономике. В качестве маркеров этничности использовались данные о языке, одежде, жилище. Подобно Верхневолжской, экспедиция носила комплексный характер.

Воронежская экспедиция стала известной и благодаря открытию южнорусской сказочной традиции в лице Анны Куприяновны Барышниковой. Н. П. Гринкова познакомилась со сказительницей в с. Большая Верейка Землянского у. В 1926 г. опубликовала статью «Сказки Куприянихи», после которой

Анна Куприяновна получила всероссийскую известность, была принята в Союз писателей и позже награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Работа в экспедициях специалистов по этнографии, фольклористике, диалектологии продолжала открывать богатство, красоту, разнообразие русского фольклора. Фольклорная традиция отражала и праздничную, и бытовую, и трудовую культуру, мировоззрение и историческую память. Благодаря деятельности ученых она сохранялась в аудиозаписях и публикациях.

В 1927 г. Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова работали в Казахстанской экспедиции (Юго-Западный Алтай, бассейн р. Бухтармы и истоки р. Катунь) и привезли интересный материал о бухтарминских старообрядцах, ставший основой для совместной книги. Руководитель этой комплексной экспедиции С. И. Руденко пригласил этнографов для изучения части русского населения Казакстана (до нового национально-административного деления район входил в Алтайский горный округ и принадлежал к Змеиногорскому у. Томской губ.) и выявления традиций взаимоотношений с казахами. Этнографические и главным образом лингвистические исследования показали, что бухтарминцы по происхождению являются северными великорусами, и их путь на Алтай лежал через Вятскую и Пермскую губернии (Бломквист, Гринкова 1930: 1, 449–452). Пример исследования небольшой, казалось бы, группы бухтарминцев показывает, что этнографы не ограничивались описанием достаточно ярких внешних характеристик, а ставили их в контекст этнической истории, истории освоения русскими Сибири – проблемы, которой будет посвящено немало исследований во второй половине XX в.

А в 1928 г. Гринкова и Бломквист стали участниками Башкирской экспедиции АН СССР (где, среди прочего, исследовали похоронную обрядность русских староверов д. Большие Ключи).

В экспедициях от Государственного центрального музея народоведения в этот период активно работали Н. И. Лебедева и С. П. Толстов (Шиллинг 1926, 1927, 1928; Ильинская 1930).

Во время экспедиций осуществлялось научное сотрудничество с краеведческими обществами и организациями, где участники экспедиции делали свои доклады (среди прочих – Брянским и Калужским обществами изучения местного края). Такая же деятельная связь поддерживалась с местными музеями: с одной стороны – изучались их коллекции, с другой – участники экспедиций давали указания и советы по реорганизации музеев, по методам и планам собирания и пр. (в частности для музеев Калуги, Брянска, Полтавы, Миргорода, Харькова, Нижнего Новгорода).

В 1925 г. музей организовал более 20 этнографических «поездок». Н. И. Лебедева обследовала южнорусское население Брянской, Орловской и Калужской губерний, а также Дмитровского у. Московской губ.

В Ветлужском р-не Нижегородской губ. сотрудники музея работали в составе Комплексной антропологической экспедиции Антропологического научно-исследовательского института при 1 Московском государственном университете² под руководством известного антрополога и этнографа Бориса Сергеевича Жукова (1892–1934).

Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) – ученик Д. Н. Анучина. Работал в Центральном музее народоведения, в Институте антропологии МГУ (заместитель директора и заведующий палеоэтнологической лабораторией), член Московской секции Государственной академии истории материальной культуры, член Центрального бюро краеведения. Среди его учеников – М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров и др.

Б. С. Жуков, как и Д. А. Золотарев, выступал за комплексный подход, предполагавший сочетание разных дисциплин с их методиками (Жуков 1927; Сорокина 2022).

Эта экспедиция была организована 1 МГУ при участии и поддержке Нижегородского губотдела Ассоциации по изучению производительных сил, Центрального музея народоведения в Москве, Нижегородского историко-бытового музея и других учреждений. В ее задачи входили антропологические, этнографические и палеоэтнологические исследования, связанные с учетом демографических и некоторых экономических данных.

Ветлужская экспедиция 1925–1926 гг. стала первым этапом этого масштабного проекта. За этнографическую часть отвечал отряд под руководством С. П. Толстова. До 1929 г. Центральный музей народоведения проводил исследования в рамках этой работы в различных районах Центральной России (Брянская, Орловская, Калужская, Рязанской губерний) и Поволжья.

В 1926 г. Русское отделение музея осуществило четыре поездки. Самой значительной признана поездка Н. И. Лебедевой в районы Смоленской, Брянской, Гомельской и Черниговской губерний. Н. И. Лебедева прорабатывала тему западной границы типов культуры, аналогичных с элементами южнорусскими, а также установления элементов культуры областей, спорных по этническому составу: в Рославльском и Ельнинском уездах – контакт русской и белорусской культур; в Суражском, Мглинском, Стародубском уездах – белорусской и украинской, в Поченском и Новгородсеверском – русской и украинской. Изучались жилище, костюм,

средства передвижения, промыслы (ткачество, гончарство, рожечное производство) и явления из области духовной культуры (праздники годового круга, аграрные обряды, обряды, связанные со скотоводством, культ предков и др.). Приобретена коллекция до 170 предметов.

В публикациях по итогам экспедиций, в том числе и отчетных, обращалось внимание на методу исследований. Важным достижением называлось системное описание явлений материальной и духовной культуры. Почти во всех полевых работах применялся метод соединения экспедиционного обследования целого района со стационарным изучением отдельных типичных селений.

В 1927–1928 гг. изучению славянских народов музей посвятил четыре поездки. Экспедицией в Белоруссию руководила Н. И. Лебедева (маршрут протяженностью более 320 км).

Экспедиция проработала ряд основных этнографических тем по жилищу, одежде, ткачеству, сельскохозяйственным орудиям, кустарным промыслам, средствам передвижения, рыболовству, пчеловодству, утвари, музыкальным инструментам, игрушкам, аграрным обрядам, а также собрала материалы по истории и экономике селений. Приобретенная экспедицией коллекция послужила основой для развернутого в музее весной 1928 г. Белорусского зала.

Профессор Б. М. Соколов возглавлял экспедицию в район Кенозера Вологодской губ. (1927 г.) и в район Водлозера Карельской республики (1928 г.). Экспедиции проходили в сотрудничестве с фольклорной экспедицией Государственной Академии художественных наук (ГАХН). В области изучения материальной культуры экспедиции собрали ценный материал по крестьянским постройкам и коллекции по набойкам, рыболовству, охоте, костюму.

В 1928–1929 гг. Н. И. Лебедева как опытных этнограф-полевик и представитель Восточнославянского отделения Центрального музея народоведения работала в с. Бояновичи Брянской губ. в качестве приглашенного Совкино консультанта. Это было первым опытом совместной работы этнографического музея с киноорганизацией, в результате которого Музей приобрел ценный кино- и фотоматериал, зафиксировавший трудовые процессы и обрядовые действия в их динамике.

Подготовка этнографических фильмов была частью начатой в 1920-х масштабной государственной программы по созданию серии из 150 культурно-просветительских фильмов о различных регионах и народах страны. Назывался проект «Киноатлас СССР» и был заморожен в 1930-е. Со стороны научного этнографического сообщества его разрабатывали в визуально-этнографических лабораториях в Ленинграде (руководители В. Г. Богораз из

Музея антропологии и этнографии и Л. Л. Капица из Этнографического отдела Русского музея) и в Москве – при Центральном музее народоведения под руководством Бориса Матвеевича Соколова.

Будучи опытным полевиком, Б. М. Соколов использовал экспедиции для планомерного пополнения базы кинофотодокументов. В докладе на Втором совещании этнологов Центрально-Промышленной области в 1927 г. он отметил, что залогом создания правдивого, научно достоверного фильма является тесный контакт консультанта (ученого) и кинооператора (Культура и быт 1929: 230).

Успех документального этнографического фильма «В брянском Полесье» во многом был обеспечен консультациями Н. И. Лебедевой. Картина содержала сведения по этнографии местного населения (промыслы, уход за посевами, сбор урожая, домашние работы, интерьер изб, будни церкви и монастыря, крестных ход, водосвятие, свадебный обряд, поминание усопших) и истории советского строительства в крае (крестьянские собрания, работа кооперативных артелей, механизация вспахивания и уборки). Была показана и жизнь города (Брянск) – школы, больницы, дома культуры и пр. (Головнев 2021). Таким образом соблюдалась последовательность изложения, характерная и для экспедиционных отчетов этого времени: от традиций и заблуждений к колхозам и социальным благам.

В первой половине 1920-х годов Государственный музей Центрально-Промышленной области (Н. И. Лебедева, А. Г. Данилин, Б. А. Куфтин) провел ряд экспедиций по своему региону (Государственный музей 1926; Толстов 1927, 1928; Лебедева 1923).

В 1923–1924 гг. Н. И. Лебедева ездила в Сапожковский, Данковский, Скопинский, Рязский и Рязанбургский уезды Рязанской губ., занимаясь районированием типов одежды и орнаментов на ней. В 1925 г. Н. И. Лебедева работала в Масальском, Спас-Деменском и Перемышльском уездах Калужской обл. В результате этих поездок музей обогатился многими предметами (преимущественно одежда) и графическими материалами (фотографии и зарисовки жилища, домашней утвари, средств передвижения и т. п.).

В 1926 г. Н. И. Лебедева под руководством Б. А. Куфтина участвовала в экспедиции в с. Мелихово Сасовского у. Рязанской губ. для собирания сведений по материальной культуре населения, музейных закупок и изучения троицких обрядов. В 1927 г. – в экспедиции музея в южную часть Рязанской и Тульской губерний.

В 1925 г. Г. С. Маслова работала в Кашинском и Бежецком уездах Тверской губ. Экспедиция в Кашинский и Елатомский уезды Рязанской губ. проведена сотрудниками ГМЦПО и Рязанского музея.

С 1926–1927 гг. сотрудниками музея А. Г. Данилиным и Г. С. Масловой полевые этнографические работы велись главным образом в связи с озерной комплексной экспедицией музея в районе Спасско-Пиковских озер (Великое и Святое) в Рязанской губ. по изучению рыболовного промысла и быта рыбаков, преимущественно материальной культуры. Но попутно собирались сведения и по духовной культуре — бытовым обрядам и верованиям.

В этом же году Г. С. Маслова работала в Пошехонском у. Ярославской губ., изучая материальную культуру местного русского населения и приобретая предметы для музейной коллекции.

Отметим обязательную для музеев проработку собранных в экспедициях материалов. Она проводилась в течение зимы, на основе нее готовились новые экспозиции. С. П. Толстов участвовал в этой работе, составляя для экспозиции карту типов крестьянских построек Центрально-Промышленной области и смежных районов. Научные публикации по итогам полевых работ выходили в выпусках «Трудов музея Центрально-Промышленной области».

В 1927 г. отрядом под руководством С. П. Толстова, в состав которого входила и Г. С. Маслова, а также сотрудники Вязниковского музея и студенты-антропологи 1 МГУ, были проведены работы по изучению материальной культуры населения юго-восточной части Владимирской губ. по маршруту Вязники–Муром–Елатьма.

Летом 1928 г. музеем ЦПО совместно с Тверским музеем была осуществлена комплексная экспедиция в Тверскую губ., в которой приняли участие, помимо этнологов, палеоэтнологический, экономический (сельскохозяйственный и кустарно-промышленный) и естественно-исторический отряды. Этнологическое изучение велось двумя отрядами — Карельским (Тверской, Бежецкий, Верхне-Волоцкий и Ржевский уезды) под руководством С. П. Толстова и Великоорусским (Осташковский у.) под руководством Г. С. Масловой. В работах принимали участие и два студента-антрополога 1 МГУ. Осенью 1928 г. осуществилась этнолого-экономическая экспедиция в Тульскую губ., в которой от музея приняли участие Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова.

Этнографический отдел Государственного Русского музея (А.З. 1927; *Зарембский* 1926) в 1925 г. осуществил экспедиции: Саяно-Алтайскую под руководством С. И. Руденко (продолжалась в 1927–1929 гг.), Лапландскую, Ленинградскую и Великоорусскую под руководством Д. А. Золотарева. В Великоорусской участвовали Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

В январе 1926 г. этнографическим отделом была устроена большая отчетная выставка. Основным материалом для выставки послужили коллекции

по русским, собранные Верхневолжской экспедицией (в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях), в южной Великороссии (в Воронежской, Брянской, Орловской и Рязанской губерниях), на р. Печоре, Лопарской экспедицией — в Мурманском крае, на Терском берегу Кольского полуострова и экспедициями к другим народам СССР.

Отчетной выставке было посвящено особое издание: «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», в котором нашли место как сообщения об исследовательских работах на местах, так и предварительное описание собранных коллекций.

На выставке Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой были сделаны доклады по материалам экспедиции.

Е. Э. Бломквист руководила этнографическими поездками в ряд волостей Ярославской губ., проводимых совместно с Обществом изучения местного края (Ярославская губерния 1926).

Вопросы целей и методики научной полевой работы постоянно обсуждались в 1920-е годы как этнографами в печати и на совещаниях, так и общественностью.

Д. А. Золотарев в 1926 г. опубликовал важную статью по методикам изучения быта послереволюционной деревни (*Золотарев* 1926).

Наиболее продуктивными он считал комплексные экспедиции, осуществляемые центральными учреждениями при участии местных сил и работающие в течение ряда лет на сравнительно небольшой территории как по маршрутам (как тогда говорили: «экскурсируя»), так и стационарно.

В некоторых случаях эти методы сочетались: выбирался какой-либо центральный пункт в качестве базы и оттуда по радиусам делались кратковременные экскурсии в села, лежащие вокруг этого пункта. Часто применялся метод соединения экспедиционного обследования целого района со стационарным изучением отдельных типичных селений.

Продуктивной и перспективной считалась работа этнологических станций. Их появление объяснялось необходимостью планомерно накапливать и обрабатывать систематически собираемые материалы. Суть метода состояла в длительном проживании этнографов в исследуемых районах с использованием включенного наблюдения. Сотрудники описывали и собирали уникальные материалы, составившие впоследствии фонды как архивов, так и музеев.

Примером может случить Костромская этнологическая станция (Этнологическая станция Костромского научного общества по изучению местного края). Со времени открытия Костромского научного общества его секретарем, а затем председателем был Василий Иванович Смирнов (1882–1941). В 1922 г. он организовал Этнологическую станцию.

Каждое лето станция снаряжала экспедиции по изучению как материальной, так и духовной культуры. Станция рассылала по губернии анкеты, ответы на которые затем тщательно анализировались.

Использование анкет для сбора сведений также обсуждалось в этнографическом сообществе. Д. А. Золотарев считал целесообразным их применение для опросов по узким темам.

Д. К. Зеленин, анализируя анкеты и программы для описания народного быта, отмечал продуктивность тех, которые сопровождаются подробными методическими указаниями.

В 1926 г. увидела свет методическая разработка Б. М. Соколова «Поэзия деревни: руководство для собирания произведения устной словесности» (М., 1926. 166 с.)

Но все же базовыми оставались методы наблюдения и интервьюирования.

Собирание коллекций для музеев, зарисовки и фотофиксация материалов рассматривались как важные методы экспедиционной работы. Научная ценность и достоверность обеспечивались правилами ведения полевых дневников, заполнения карточек с описаниями предметов коллекции и иллюстративных материалов.

С. П. Толстов показывал преимущества статистического учета форм построек во время работ в Вязниковском у. Владимирской губ. Здесь на каждый объект заполнялась карточка с указанием времени постройки избы и двора, материала и типа покрытия крыши дома и двора, типа жилого дома, типа соединения избы с двором. Это позволило представить «кривую смены форм построек во времени» для каждого из обследованных селений и для всего района. Метод работал только при условии учета всех построек каждого населенного пункта.

Н. И. Лебедева отмечала необходимость дополнения статистических сведений историческими справками по формированию и составу населения, поскольку сопоставление старых и новых форм без учета возможных переплетений южнорусской и севернорусской традиций могло, по ее мнению, привести к ошибке.

В 1920-е годы передовым считался комплексный подход в исследованиях. С его использованием связаны так называемые монографические описания одного поселения или целой волости.

Причем до начала 1930-х годов монографичность допускала фиксацию сведений о снижении уровня жизни крестьян, архаизации их быта и хозяйства в связи с экономическими и политическими переменами в стране. Например, Н. Е. Ончуков в работе «Поездка в Чердынский край летом 1923 года» (автор ездил по поручению губвыстка для покупки предметов быта на Московскую сельско-

хозяйственную выставку) сообщал, что почти в каждом доме используются кремень и огниво вместо дорогих спичек, лучина вместо дорогого керосина, домотканое полотно вместо ситца, бывшее заводское население занялось охотой, земледелием по старинной подсечной системе, причем усиленно выжигаются леса (Ончуков 1924).

Или наоборот – отмечалось улучшение некоторых сторон быта в деревне по тем же причинам. Агроном К. К. Дыский в издании «Опыт монографического описания деревни Бурцевой Волоколамского уезда» (Дыский 1923) фиксировал «резкий перелом в обстановке жилья», произошедший в 1918–1920 гг., когда из Москвы было вывезено, в обмен на продукты, много городской мебели (буфеты орехового дерева, венские стулья, трюмо, книжные шкафы с библиотеками, письменные столы, мягкая мебель).

Н. П. Гринкова привезла в музейную коллекцию образцы растений (кажущка, куранда), употреблявшихся в пищу во время голода 1921 г. в Воронежской губ., а также образец ткани в полоску, окрашенный природными красителями – ольховой корой и еловыми шишками – из-за отсутствия фабричных красителей у крестьян Ярославской губ. в 1917–1922 гг. (Петрашин, Колчина 2026).

Комплексный подход в этнографических исследованиях выражался в исследовании в поле всех сторон жизни крестьян: сельское хозяйство (земледелие), ремесла, промыслы (валяльный, овчинный, гончарный и др.), животноводство (в том числе русское оленеводство Терского берега Мурманского округа и у бухтарминцев на Алтае), торговля, орудия труда, охота и рыболовство, пчеловодство, жилище и хозяйственные постройки, одежда, утварь, средства передвижения, социальные отношения, семейная жизнь, питание, игры, праздники, обряды и верования, фольклор, народное искусство, народные знания.

Использование данных других дисциплин позволяло уточнить, подтвердить данные этнографии или задать новые направления исследований. Так, массовые антропометрические измерения русских и финских народов в экспедициях Д. А. Золотарева раскрывали историю их взаимоотношений. Хорошие результаты давало и сопоставление этнографических сведений с данными диалектологии. В этой сфере активно работала Н. П. Гринкова. Одной из первых для нее была организованная Географическим институтом в 1920 и 1921 гг. экспедиция по изучению Петроградской губ. в диалектологическом, этнографическом и фольклорном отношениях.

Комплексный подход предполагал изучение «древности», современности и фиксацию новых форм культуры, которые свидетельствовали о толь-

ко начинающих культурных процессах. И здесь привлекали внимание вопросы не только межэтнических и внутриэтнических взаимодействий, но и механизма взаимодействия между городом и деревней (Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026).

В период предэкспедиционной подготовки и во время написания итоговых трудов комплексный подход выражался в привлечении данных по истории, экономике, духовной жизни, то есть всего контекста изучаемой культуры.

Во всех экспедициях собирались вещевые материалы для музеев. Этой части работы уделялось большое внимание. С одной стороны, в 1920-е годы этнографы считали необходимым презентовать результаты экспедиций в виде выставок – как научному сообществу, так и широкому кругу интересующихся. С другой стороны, вещевые, иллюстративные и фотоматериалы рассматривались как важный источник этнографических исследований, на основе которых создавались научные труды.

Постоянно пополняемые музейные коллекции отражали (своей объективностью) тот образ народа, «научная значимость которого ничуть не ниже его теоретического осмысления». Поскольку «у этнографического образа есть шанс войти в нетленный фонд науки, тогда как опыт этнологического теоретизирования может остаться сиюминутным и ситуативным» (Головнев 2002: 16).

Многие коллекции попали в итоге в Российский этнографический музей. Современные его сотрудники продолжают научную работу с ними и бережно хранят память о собирателях (Хартанович, Шангина 2026; Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026; Кубель 2026; Королькова 2026; Петряшин, Колчина 2026).

Вещевые коллекции 1920-х годов отражают традиционную культуру как комплекс. Сама концепция комплектования предполагала, что привозимые из экспедиции вещи и фотографии должны были представлять основные сферы жизни изучаемого населения и демонстрировать его культурное своеобразие.

Е. Э. Бломквист передала в это время музею экспонаты не только по основной своей теме (жилище), но и по более широкой тематике. Ей принадлежат многочисленные зарисовки усадеб, жилых и хозяйственных помещений, образцов домовой резьбы и архитектурных деталей, орудий труда и других этнографических объектов. В масштабные экспедиции обязательно брали фотографа, художников, но нередко и самим исследователям приходилось фиксировать материал в виде рисунков. Поскольку рисунки были частью научной работы и подразумевались их дальнейшие анализ и систематизация,

все они снабжались паспортами: указанием места бытования, названий изображенного объекта и его частей (в том числе и местных), его размеров, назначения, материала и времени изготовления/постройки. На планах построек указывался масштаб (Шангина 2026).

В общей сложности экспедиционные сборы Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой для Этнографического отделения Русского музея составили около 2000 экспонатов, в основном по традиционной культуре русских. Они восполнили территориальные, хронологические, тематические, а также значительные этнолокальные лакуны в музейном собрании и этнографии в целом (материалы по однодворцам Воронежской губ., тузовлянам Тверской губ., сицкарям Рыбинской губ., бухтарминским старообрядцам Семипалатинской губ.).

Экспедиции центральных этнологических учреждений, как правило, опирались на помощь местных краеведческих организаций и музеев. Это было возможно благодаря тому, что подобных учреждений был много, и они проводили и обширную самостоятельную экспедиционную и издательскую работу.

В 1926 г. о своей экспедиционной и иной исследовательской деятельности в изучении русских на страницах журнала «Этнография» заявляли: московское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии; Отделение этнографии Русского географического общества; Сказочная комиссия при Отделении этнографии Русского географического общества; Этнографическая секция Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; Архангельское общество краеведения (Архангельская губ.); Грязовецкая организация краеведения (Вологодская губ.); Костромская этнологическая станция; Ярославское общество изучения местного края (г. Ростов); Переславль-Залесское научно-просветительное общество (Владимирская губ.); Этнологическая станция Ивано-Вознесенского научного общества краеведения; Нижегородский историко-бытовой музей; Музей Дмитровского края (Московская губ.); Этнографический отдел Калужского государственного областного музея и Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древности; Общество исследователей Рязанского края; Этнографическая секция Нижне-Волжского областного научного общества краеведения и Этнографический отдел Саратовского областного государственного музея; Российское общество по изучению Крыма; Тюменское Общество изучения местного края и Шадринское научное хранилище (Уральская обл.); Семипалатинский отдел Русского географического общества (Казакская АССР); Этнолого-археологический музей Томской

губ.; Отдел этнографии музея Енисейского края (Красноярск, Енисейская губ.). Значительная их часть вела свою историю с дореволюционного времени, но возникали и новые.

Ю. М. Соколов отмечал факт появления новых фольклорных центров в разных частях СССР, которые вели работу в том числе и по инструктированию в деле собирания фольклорного материала. В некоторых случаях причина оживления собирательской работы была в том, что ряд профессоров столичных университетов в первые годы революции свою научную деятельность перенесли в провинциальные города, в местные университеты и педагогические институты (проф. Б. М. Соколов в Саратове, проф. Н. М. Каринский в Вятке, проф. Ю. М. Соколов в Твери, А. М. Смирнов-Кутачевский в Ярославле).

Работа всех перечисленных ученых базировалась на совместном труде со студентами, все стремились вовлечь студенческие массы в краеведческую работу по собиранию и привлечь к непосредственному участию в научном наблюдении над жизнью фольклора.

Ю. М. Соколов называет это одним из крупных достижений фольклористики в СССР, отмечая, что провинциальные вузы создавали для таких масштабных исследований особо благоприятные условия, прежде всего благодаря тесной связи учащихся с деревнями своего края (Соколов 1926).

Стремление к вовлечению масс в этнографические и другие научные исследования – характерная черта научной жизни 1920-х годов.

Д. А. Золотарев считал целесообразным привлекать учащихся, молодежь к сбору материала: «работа учащихся может дать очень большие результаты при умелом руководстве и отказе от тенденциозности в выборе материала. Особенно практично использовать молодежь, вышедшую из деревенской среды, и молодежь национальных меньшинств. Работа в знакомой и родной среде, как указывает опыт, дает прекрасные результаты и избавляет от ошибок, получающихся при мимолетных наблюдениях постороннего человека» (Золотарев 1926).

Ю. М. Соколов видел преимущество привлечения к работе студентов, даже большими группами (до 30–40 человек), в том, что коллективная работа давала возможность за короткий срок охватить значительный материал. Он писал: «Не отрицаю, – в научном отношении лучше всего будут результаты собирательской работы, если в ней принимают участие вполне подготовленные лица. Думается, фольклористические материалы, добытые группой квалифицированных работников Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде под руководством профессора Д. А. Золотарева при участии, например, Н. П. Гринковой и Е. Э. Бломквист,

в отношении точности и верности записи будут безупречны... Но если ограничиваться собирательскими работами лишь квалифицированных ученых специалистов, то, я полагаю, науке был бы нанесен огромный ущерб. Научных сил в СССР не так много, чтобы можно было на них одних возложить всю работу по собиранию сырых материалов» (Соколов 1926: 157).

Д. А. Золотарев считал допустимым привлечение к работе даже школьников – при умелом руководстве ими. Д. К. Зеленин приводит в качестве примера краеведческое описание Никольской вол. Раненбургского у. Рязанской губ., составленное учениками местной Загрядчинской школы I ступени под руководством учителей Рождествовских, результаты которого отражены в книге «Методические письма. Письмо второе. Наша волость. Опыт проработки комплекса» (М., 1924. 48 с.), изданной с предисловием Н. К. Крупской как образец краеведческих работ в начальной школе (Зеленин 1926).

Вопрос о финансировании экспедиций решался не только центром, но с привлечением многих, нередко далеких от исторической науки и музейного дела, организаций и отдельных энтузиастов. Д. А. Золотарев в отчете о своей экспедиции отмечает, что несмотря на поддержку Комиссии по изучению племенного состава России, Российской академии истории материальной культуры, Русского музея, РГО, Экспедиционной комиссии Академии наук, Комитета Севера при РГО, экспедиция не была включена в смету Наркомпроса.

Лишь интерес, проявленный к работам экспедиции Агрономической службой Северных железных дорог и Управлением по мелиорации земель, и помощь, оказанная ими, помогли в финансировании. План экспедиции дополнили специальными заданиями от этих организаций по изучению промыслов и сельскохозяйственного быта и представили в Государственную Плановую Комиссию, которая его утвердила. Комитет содействия экспедиции в Рыбинске и уполномоченные заведующего экспедицией в Рыбинске, Бежецке и Твери подготовили возможность материальной поддержки со стороны различных местных кооперативных и других экономических организаций. Такими учреждениями были Рыбинские Губсоюз, Сельпромсоюз, Районное Управление водного транспорта и Совет Народного Хозяйства, Тверские Губернское Экономическое Собрание и Губсоюз, Краснохолмские, Весьегонские и Бежецкие кооперативные учреждения. Агрономическая служба предоставила возможность пользоваться бесплатными билетами для групповых поездок. Устроенные театрализованные «Вечера русской народной сказки» в Петрограде, Рыбинске и Мологе (деньги от продажи билетов)

помогли приобрести самое необходимое, чтобы начать работу (Золотарев 1924: 13). Д. А. Золотарев представляет список отдельных лиц, помогавших в организации на местах (А. В. Бурова, семейства Рождественских, Даниловых, Щепочкиных и др. – список занимает целую страницу) и приносит им благодарность.

Он отмечает, что, хотя «жизнь интеллигентных тружеников на местах складывается так, что было бы непроситительно требовать от них самопожертвования или бесплатного труда... мы имеем примеры активного бесплатного участия в научной работе нескольких лиц» (и далее список).

Говоря о помощи местных хозяйственных организаций в реализации планов экспедиции, Золотарев ставил вопрос о том, что центр должен обеспечить финансированием обработку Академией истории материальной культуры и Русским музеем собранных материалов (Золотарев 1924: 30–31).

В 1920-е годы постепенно выстраивалась и укреплялась система централизованного планирования и финансирования масштабных комплексных экспедиций для изучения и включения в планы советского строительства крупных регионов, как правило, удаленных от Центральной России, – с участием геологов, почвоведов, ихтиологов, зоологов, ботаников, медиков, эпидемиологов, этнографов, антропологов и т. д. Как большая комплексная экспедиция стали рассматриваться к концу 1920-х годов исследования Кольского полуострова под руководством Д. А. Золотарева. В других экспедициях вопросы этнографии и антропологии русских не были центральными, но, по возможности, и им уделяли внимание.

До 1930 г. значительную помощь в организации этнографических, лингвистических, антропологических экспедиций оказывали центральные и местные подразделения Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Эта научно-исследовательская организация была создана в 1915 г. Императорской Санкт-Петербургской Академией наук по инициативе академика В. И. Вернадского. Поначалу ее главной целью было изучение сырьевой базы страны для снижения зависимости от импорта в условиях Первой мировой войны. После революции КЕПС занималась вопросами хозяйственного, экономического, человеческого потенциала страны в условиях проведения реформ. В 1930 г. КЕПС вошла в Совет по изучению производительных сил (СОПС).

С 1921 г. для планирования, объединения и анализа результатов академических экспедиций – с целью сбора данных о естественных производительных силах РСФСР – была создана Комиссия по научным экспедициям Академии наук под

председательством академика С. Ф. Ольденбурга. В 1926 г. правительство Казакской АССР обратилось в Академию наук с просьбой провести ряд научно-исследовательских работ «для правильного обоснования важнейших мероприятий, направленных к хозяйственному и культурному строительству этой республики». Это обращение, а также просьбы от Якутской и Бурят-Монгольской АССР стали толчком к созданию в 1926 г., по инициативе А. Е. Ферсмана, Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР). Его задача – регулирование экспедиций академических учреждений, проводимых по запросам республик, областей и отдельных учреждений. Общее собрание Академии наук одобрило особое положение о ОКИСАР. Затем – по инициативе Управления делами Совета народных комиссаров и постановлению президиума Академии наук это учреждение получило более общее наименование, ближе подходящее к его целям и задачам, а именно «Комиссия экспедиционных исследований Академии наук» (КЭИ). В 1930 г. функции КЭИ перешли к Совету по изучению производительных сил (СОПС).

В состав КЭИ входили территориальные комиссии республик и областей. Сами же экспедиции, выполняющие задания научных учреждений так же, как и раньше, организовывались этими учреждениями. К обязанностям КЭИ относились только административно-финансовая и общая методологическая часть экспедиций. По заявлениям республик, областей, ведомств и учреждений КЭИ разрабатывала ориентировочные планы и сметы предстоящих работ. После одобрения смет и планов выделялось финансирование и осуществлялись полевые работы. КЭИ согласовывала экспедиционную деятельность разных учреждений и ведомств. Планировалось, что КЭИ совместно с Центральным бюро краеведения будет вести учет экспедиций и этим оказывать помощь Госплану в его планировании общей научно-исследовательской работы СССР (Ферсман 1929: 31–32).

Подробные отчеты печатались в «Осведомительных бюллетенях» Комиссии экспедиционных исследований, выходивших 2–3 раза в месяц, и в ежегодных отчетах неперменного секретаря Академии наук. Выходили также Материалы Комиссии экспедиционных исследований. С 1926 по 1930 г. – 30 выпусков. Под номером 17 Материалов КЭИ вышла монография Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой «Бухтарминские старообрядцы».

Отчетность по менее масштабным экспедициям предполагала несколько вариантов, или этапов. Например, организация выставки, обсуждение докладов, печатные работы.

Руководимый В. В. Богдановым Государственный музей Центрально-Промышленной области был одним из лидеров этнологической деятельности и организовывал специальные совещания для этнологов (Комиссия 1926), в которых участвовали представители Москвы, Ленинграда, научных учреждений губерний ЦПО и соседних, на которых вырабатывались общие подходы к полевой практике. Такие совещания обеспечивали не только отчетность, знакомство с последними достижениями науки, но и эффективное планирование научной работы. Назовем темы некоторых докладов разных лет: В. В. Богданов «Обзор этнологических задач по исследованию населения ЦПО», «О постановке работ по изучению быта и промыслов рыбацкого населения ЦПО»; Д. А. Золотарев «Вопросы изучения быта деревни»; Д. К. Зеленин «Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-Промышленной области»; П. Ф. Преображенский «Этнология в СССР за 10 лет»; Б. С. Жуков «Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп»; С. П. Толстов «Вопросы согласования методов полевых этнографических исследований», «К этнологической систематике форм великорусского жилища в Средней России»; Н. И. Лебедева «Систематика прядения и ткачества на территории ЦПО», «Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний»; Г. С. Маслова «Итоги этнологических рекогносцировок в Тверской губ. летом 1925 г.», «Этнологические материалы по изучению озер Мещерской низменности»; А. Г. Данилин «Этнологическая рекогносцировка как один из видов полевой работы»; Б. А. Куфтин «Задачи, методы и достижения в изучении костюма ЦПО»; М. Я. Феноменов «Значение для областной этнологии мелкорайонного изучения истории деревни» и др. (Государственный музей 1926; Культура и быт 1929).

По завершении экспедиций вставал вопрос не только о презентации материалов, но и об их хранении. В 1920-е – 1930-е годы черновые полевые дневники этнографы хранили в личных архивах (Москвина 1925).

Фотографии, иллюстрации, предметы быта и пр. передавали в музеи, при которых в то время и велись многие исследования, письменные материалы передавались в виде тетрадей, карточек, карт, схем, диаграмм.

Последующая научная, в том числе музейная обработка материала показала необходимость выявления принципов систематизации и классификации, которые позволили бы распределять сведения по типам, комплексам и отслеживать явления этнической культуры во времени.

Проблема классификации увязывалась с необходимостью картографирования и решалась постепенно, шаг за шагом.

Так, в начале XX в. В. В. Богданов обосновал идею изучения кроя одежды как источника выяснения этнической истории (через фиксацию покроя путем составления чертежей). Позже эту методику развивали Н. И. Лебедева, Н. П. Гринкова, Г. С. Маслова.

Типологией жилища плотно занимались Е. Э. Бломквист, а также С. П. Толстов, В. И. Смирнов и другие исследователи. Причем в комплексе рассматривались хозяйственные постройки, двор, типы поселений.

Некоторые этнографы оставляли разработку научных теорий и обобщения последующим поколениям. Так, костромской краевед Василий Иванович Смирнов считал, что из трех задач краеведа – собирание, хранение и исследование – наиболее важны первые две, и называл краеведов «подмастерьями науки» (Смирнова 2026). Однако надо отметить, что в исследованиях В. И. Смирнова было столько научной внимательности, что они играли значительную роль в вопросах классификации. Второе совещание этнографов 1927 г. даже приняло резолюцию о необходимости издания его работы о русских свайных постройках как способной «пролить свет на многие проблемы развития форм восточнославянского жилища» (Культура и быт 1929: 228).

Но все же результатом большинства описанных экспедиций стали теоретические обобщения, связанные с определением этапов колонизации и в целом этнической истории, этническими взаимодействиями, границами этнических культур и пограничными территориями.

В 1927 г. Государственный музей Центрально-Промышленной области провел совещание, которое, по словам С. П. Толстова, подвело «итоги целому периоду в истории развития советской этнологии» (Культура и быт 1929: 5). Совещание проходило еще в духе свободного научного диалога и приняло ряд резолюций по различным проблемам.

В плане организации и финансирования работ, особенно провинциальных учреждений, отмечены недостаток финансирования, недостаток квалифицированных работников в провинции и загруженность имеющихся технической музейной работой, отсутствие руководящих методических пособий по этнографии. Для исправления ситуации предлагались более тесный контакт с плановыми, культурными и хозяйственными организациями и регулярный созыв научных совещаний.

Б. С. Жуков поделился опытом методической помощи и предлагал распространить его на другие учреждения. В своих экспедициях он постоянно привлекал к работе новых сотрудников – студентов

и местных исследователей. И постоянно возникала проблема с их обучением полевой деятельности при отсутствии методических пособий. В связи с этим в Антропологическом научно-исследовательском институте при 1 Московском государственном университете была создана комиссия по унификации приемов и методов антропологических исследований, в состав которой вошли сотрудники как Института, так и других заинтересованных учреждений. Результаты работы комиссии были опубликованы Наркомздравом в виде сборника инструкций.

Обычно работа с краеведами велась через непосредственный инструктаж, переписку, совещания, музейные курсы. Видя в краеведении не любительство, а потенциал настоящих научных исследователей, Б. С. Жуков предлагал поднять и методический уровень предлагаемых им анкет, программ, снабдив их необходимыми справками и инструкциями (Культура и быт 1929: 225, 226).

По докладам о проблемах, методах и результатах в изучении материальной культуры – средств передвижения, жилища, костюма – отмечены значительные достижения. В качестве вопросов, которые необходимо решать, названы: необходимость планомерного и согласованного изучения (так как только материалы достаточно большой территории могут дать возможность перейти от собирания к обобщениям и выводам); необходимость планирования, обсуждения приемов работы и организации планомерного обмена материалами; необходимость в поле фиксировать архаичные черты (для увязки этнографических сведений с палеоэтнологическими), изучать историю исследуемого вида материальной культуры вплоть до современности, причем обращать внимание на процессы смены одних форм другими (в этой сфере подчеркнута роль краеведов, близко стоящих к объектам исследования). Отмечено, что достижения в области систематизации и классификации важны не только для решения теоретических задач этнографии, но значительно упрощают дальнейший сбор материала на местах, обеспечивая его научную достоверность. Отмечается научная перспективность связки материальной и духовной культур, прежде всего в области изучения костюма.

Анализируя доклады из разных регионов, участники совещания называли те, в которых исследования надо ускорить в связи с быстрым исчезновением там старых форм материальной культуры (юг Рязанской и Тульской губерний).

Участники совещания подчеркнули эффективность монографических исследований прежде всего за счет рассмотрения комплекса материальной, духовной и социальной культур. Причем исследование обрядов, по мнению Н. И. Лебедевой, следо-

вало проводить методом включенного наблюдения и, соответственно, экспедиционные выезды приурочивать ко времени совершения обрядов. В этой связи отмечалось значение местных специалистов, краеведов.

Резолюция по докладу Б. М. Соколова о изучении верований и обрядов, связанных с природными условиями и хозяйственным бытом, ставила следующие задачи: усиление изучения и сбора материалов по этим темам, в том числе для музеев; решение вопроса об эффективном использовании для этого киносъемки; решение задачи создания хранилищ научных фильмов и организации залов для их демонстрации.

По докладам Б. С. Жукова и А. А. Спицына подерживалось положение о единстве научной методологии изучения материальной культуры в этнологии и палеоэтнологии.

Таким образом, по всем пунктам предполагалось тесное сотрудничество центральных учреждений с местными и всех членов научного сообщества друг с другом. Предполагался созыв съезда этнологов СССР.

Протоколы обсуждения докладов Совещания показали, что все участники не только владеют своими темами, но и детально погружены в проблематику изучения славянского населения и могли дать дельные советы по самым разным вопросам этнографической работы.

Этнографы активно обсуждали теоретические вопросы: проблемы аккультурации, «вертикальной» и «горизонтальной» ассимиляций, плюсы и минусы эволюционистской и культурно-исторической школ, методы картографирования, определения центров распространения и периферических зон отдельных культурных явлений (метод культурных ареалов, или площадей); необходимость увязки культурных явлений с этносом, этнической историей (проблема соотношения культурного круга и этнической культуры)

Подводя итог полевым этнографическим исследований до 1929 г., можно процитировать В. В. Богданова: «Созывая совещание, мы ожидали, что оно будет удачнее предыдущего. Но, нужно сказать, что результаты превзошли наши ожидания. Мы встретили огромное сочувствие идее совещания как среди работников Центра, так и на местах. Мы узнали многих новых работников, которые идут на смену старым. Теперь мы знаем, как нужно организовываться, чтобы организация была не мертвой буквой, а живым делом. Мы можем с удовлетворением сказать, что сделаны уже большие шаги по пути превращения краеведения из провинциального любительства в серьезную науку. Ученый Совет музея Центрально-Промышленной Области просил

меня передать, что он не находит слов для выражения своего удовлетворения тем ответом мест на его инициативу, которым является наше совещание» (Культура и быт 1929: 227).

На такой ноте свободного научного диалога и заинтересованного сотрудничества завершился этот период.

Он показал высокий уровень этнографической науки и дал мощный задел для будущих исследований как в теоретическом, научно-организационном, методическом планах, так и по масштабам собранных материалов. Названные специалисты нередко сочетали в себе квалификацию этнологов, антропологов, фольклористов, диалектологов и иногда не ограничивались описанием в ходе поездок одного народа, если в поле зрения оказывались и другие. Такая универсальность позволяла создавать комплексные описания и решать теоретические проблемы. О жизнеспособности и перспективности советской школы этнографии свидетельствовала научная активность воспитанного ею нового поколения исследователей. Этот потенциал в значительной степени использовал позже С. П. Толстов, будучи и сам «родом из того времени», когда в 1942 г. формировал коллектив доверенного ему Института этнографии АН СССР, когда готовил и проводил в жизнь масштабные исследовательские проекты.

Вице-президент АН СССР в 1926–1929 гг. академик Александр Евгеньевич Ферсман подытожил опыт Академии наук за 10 лет (1919–1929) и обозначил перспективы развития экспедиционного дела в книге «Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи». О масштабности и практической заостренности полевых работ он писал: «То, что сто лет тому назад диктовалось скорее общими интересами географического характера, сейчас вызывается потребностями новых форм хозяйства и организации самой жизни. Экспедиционная деятельность сейчас в своей основе есть один из важнейших и наиболее актуальных методов изучения и выявления производительных сил страны...» (Ферсман 1929: 2).

Говоря о масштабных исследованиях в связи с изучением русского народа, нельзя не упомянуть перепись 1926 г. – которая сама по себе представляла собой научно продуманное, организованное и получившее достаточное финансирование экспедиционное исследование всесоюзного масштаба. Ее проведение готовилось Комиссией по изучению племенного состава населения АН СССР и Центральным статистическим управлением СССР. Был составлен Перечень из 199 этнических наименований – самый детальный из разработанных для всех советских переписей. Основными консультантами по славянским народам были руководитель Евро-

пейского отдела КИПС Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, Е. Ф. Карский, Д. К. Зеленин, В. В. Богданов.

В Перечне и словаре народностей русские обозначены как единое целое (без выделения казаков, поморов и т.п.) (Программы и пособия 1927)³.

В историю научной мысли вошли академические дискуссии о признаках национальности: объективных (язык, религия, культура, антропологический тип) и субъективных (самосознание, самоопределение), проходившие в связи с поручением Совета национальностей проработать вопрос о точном определении термина «национальность» для переписи (Верховцев 2022).

Маркерами для определения этнической принадлежности были выбраны самоопределение, язык и религиозная принадлежность. В переписи 1926 г. «произошло сужение понятия “русскости” до этнической категории» (Казьмина, Соловей, Бахматова, Федорова 2025: 169). В методических указаниях для переписчиков отмечалось, какие мелкие группы со своими названиями к каким народностям относить. В отношении же русских наоборот предлагалось разделение: для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом «русский» определяли себя представители трех этих народностей, переписчики должны были настаивать на том, чтобы лица, называющие при переписи свою народность «русский», точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской – они себя причисляют; записи «русский» и «великоросс» считались тождественными.

По итогам переписи в 1927 г. под редакцией И. И. Зарубина был издан «Список народностей СССР». В нем выделены русские (великорусы, великороссы), украинцы (малорусы, малороссы) и белорусы как «три ветви восточных (русских) славян». Таким образом, и в научном языке этого времени отражалось понимание единства восточных славян как русских.

Отмечено, что сплошное великорусское ядро (свыше 99% населения) находится в Московской, Ярославской, Владимирской, Калужской, Тульской, Орловской, Ивано-Вознесенской, Костромской, Вологодской и др. губерниях. «Имея немало местных различий, великорусы выделяют две наиболее крупные группы: южных и северных великорусов. Большое число своеобразных культурно-бытовых типов (поморы, старообрядцы Поволжья, сибиряки, казаки, семейские и т.д.). Язык русский в нескольких говорах и при едином литературном языке. Религия. Православные, немало старообрядцев и сектантов. Занятия. На основе сельского хозяйства все виды хозяйственной деятельности, свойственной культурному населению» (Труды комиссии 1927: 5–6).

Данные переписи 1926 г. использовались в дальнейшем при создании многих трудов по русским и в целом по восточным славянам, при планировании полевых исследований для изучения этнических взаимодействий, историко-культурных связей, ареалов распространения отдельных явлений этнической культуры, а также этнической истории и статистики. Они стали основой для составления более точных этнических карт.

Детальная проработка этнического состава СССР имела не только научное, фундаментальное значение, но поддерживалась государством, готовившим национально-территориальное переустройство с учетом не только национального состава, но и представлений об этнической иерархии и процессах консолидации народностей (Верховцев 2022).

К этнографическим экспедициям, дискуссиям, проектам 1920-х годов можно применить слова А. Е. Ферсмана, сказанные в целом о полевых исследованиях этого времени: «По мере проведения... работ, проработки программ и планов, углубленного анализа получаемых результатов – в Академии Наук выработался постепенно тип таких комплексных работ, который положил в основу идею огромного государственного значения... – идею научно-государственного овладения страной»; «обработкой материалов и изданием ее трудов вполне заканчивается каждая экспедиция, но только внешне: огромный научный материал, влившийся в музеи, лаборатории, институты, на десятки лет служит рядом новых идей и новых исследований, начатые работы преемственно вызывают к жизни новые работы, на местах опубликованные результаты будят мысль, толкают творчество, увеличивают национальное культурное богатство... Глубоко задуманная научная экспедиция неизбежно вызывает к жизни новые идеи, ставит новые вопросы, требует новых исследовательских задач и новых ответов. Ее культурное внедрение в толщу местной жизни является одной из важнейших ее задач. Формальное окончание деятельности академической экспедиции должно неизбежно совпадать с организацией на местах новых центров культурной или хозяйственной работы; таково идейное построение наших экспедиций» (Ферсман 1929: 20, 24).

Этнографы 1920-х годов проводили разные по масштабам полевые исследования – от научных командировок и отдельных экспедиций по специальным вопросам до систематических работ как небольшими коллективами, так и в составе комплексных экспедиций. Они доказывали свою полезность для советской страны – но не в ответ на идеологический прессинг государства, как это будет уже в следующем десятилетии. В 1920-х еще много места было для инициативы, выдвижения и реализации

новых идей, разработки перспективных проектов, – словом, для участия каждого интеллектуала в построении «светлого будущего».

Задачи государственного строительства обусловили интерес правительственных учреждений к этнографической науке и как результат – поддержку и финансирование исследований. Как верно отмечает Т. Д. Соловей, государство было заинтересовано в изучении этнического состава страны. «Ориентируя их (этнографов. – Н. Ш.) в первую очередь на практические результаты, власть не вводила при этом значительных идеологических и политических ограничений в сфере профессиональной деятельности. Более того, большевистский мироустроительный проект с его пафосом титанического созидания смог реактуализировать ценности Модерна и восстановить целостность мировоззрения русской интеллигенции... Приверженность идее прогресса объединила этнологическое сообщество – как представителей старой, дореволюционной школы, так и новую, советскую генерацию» (Соловей 2002: 47).

Хотя государству изучение русского народа было интересно прежде всего как самой мощной производительной силы в стране, а также с точки зрения взаимодействия русских с другими народами, этнография 1920-х годов успешно развивала и традиционные темы русских исследований. Собранные музейные экспонаты, экспедиционные тетради, отчеты, карточки, составленные карты, публикации составили новый этап в изучении русского народа и в этом качестве использовались в дальнейших исследованиях.

Развитие этнологии шло в сторону создания масштабной научной сети, где краеведческие организации вырастали бы профессионально и работали в тандеме с центральными. Характерной чертой времени было привлечение к участию в экспедициях студенчества и молодежи в целом, что давало базу для появления многих новых исследователей в будущем.

Система конференций (совещаний), работа журналов, постоянные научные контакты внутри этнографического сообщества способствовали апробации и проработке результатов исследований, появлению новых идей. Методика экспедиционной работы уже содержала все позиции, которые в дальнейшем будут только развиваться.

Имея свое лицо, русская этнография 1920-х годов развивалась в контексте мировой науки. Не было ограничений в приверженности тем или иным идеям, теориям, важным для постановки полевых исследований и презентации собранного материала. Русская этнография стала особенно интересна зарубежным исследователям из-за масштабности своих проектов. В журнале «Этногра-

фия» за 1927 г. читаем обращение: «К этнографам СССР. Ассоциация этнографических обществ Германии, издающая с 1919 г. систематические библиографические указатели литературы по этнографии и фольклору на различных языках Европы, обратилась в лице проф. Гофмана-Крайера ко мне с просьбой взять на себя ведение отдела СССР, на что я выразил свое согласие. Ввиду крайней трудности собирания библиографического материала, нередко разбросанного в малодоступных провинциальных изданиях, и ввиду необходимости заблаговременной подготовки карточек, обращаюсь к товарищам по научной работе с просьбой сообщать мне о всех трудах в указанной области и, если возможно, доставлять мне самые труды, особенно отдельные оттиски по адресу: Ленинград, Вас. Остр., Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР, профессору Евгению Георгиевичу Кагарову. Проф. Е. Кагаров». Таким образом, к сотрудничеству приглашались исследователи как

столичные, так и провинциальные, специалисты в разных областях (Кагаров 1927).

Преемственность с русской дореволюционной этнографией в научном подходе, руководство проектами со стороны крупных ученых, классическая система ученичества позволяли на новом уровне разрабатывать проблемы классификации, картографирования, этногенеза, этнических взаимодействий, фиксировать новые, уже советские, социальные явления.

Советская этнография 1920-х годов, сохраняя преемственность с дореволюционной школой, обрела свое лицо благодаря тому, что в ней главствующим стал государственный взгляд на науку. Государство ставило перед учеными масштабные задачи изучения этнографии народов всей страны (материальная культура, хозяйственная деятельность, демография, статистика, этнические территории, взаимодействие народов и т. д.). Советская этнография создавалась как государственная наука.

Примечания

¹ В 1938–1941 гг. вместо журнала выходил сборник статей с таким же названием, а после перерыва (1942–1945 гг.) выпуск журнала возобновился.

² 1 МГУ назывался в 1920-е годы бывший Императорский Московский университет (нынешний МГУ им. М. В. Ломоносова). 2 МГУ назывался университет, созданный на базе Московских высших женских курсов.

³ Только графу «казак» удалось внести для отдельного региона по инициативе Северо-Кавказского краевого статистического управления через получение специальной санкции ЦСУ СССР (см.: Казачество 1926).

Источники и материалы

А. З. 1927 – А. З. Этнографический отдел Государственного русского музея в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 218–219.

Бломквист, Гринкова 1930 – Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко / Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 17. Л.: Издательство АН СССР, 1930. 460 с.

Верхневолжская 1926 – Верхневолжская этнологическая экспедиция (1921–1925 гг.) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 278–279.

Государственный музей 1926 – Государственный музей Центрально-промышленной области // Этнография. 1926. № 1–2. С. 271–272.

Дыский 1923 – Дыский К. К. Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда / Издание Выставочного Комитета Московского губернского земельного отдела / Серия «Агрономическая помощь населению и прогресс крестьянского хозяйства». 1923. 132 с.

Жуков 1927 – Жуков Б. Полевые этнографические работы антропологического научно-исследовательского института при Московском государственном университете в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 201–202.

Зарембский 1926 – Зарембский А. Этнографический отдел Государственного русского музея // Этнография. 1926. № 1–2. С. 276–278.

Зеленин 1926 – Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. (§ 1. Общие замечания. § 2. Крестьянское искусство и жилище. § 3. Общие описания быта) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 133–152.

Зеленин 1927 – Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. (§ 4: Одежда. § 5: Хозяйственный быт) // Этнография. 1927. № 1. С. 161–173.

Золотарев 1924 – Золотарев Д. А. Работы этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губ. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. III. Л., 1924. С. 1–32.

Золотарев 1926 – Золотарев Д. А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 45–53.

- Ильинская 1930 – Ильинская И. Центральный музей народоведения // Этнография. 1930. № 1–2. Кн. 9–10. С. 146–148.
- Кагаров 1927 – Кагаров Е. К этнографам СССР // Этнография. 1927. № 2. Кн. 4. С. 412.
- Казачество 1926 – Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. / Северо-Кавказское краевое статистическое управление, отдел переписи. Ростов-на-Дону, 1928.
- Комиссия 1926 – П-в. Комиссия по этнологии Московской секции государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1926. № 1–2. С. 266–267.
- Культура и быт 1929 – Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). 2-е Совецание этнологов Ц.П.О. 7–10 декабря 1927 г. / под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова, с предисл. С. П. Толстова / Государственный Музей Центрально-Промышленной Области. М., 1929.
- Лебедева 1923 – Лебедева Н. И. Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде летом 1923 г. // Вестник рязанских краеведов. 1923. № 3. С. 5–8.
- Ончуков 1924 – Ончуков Н. Е. Поездка в Чердынский край летом 1923 года // Пермский Краеведческий Сборник. Вып. I. Пермь, 1924. С. 29–32.
- Программы и пособия 1927 – Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей / Центральное статистическое управление СССР. Отдел переписи. М.: Издание ЦУС Союза ССР, 1927.
- Смирнова 2026 – Смирнова Т. В. Василий Иванович Смирнов // Сайт [kostromka.ru](https://kostromka.ru/smirnov/index.php) URL: <https://kostromka.ru/smirnov/index.php> (дата обращения: 25.06.2026).
- Соколов 1926 – Соколов Ю. Работа по русскому фольклору за революционный период // Этнография. 1926. № 1–2. С. 155–178.
- Толстов 1927 – Толстов С. Государственный музей Центрально-промышленной области // Этнография. 1927. № 1. С. 212.
- Толстов 1928 – Толстов С. Музей Центрально-промышленной области. Этнологический отдел // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 138–140.
- Труды комиссии 1927 – Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Т. 13: Список народностей Союза Советских Социалистических Республик, составленный под редакцией И. И. Зарубина. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. 50 с. С. 5–6 // Сайт «Федеральное государственное бюджетное учреждение “Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина”». URL: <https://www.prilib.ru/item/457799>
- Ферсман 1929 – Ферсман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи / АН СССР / Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 19. Л.: Издание АН СССР, 1929. 38 с.
- Шиллинг 1926 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 267–270.
- Шиллинг 1927 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 209.
- Шиллинг 1928 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 134–138.
- Ярославская губерния 1926 – Ярославская губерния. Г. Ростов // Этнография. 1926. № 1–2. С. 284–285.

Научная литература

- Верховцев Д. В. До и после «нокдауна»: обсуждение национальности в 1920-х и теория этноса в 1970-х // Советская эпоха в этнокультурном измерении: Материалы Двадцать первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Российский этнографический музей, 2022. С. 10–15.
- Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 244–263.
- Головнев А. В. Этнография в российской академической традиции // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 16–43.
- Казьмина О. Е., Соловей Т. Д., Бахматова М. Н., Федорова О. В. Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. Т. 66. № 1. С. 158–173.
- Королькова Л. В. Маслова Гали Семёновна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/maslova-gali-semnovna/> (дата обращения: 25.06.2026).

- Королькова Л. В., Петряшин С. С., Фишман О. М., Шангина И. И. Золотарёв Давид Алексеевич // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Кубель Е. Л. Толстов Сергей Павлович // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/tolstov-sergej-pavlovich/> (дата обращения 25.06.2026).
- Москвина Д. От поля к архиву: методика создания и бюрократическая подотчетность этнографических материалов в позднесоветской этнографии // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 144–178.
- Петряшин С. С., Колчина Е. В. Гринкова Надежда Павловна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Соловей Т. Д. Наука о народах и нациестроительство первых десятилетий советского государства // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 44–67.
- Сорокина А. В. Комплексная антропологическая экспедиция 1 МГУ по Нижегородской губернии 1925–1929 гг. (по материалам фондов НЗГИАМЗ и ЦАНО) // Николай Добролюбов и нравственные и социальные уроки общественно-культурных процессов в российской и мировой истории. Добролюбовские традиции самореализации и универсализма в XIX–XXI вв. в синергии гуманитарных и точных наук. Сборник докладов Международных научных конференций «XLV Добролюбовские чтения» и «XLVI Добролюбовские чтения». Нижний Новгород, 2022. С. 155–162.
- Хартанович М. В., Шангина И. И. Бломквист Елена Эдуардовна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/blomkvist-evgeniya-eduardovna/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Шангина И. И. Этнографические рисунки: жилище. Материалы Верхневолжской этнологической экспедиции 1921–1925 гг. // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Экспонаты». Дата публикации: 10.03.2012. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2371> (дата обращения: 25.06.2026).

References

- Golovnev, A. V. 2002. Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. In *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State-Building and National Policy], 16–43. Moscow.
- Golovnev, I. A. 2021. «Zhivoi muzei» i «bor'ba za kul'turfil'mu» Borisa Sokolova [Boris Sokolov's «Living Museum» and the «Struggle for Kulturfilm»]. *Etnografiya* 3 (13): 244–263.
- Kaz'mina, O. E., T. D. Solovei, M. N. Bakhmatova and O. V. Fedorova. 2025. Etnokul'turnye identichnosti v zerkale statistika: perepisi naseleniya Rossii 1897–1937 godov [Ethnocultural Identities in the Mirror of Statistics: Russian Population Censuses from 1897 to 1937]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. History. Vol. 66. № 1*: 158–173.
- Khartanovich, M. V., and I. I. Shangina. 2026. *Blomkvist Elena Eduardovna* [Elena Eduardovna Blomkvist]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/blomkvist-evgeniya-eduardovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Korol'kova L. V., S. S. Petryashin, O. M. Fishman and I. I. Shangina. 2026. *Zolotarev David Alekseevich* [David Alekseevich Zolotarev]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (Accessed: 25.06.2026).
- Korol'kova, L. V. 2026. *Maslova Gali Semenovna* [Gali Semyonovna Maslova]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/maslova-gali-semnovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Kubel', E. L. *Tolstov Sergei Pavlovich* [Sergey Pavlovich Tolstov]. 2026. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/tolstov-sergej-pavlovich/> (Accessed: 25.06.2026).
- Moskvina, D. 2025. Ot polya k arkhivu: metodika sozdaniya i byurokraticheskaya podotchetnost' etnograficheskikh materialov v pozdnesovetskoi etnografii [From Field to Archive: Methodology of Creation and Bureaucratic Accountability of Ethnographic Materials in Late Soviet Ethnography]. *Antropologicheskii forum* 67: 144–178.
- Petryashin, S. S., and E. V. Kolchina. 2026. *Grinkova Nadezhda Pavlovna* [Nadezhda Grinkova Pavlovna]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Shangina, I. I. 2026. *Etnograficheskie risunki: zhilishche. Materialy Verkhnevolzhskoi etnologicheskoi ekspeditsii 1921–1925 gg.* [Ethnographic Drawings: Dwelling. Materials of the Upper Volga Ethnological Expedition, 1921–1925]. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2371> (Accessed: 25.06.2026).
- Solovei, T. D. 2002. *Nauka o narodakh i natsiestroitel'stvo pervykh desyatiletii sovetskogo gosudarstva* [The Science of Peoples and Nation-Building in the First Decades of the Soviet State]. In *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy], 44–67. Moscow.

Sorokina, A. V. 2022. Kompleksnaya antropologicheskaya ekspeditsiya 1 MGU po Nizhegorodskoi gubernii 1925–1929 gg. [Complex Anthropological Expedition of the First Moscow State University to the Nizhny Novgorod Province, 1925–1929]. In *Nikolai Dobrolyubov i нравственные i социальные уроки обществено-культурных процессов в российской и мировой истории. Dobrolyubovskie traditsii samorealizatsii i universalizma v XIX–XXI vekakh v sinergii gumanitarnykh i tochnykh nauk. Sbornik dokladov Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «XLV Dobrolyubovskie chteniya» i «XLVI Dobrolyubovskie chteniya»* [Nikolai Dobrolyubov and the Moral and Social Lessons of Sociocultural Processes in Russian and World History. Dobrolyubov's Traditions of Self-Realization and Universalism in the 19th–21st Centuries in the Synergy of the Humanities and the Exact Sciences. Collection of Papers from the International Scientific Conferences «XLV Dobrolyubov Readings» and «XLVI Dobrolyubov Readings»], 155–162. Nizhnii Novgorod.

Verkhovtsev, D. V. 2022. Do i posle «nokdauna»: obsuzhdenie natsional'nosti v 1920 kh i teoriya etnosa v 1970 kh [Before and After the «Knockdown»: Discussions of Nationality in the 1920s and the Theory of Ethnos in the 1970s]. In *Sovetskaya epokha v etnokul'turnom izmerenii: Materialy Dvadtsat' pervykh Sankt Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [The Soviet Era in Ethnocultural Dimension: Proceedings of the Twenty-First St. Petersburg Ethnographic Readings], 10–15. Saint Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei.

STUDYING THE RUSSIAN PEOPLE IN THE EXPEDITION WORK OF ETHNOGRAPHIC INSTITUTIONS OF THE 1920s

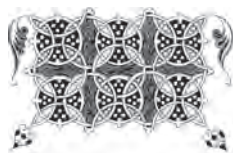
Abstract. This article provides a picture of the formation and activities of scientific institutions that responded to the tasks set for ethnography by the state in the 1920s. It demonstrates the broad range of participants in this project: scholars, organizers, local historians, and representatives of related disciplines. It examines the main expeditions, their geography, subject matter, methods, integrated approach, and issues of financing and organization; the collection and scientific attribution of artifacts; reporting, storage, presentation, and publication of expedition results; the theoretical problems posed by fieldwork participants; and interdisciplinary collaboration. It notes that ethnography of the 1920s managed to preserve and continue pre-revolutionary traditions.

Keywords: Soviet ethnography, 1920s, ethnographic research centers, ethnographers, anthropologists, expeditions, study of the Russian people, issues of continuity with the pre-revolutionary school, state tasks of ethnography.

Authors Info: Shlyakhtina, Natalya V. – Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9321-8863>

For citation: Shlyakhtina, N. V. 2026. Study of the Russian People in the Expeditionary Work of Ethnographic Institutions in the 1920s. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 3–24

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИЯ: ЯЗЫК, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ОПЫТ ВКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена православному приходу как форме повседневной социальной организации. На материалах включенного наблюдения, проведенного в приходе грузинской общины Санкт-Петербурга с декабря 2024 по февраль 2026 г., анализируется постепенное включение нового участника в приходскую среду. В центре внимания находятся язык богослужения, телесные и ритуальные практики, различия между будничными и праздничными ритмами, пост, крещение, Пасха и поминальная трапеза. Показано, что принадлежность к общине формируется не одномоментно, а через повторяющееся присутствие, освоение негласных норм, малые акты признания, заботы и допуска. Православный приход рассматривается как социальная институция, воспроизводящая себя через устойчивые роли, ритмы, границы и формы взаимодействия. Этнографический ракурс позволяет выявить, как религиозное участие получает повседневное социальное оформление и как община удерживает нового человека, не устранив полностью дистанцию между ним и постоянными прихожанами.

Ключевые слова: православный приход, православная община, повседневность, включенное наблюдение, религиозная социальность, принадлежность, ритуальные практики, социальная институция.

Ссылка при цитировании: Вэй Л., Дерюгин П. П. Православная община как социальная институция: язык, повседневность и опыт включения // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 25–38

Вэй Линде (Wei Linde) – аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, эл. почта: weilingdie214@163.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>

Дерюгин Павел Петрович (Deriugin Pavel Petrovich) – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, эл. почта: ppd333@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 25–38
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 2-43; ББК – 86.372.24-605.5; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/25-38>

Введение

В социологии религии православный приход представляет интерес не только как пространство веры и богослужения, но и как устойчивая форма повседневной организации отношений, ролей и границ. Именно на приходском уровне религиозная жизнь обнаруживает себя не только в догматических представлениях или ритуальных действиях, но и в повторяющихся способах совместного присутствия, распределения участия, поддержания дистанции и распознавания своих и чужих. В российской исследовательской традиции приход уже рассматривался как ключевой уровень православной социальности и как важнейшая среда, в которой религиозная жизнь укореняется в повседневных связях и локальных формах общности (Агаджанян, Русселе 2011).

Вместе с тем значительно реже самостоятельным предметом анализа становится сам процесс постепенного вхождения человека в конкретную приходскую среду. Между тем именно этот процесс позволяет увидеть, что включение в православную общину не сводится ни к личному заявлению о вере, ни к формальному участию в богослужении. Исследования воцерковления в России показывают, что речь идет о более длительном и неоднозначном освоении норм, практик и способов соотнесения себя с церковной жизнью (Чеснова 2005). Работы последних лет также подчеркивают, что современная православная социальность существует в разных режимах участия, и приход остается лишь одной, хотя и центральной, формой религиозной включенности (Кормина 2011). Однако именно приходская среда позволяет особенно отчетливо проследить, как чувство принадлежности складывается через повседневное взаимодействие, а не через одноразовый акт признания.

В данной статье православная община рассматривается не только как религиозное объединение, но и как социальная институция, в которой через повседневные взаимодействия упорядочиваются отношения, регулируется мера близости и дистанции, закрепляются роли и воспроизводятся формы принадлежности. Такой ракурс позволяет сместить внимание с внутреннего состояния веры как такового на те практические механизмы, благодаря которым приходская жизнь становится устойчивой и распознаваемой для ее участников. Включение в общину предстает здесь не как завершенное состояние и не как разовый акт принятия, а как постепенное освоение локальной социальной логики, в которой человеку приходится учиться уместности, считыванию ситуации и соотнесению себя с существующим порядком.

Именно в этом смысле приходская жизнь оказывается особой формой социального воспроизводства, где религиозное и социальное не существуют отдельно. Общинная устойчивость поддерживается не только вероучением или формальной принадлежностью, но и повторяемыми практиками совместного присутствия, участия, ограничения и допуска. Эмпирические исследования православных приходов уже показывали, что церковная община держится на плотности локальных связей, доверии, кооперации, фигуре священника и повседневных формах взаимной поддержки (Врублевская 2015, 2025; Забаев и др. 2013). Поэтому анализ сцен включения позволяет увидеть православный приход не как статичную религиозную данность, а как живую социальную среду, которая ежедневно заново подтверждает собственные границы, связи и внутренний порядок.

Методология исследования

В этой статье я рассматриваю православный приход не как замкнутое религиозное пространство, а как среду, в которой в повседневной практике выстраиваются отношения, распределяются роли и постепенно оформляется принадлежность к общине. Поэтому для меня было важно наблюдать не только уже сложившиеся формы приходской жизни, но и сам процесс вхождения в нее, когда нормы участия, допустимая дистанция и логика взаимодействия открываются не сразу, а по мере повторяющегося присутствия.

Эмпирической основой статьи стали полевые материалы Л. Вэй (ПИМА), собранные методом включенного наблюдения в ходе многократных посещений православного прихода грузинской общины Санкт-Петербурга с декабря 2024 по февраль 2026 г. Этот временной отрезок позволил мне наблюдать приходскую жизнь в разных ритмах церковного календаря — в будни и в воскресные дни, в периоды постов, праздников и поминальных практик, а также проследить сам процесс постепенного включения в общину.

Принципиально важно, что мое присутствие в поле изначально оставалось неполным. Я входила в приходскую среду как человек извне, которому многое приходилось осваивать постепенно: формы обращения, ритм участия, способы поведения в разных ситуациях. Именно эта позиция дала возможность фиксировать не только наблюдаемые действия других, но и те негласные ожидания, которые становятся заметны в моменты сомнения, паузы, приглашения, мягкого ограничения или одобрения. Тем самым исследовательская позиция здесь выступает не внешним обстоятельством, а одним из условий доступа к социальной логике прихода.

Такой ракурс, разумеется, задает и границы исследования. Материал одного прихода не позволяет делать широкие обобщения о православной жизни в целом. Кроме того, мой опыт связан именно с постепенным включением в уже сложившуюся приходскую среду, а не с позицией полностью внутреннего участника. Однако именно эта ограниченность делает возможным увидеть те повседневные механизмы, которые часто остаются незаметными для самих постоянных членов общины: как регулируется участие, каким образом поддерживается порядок отношений и благодаря чему приходская жизнь сохраняет свою устойчивость.

Приходская жизнь: ритмы, включение и воспроизводство общины

Представленные далее эпизоды основаны на полевых записях Л. Вэй, сделанных в ходе включенного наблюдения.

1. Первые посещения: молчаливое присутствие и первые контакты

Мое первое посещение храма состоялось в будний день, в четверг. Я вошла через тяжелую деревянную дверь, встала у самой дальней стены, ближе к выходу, и старалась не двигаться. Все происходящее – жесты, ладан, приглушенный голос чтеца – казалось одновременно упорядоченным и трудным для понимания. Я не знала, что здесь можно, а что нельзя: когда перекреститься, когда кланяться. Оставалось только смотреть на других и по возможности повторять за ними, стараясь не нарушить порядок, в котором мое присутствие пока еще оставалось не вполне уверенным.

Даже не понимая языка службы, я все сильнее ощущала телесную сторону этого пространства. Женщины стояли прямо, почти неподвижно. Даже самые пожилые прихожанки не отходили к стене, не садились, не позволяли себе заметно расслабиться. Я тоже стояла – сначала из осторожности, потом из страха сделать что-то не так. Через час ноги затекли, но я не решалась даже переступить с ноги на ногу. Постепенно становилось ясно, что порядок здесь поддерживается не только словами и не только последовательностью ритуала, но и самой формой телесного присутствия. Норма не проговаривалась вслух, но именно

поэтому ощущалась особенно сильно: она была видима в позе, в умении стоять, в способности не выпадать из общего ритма. В этом смысле дисциплина пространства действовала не как внешнее принуждение, а как уже усвоенный и телесно закрепленный способ быть внутри службы (Фуко 1998: 199).

После окончания службы немногочисленные прихожане стали обмениваться приветствиями, кто-то целовал знакомых в щеку, кто-то перекинулся короткими словами. Несколько взглядов скользнули по мне, но никто не остановился. Я осталась стоять, делая вид, что рассматриваю иконы, хотя в действительности чувствовала себя лишней в этой общей сцене. Затем я быстро вышла, как будто мое присутствие должно было исчезнуть раньше, чем станет по-настоящему заметным. В тот момент особенно остро ощущалось, что находиться в храме и быть включенной в приходскую жизнь — не одно и то же. Формального запрета не было, но и признаков принятия тоже еще не возникало.

Во время одной из следующих служб рядом со мной стояла молодая женщина в длинной юбке и

коричневом платке. Она была с мужем и держалась заметно свободнее, чем я. Она не вытягивалась в напряженную стойку, иногда скрещивала руки, негромко переговаривалась с мужем и даже несколько раз посмотрела в телефон. На этом фоне моя собственная скованность ощущалась еще сильнее. Я по-прежнему стояла так, будто нахожусь на экзамене и любое неверное движение может оказаться ошибкой.

Ее поведение вызывало у меня недоумение. Телесная собранность, которая казалась мне обязательной для всех, как будто не распространялась на нее в той же степени. Постепенно я начала понимать, что дело, вероятно, не только в различии привычек. Для человека, уже признанного в этом пространстве, небольшие отступления от общей строгости не выглядели нарушением. Для нового участника, напротив, каждый жест оказывался избыточно заметным и потому требовал постоянного самоконтроля: малейшая неловкость могла поставить под угрозу саму возможность допустимого присутствия в общем пространстве (Goffman 1967: 5–46).

В какой-то момент она наклонилась ко мне и спросила:

– Вы из Китая?

Я ответила:

– Да... простите, я плохо говорю по-русски...

Она улыбнулась и сказала:

– Это грузинская церковь. Мы относимся к Московскому патриархату, но службы здесь идут на грузинском.

Этот короткий разговор стал для меня первой ясной рамкой происходящего. До этого язык службы воспринимался как часть общей непроницаемости пространства. Теперь стало понятно, что непонимание связано не с моей невнимательностью и не только с отсутствием литургического опыта, а с конкретной особенностью самого прихода, где православная общность с самого начала организована через выраженную этнокультурную среду. Тем самым язык оказывался не просто средством коммуникации, а одной из практических границ участия, через которую человек сначала переживает дистанцию, а затем начинает ориентироваться в устройстве самой общины.

Наш разговор услышала бабушка из церковной лавки. Она вышла и сказала, что давно замечает мое присутствие на службах. Потом спросила, крещена ли я. Я ответила, что пока нет, но что раньше уже бывала на литургии в Китае. Она кивнула и сказала:

– Это хорошо. Главное – душа уже здесь (ПМА, полевая запись от 14.04.2026).

Ее слова не звучали ни как проверка, ни как оценка. Скорее, это было первое высказывание, в котором мое присутствие получило положительное

подтверждение. Хотя в догматическом смысле я еще не принадлежала Церкви, само обращение ко мне уже меняло ситуацию: присутствие переставало быть просто фактом и приобретало форму распознаваемости и допуска (Butler 2005: 31–32).

Когда прихожане двинулись вперед за антидидом, я осталась на месте, не будучи уверенной, можно ли мне тоже. Тогда бабушка подошла ко мне сама и протянула кусочек хлеба. Я растерялась и спросила:

– Можно?

Она улыбнулась и ответила:

– Это не причастие. Это антидид. Можно всем.

Этот жест был почти незаметным, но именно в таких действиях и складываются элементарные формы включения в общее пространство. Сказанное «Можно всем» означало не только разъяснение церковного порядка, но и минимальное подтверждение права оставаться внутри общей сцены. Именно через такие малые акты допуска и подтверждения повседневное взаимодействие получает устойчивую форму, а присутствие нового человека становится не просто терпимым, но в некоторой степени признанным (Goffman 1967: 56–58). Поэтому первые посещения храма запомнились мне не как цепочка отдельных событий, а как постепенный переход от молчаливого наблюдения к первым, еще очень осторожным, формам включения.

2. Ритмы богослужения: будни и воскресенье

В будние дни храм оставался почти пустым. Иногда, заходя вечером, я видела только одну или двух пожилых женщин, ставящих свечи перед иконами. Бабушка из церковной лавки стояла за прилавком, как всегда, не присаживаясь ни на минуту. Само присутствие в храме, по-видимому, связывалось здесь прежде всего со стоянием. Даже во время будничной службы, когда не было хора и храм оставался почти пустым, любое движение становилось особенно заметным, а возможность присесть воспринималась скорее как исключение, чем как допустимая норма.

Однажды во время вечерней службы священник стоял у алтаря спиной к нам и нараспев читал молитвы. Из алтарной части вышел молодой монах, сел у стены и достал телефон. Я заметила это и, после короткого колебания, тоже присела. В тот момент мне показалось, что само это движение стало возможным только потому, что кто-то уже сделал его раньше меня. Через несколько секунд наши взгляды встретились, и мы почти одновременно улыбнулись. Это была очень короткая, почти незаметная сцена, но в ней чувствовалось мгновенное узнавание общей усталости и столь же мгновенное ослабление той телесной строгости, которая обычно казалась непрерывной.

Но стоило священнику обернуться, как пауза сразу закончилась. Монах убрал телефон и поднялся почти одним движением; я вслед за ним тоже поспешно встала, будто сидеть дальше было уже невозможно. Никакого замечания не последовало, никто не сделал нам выговор, но сама ситуация мгновенно изменилась. То, что еще секунду назад казалось допустимым, сразу перестало быть таким. В этом эпизоде особенно ясно проявилось, что телесный порядок в храме существует не только как набор предписаний, но и как усвоенная схема действия, которая срабатывает раньше, чем человек успевает ее обдумать (Бурдые 2001: 128–129). Вместе с тем эта схема поддерживается и самим устройством церковного пространства. Храм не просто служит фоном для богослужения, а ориентирует участников в их движениях, задает возможные позиции тела и делает одни формы присутствия более уместными, чем другие (Лазарева 2023: 375). Этот короткий эпизод особенно ясно показывал, что телесная дисциплина в храме действует настолько глубоко, что даже краткое отступление переживается как выпадение из общего ритма.

В будние дни такая дисциплина ощущалась особенно отчетливо именно потому, что почти ничто не отвлекало от нее внимания. Малочисленность прихожан, отсутствие плотного хора, большие паузы и общий полумрак делали каждое движение заметным. В этом режиме храм воспринимался как пространство внутренней собранности и самоограничения, где даже редкие формы послабления оставались краткими и как будто не вполне легитимными. Повседневная церковная жизнь здесь держалась не на внешней насыщенности событиями, а на повторяемости одних и тех же телесных и пространственных форм.

По воскресеньям тот же храм выглядел совсем иначе. Пространство, еще накануне тихое и разреженное, наполнялось голосами, шагами, движением детей и более плотным ожиданием общего действия. Мужчины стояли справа, женщины слева, дети пробегали между рядами, младенцев держали на руках. Воздух становился густым от ладана, пения и движения людей. Если в будни присутствие ощущалось как сдержанное и раздельное, то в воскресенье оно приобретало выраженно коллективный характер.

Особенно заметно это становилось ближе к концу литургии, когда священник выходил с проповедью. Прихожане постепенно сходились ближе к амвону, образуя плотное полукольцо. Дистанция между людьми сокращалась, лица становились видимее, в коротких кивках, улыбках и жестах проступало узнавание. Затем следовало окропление

святой водой. Люди слегка поднимали головы, кто-то крестился, кто-то закрывал глаза, и капли воды оставались на щеках и платках. После этого они подходили к иконам, целовали крест и руку священника, брали антидор и немного вина. Переход от одного действия к другому не требовал пояснений: движения были согласованными и узнаваемыми, как будто сама их последовательность уже давно была разделена всеми присутствующими.

Именно в эти минуты особенно ясно ощущалось, что храм существует не только как место молитвы, но и как пространство общего ритма, в котором люди не просто стоят рядом, а постепенно входят в согласованное движение друг с другом. Повторяемость действий, узнаваемость переходов и почти синхронная телесная координация создавали переживание совместности, которое в приходской традиции связывается с опытом быть вместе (Шапошников 2015). При этом такая совместность держалась не только на общем чувстве, но и на предсказуемости самого взаимодействия: каждый следующий шаг был понятен, реакции других оказывались ожидаемыми, а участие в общем порядке не требовало постоянного разъяснения (Сиразетдинова 2024: 71–80). Поэтому различие между буднями и воскресеньем ощущалось не только как разница в числе присутствующих, но и как переход от сдержанного индивидуального стояния к более плотному и явно разделенному режиму общего присутствия.

3. Рождественский пост: ожидание праздника и церковное время

Рождественский пост в приходе переживался прежде всего как особый порядок времени. Чем ближе становился праздник, тем заметнее ускорялся город. На улицах появлялись новогодние инсталляции, витрины светились гирляндами, люди торопились с покупками, в кафе становилось шумнее. Все вокруг как будто подталкивало к предвкушению, к застолью, к тем внешним знакам радости, через которые праздник обычно становится видимым. На этом фоне храм сохранял свою ровную тишину и собранность. Внутри почти ничего не менялось: те же свечи, тот же запах ладана, то же стояние, в котором тело держится не усилием, а привычкой. Контраст между наружным оживлением и внутренним спокойствием ощущался тем сильнее, чем ближе был день Рождества по юлианскому календарю. Казалось, что город уже начал праздновать, тогда как церковное время еще удерживало ожидание. В этом различии пост считывался не столько как набор пищевых ограничений, сколько как способ не позволить празднику наступить раньше положенного срока.

Особенно ясно это ощущение проявилось в один из будних вечеров, когда на службе было всего два или три человека. Священник говорил тихо и просто, без торжественного тона, как будто обращался не к собранию, а к каждому отдельно. Он напомнил, что пост держится не для того, чтобы спорить, доказывать свою правоту или превращать отказ в нравственный жест. Если тебя приглашают к столу, говорил он, иногда спокойнее принять приглашение, чем делать из своего воздержания предмет напряжения для других. Важно не ломать отношения и не превращать пост в знак отличия. После этой проповеди пост еще отчетливее стал восприниматься не как перечень правил, а как особое распределение внимания внутри повседневной жизни: не только к пище, но и к словам, раздражению, тону разговора, к самой способности сохранять мир в отношениях. Телесное воздержание в таком понимании не имело самостоятельной ценности, если за ним не стояли внутреннее спокойствие и трезвость; иначе пост легко превращался в пустую форму, лишенную своего нравственного содержания (Тихон Задонский 2004: 382).

Чем ближе становилась Рождественская ночь, тем явственнее ощущалась разница между городским оживлением и церковным ожиданием. Порог храма отделял не просто два пространства, а два ритма. Снаружи время набирало скорость, заранее распаковывая праздник в огнях, покупках и разговорах; внутри оно, напротив, собиралось и удерживалось, как будто не позволяя радости начаться раньше, чем она будет прожита в самой службе. Пост в этом смысле задавал не только ограничения, но и форму ожидания: праздник не отменялся, а откладывался, чтобы затем прийти в свое время и в своей полноте.

Накануне Рождества эта разница стала особенно ощутимой. Я пришла в храм около десяти вечера. Сначала людей было не так много, но по мере приближения полуночи пространство заполнялось все плотнее. Казалось, что пришли все, кто мог прийти, и что эту ночь невозможно прожить в одиночку. Уже у входа праздник обозначался не словами, а жестами: дети раздавали каждому входящему конфеты. Я поймала себя на том, что тоже хочу участвовать в

этой радости, выбежала ненадолго купить шоколад и потом вернулась, чтобы раздать его детям. Этот маленький обмен у дверей делал храм праздничным не меньше, чем улицы с витринами и огнями, но праздничность здесь складывалась из простых знаков внимания, узнавания и участия в общей радости.

В отличие от обычной воскресной службы, в храме в тот вечер было больше улыбок, больше разговоров и больше заметного оживления. Люди узнавали друг друга, здоровались, переговаривались через головы, смеялись, обменивались новостями, и этот гул голосов сам становился частью ожидания. Праздник чувствовался еще до начала службы не через особые слова, а через то, как радость входила в приходскую общность и становилась слышимой. Но ближе к полуночи разговоры почти одновременно оборвались. Пожилые, которые до этого сидели сбоку на скамьях, медленно выпрямились, люди потянулись ближе к середине, к месту перед алтарем, и стало ясно, что ожидание меняет форму, собираясь в службу.

И все же эта радость не отменяла самоограничения. Мы оставались без пищи, и в этом ожидании

было нечто настойчиво телесное: время тянулось, ноги уставали, воздух становился плотнее, а вместе с ним уплотнялась и сама собранность. Чем ближе становился момент полуночи, тем отчетливее ощущалось, что радость здесь не приходит вместо воздержания, а проходит через него. Именно в таком сочетании и раскрывался Рождественский пост как особый режим времени. Он не требовал внешней демонстрации и не сводился к проверке правил, но постепенно перенастраивал повседневность, собирая ее к одному часу, к одной ночи, к одному общему ожиданию.

4. Великий пост: телесная строгость и внутреннего проверка

После Рождества праздничная плотность постепенно рассеялась, и приходская жизнь вновь вошла в более привычный ритм. К концу февраля в городе все чаще говорили о Масленице как о проводах зимы и встрече весны, хотя петербургская погода упрямо не подтверждала этих обещаний: по-прежнему было холодно, и весна существовала скорее в афишах, разговорах и привычных календарных формулах, чем в самом воздухе. В течение недели каждый день что-то происходило, но для большинства горожан это оставалось просто традиционным городским праздником. Он жил собственной инерцией и почти не отсылал к тому, что вскоре церковное время резко изменит свой ход.

Начало Великого поста на этом фоне ощущалось особенно резко. Уже на третьи сутки, во время вечерней службы, одна из прихожанок, стоявшая неподалеку от меня, вдруг пошатнулась и медленно осела на пол, как будто ноги на мгновение перестали ее держать. Ее сразу подхватили, хотели отвести к стене и посадить на скамью, но она только махнула рукой и снова осталась стоять, как будто сама возможность присесть казалась ей нежелательной уступкой. Через некоторое время это повторилось. Она снова не удержалась на ногах, и люди опять подхватили ее, не поднимая шума и не нарушая общего порядка службы. Этот эпизод был коротким, но очень выразительным. В нем особенно ясно становилось видно, что пост действует не как тема для разговора и не как внешнее объявление, а как ритм, который буквально ложится на тело и требует от него перестройки.

До этого момента я скорее понимала пост как правило, как последовательность ограничений, которые можно принять или не принять в той или иной степени. После увиденного он стал восприниматься иначе. Усилие, с которым эта женщина пыталась продолжать стоять и не выпадать из общего стояния, делало видимым то, что в более спокойные

периоды почти не замечается. Пост не просто меняет рацион или распорядок; он меняет саму плотность участия в церковной жизни. Общее стояние в храме, которое в другие дни кажется естественным и почти незаметным, здесь обнаруживало свою телесную цену. В этом смысле пост переживался как особый режим, в котором дисциплина времени и дисциплина тела сходятся и начинают поддерживать друг друга.

После этой службы мне стало труднее относиться к посту, как к чему-то внешнему по отношению ко мне. Это не было ни прямым наставлением, ни примером, которому следовало подражать, но увиденная сцена заставила меня внимательнее относиться к собственному участию в этом режиме. Я заметила, что сама начинаю требовать от себя большего и постепенно переношу пост из пространства храма в повседневность. В отдельные дни я переходила на более строгую пищу, отказалась от привычных вечерних сериалов, а утром и перед сном стала читать Писание на родном языке. В теле появлялась слабость, но вместе с ней приходило и другое ощущение: время становилось менее рассеянным, день – более собранным, а внимание – более устойчивым. Пост входил в жизнь не как набор внешних запретов, а как способ сделать ее плотнее и строже.

Именно здесь, однако, обнаруживалась и другая опасность. Очень легко было начать воспринимать эту собранность как собственное достижение и начать гордиться тем, что удастся выдерживать больше, чем раньше. Поэтому все заметнее становилась необходимость внутренней проверки: важна не сама мера ограничений, а то, что происходит с человеком внутри него. Пост требовал не только воздержания, но и трезвости по отношению к самому себе – способности замечать, как аскетическое усилие может почти незаметно превратиться в повод для самоутверждения. В этом смысле его строгость заключалась не только в пище или телесной усталости, но и в постоянном возвращении к вопросу о собственных мотивах.

Так Великий пост раскрывался в приходской жизни не просто как более суровый период церковного календаря. Он задавал особую форму повседневности, в которой тело, время и моральное внимание перестраивались одновременно. Если Рождественский пост удерживал праздник и учил ждать, то Великий пост, напротив, делал особенно ощутимыми усилие, пределы тела и необходимость внутренней трезвости. Именно поэтому он воспринимался не как простое усиление прежних ограничений, а как иной режим церковной жизни, в котором участие становилось одновременно более телесным и более обращенным внутрь.

5. Крещение: признание и институциональный переход

К Страстной неделе мысль о крещении перестала быть чем-то отдаленным. В течение предшествующих месяцев участие в приходской жизни становилось для меня все более устойчивым, и позиция человека, который приходит, стоит на службе, соблюдает общий ритм, но все же остается вне таинства, уже не вполне соответствовала тому, как я сама переживала свое присутствие в храме. Крещение начинало восприниматься не просто как личное решение или внешний знак принадлежности, а как переход в ту форму церковной жизни, где участие получает уже не только практическое, но и признанное институциональное оформление.

После одной из служб я остановила улыбающегося алтарника и сказала, что хочу креститься. Он кивнул и повел меня к священнику. Тот посмотрел на меня и коротко сказал:

– Завтра к полудню. После полуночи – ни есть, ни пить.

На следующий день я пришла заранее. Литургия святителя Василия Великого длилась долго – медленно, строго, требовательно к телу. Все это время я стояла, стараясь не позволить себе ни малейшего послабления. Ближе к завершению у меня закружилась голова, в глазах потемнело – не столько от воздуха, сколько от усталости, поста и длительного стояния. Хотя само крещение еще не началось, уже тогда чувствовалось, что я вхожу в порядок, который задается не индивидуальной волей, а существовавшими до меня и вне меня правилами церковной жизни. Именно в такие моменты особенно ясно ощущается принудительная сила институционального порядка: тело здесь не высказывает инициативу, а учится подстраиваться под уже заданный ритм, последовательность и форму присутствия (Durkheim 1967: 19–23).

Если в будние дни храм чаще раскрывался через дисциплину молчаливого присутствия, то день крещения показал другую сторону церковного порядка – его ритуальную строгость и одновременно способность мягко включать нового участника. После окончания литургии ко мне подошел священник. Рядом с ним стояла женщина лет сорока.

– Это твоя крестная мать, – сказал он.

Она протянула мне свечу и длинную юбку, потому что я пришла в джинсах, и тихо добавила:

– Повторяй за мной.

Дальше все происходило как тщательно выстроенная последовательность действий, в которой у каждого была своя роль. Священник вел чин, крестная мать незаметно направляла меня, а я следовала за ее движениями и подсказками. Помазание, вопросы, ответы, хождение вокруг купели – все было подчинено ясной структуре, внутри которой человек уже не может действовать произвольно. Такое ритуальное состояние особенно остро переживается как пороговое: прежняя позиция уже остается позади, тогда как новая еще только оформляется через сам ход обряда (Turner 1969: 95).

Слова молитв я понимала лишь частично и в основном повторяла их механически. Телесная усталость нарастала, пост и долгое стояние давали о себе знать. В какой-то момент меня качнуло, в глазах потемнело и я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, крестная мать и монахиня помогли мне сесть.

– Как ты себя чувствуешь?

– Счастливо, – ответила я.

Она протянула мне свидетельство и сказала:
– Теперь ты Нино.

После крещения имя Нина стало для меня не столько вторым гражданским именем, сколько именем, связанным с церковным пространством и опытом принадлежности. Я рассказала о нем близким друзьям и семье в Китае, но при обычном знакомстве с русскими друзьями обычно не представляюсь этим именем. Для меня оно остается именем, которое звучит прежде всего в приходе: когда матушка, крестная мать или прихожане называют меня Нино, это обращение сразу возвращает меня в пространство общины. В нем есть не только память о крещении, но и особая граница: оно отделяет обычную социальную жизнь от той части моей жизни, которая связана с Церковью и постепенно стала восприниматься как мой церковный дом. Поэтому я не стремлюсь делать это имя публичным для всех. Напротив, его ограниченное употребление сохраняет для меня его внутреннюю силу. Если в храме или случайно на улице кто-то из прихожан называет меня Нино, я особенно ясно чувствую, что меня узнают не просто как посетительницу, а как человека, уже включенного в этот круг.

Именно с этого момента крещение перестало быть только пережитым событием и получило устойчивую социальную форму. Новое имя, свидетельство о крещении, крестная мать рядом и запись в приходской книге означали, что речь идет не просто о личном религиозном переживании, а о признанном включении в институционально организованную общину. Имя закрепляло переход, крестная мать обозначала линию дальнейшего сопровождения, а запись в церковной документации делала произошедшее социально удостоверенным и сохраняемым в памяти прихода. Так церковный институт проявлялся не как абстрактная структура, а как порядок ролей, обязанностей, свидетельств и процедур, через которые принадлежность получает признанную форму.

После этого мы прошли в церковную лавку, где уже ждали горячий чай и печенье. Через несколько минут подошли послушник и алтарник и каждый вручил мне по небольшой иконе. Эти дары не выглядели торжественными или исключительными; напротив, они были простыми и почти обыденными. Но именно в такой повседневной форме особенно хорошо чувствовалось, что завершение ритуала одновременно становилось началом новых связей. Получая имя, свидетельство, чай, печенье и иконы, я принимала не только заботу, но и саму логику дальнейшего участия – быть рядом, возвращаться, помнить, отвечать на внимание вниманием. В этом смысле обмен дарами закреплял не столько завершение обряда, сколько включение в устойчи-

вую систему взаимных ожиданий, через которую община воспроизводит себя как социальный институт (Мосс 1996).

6. Пасха: радость и телесная сопричастность

Вскоре после крещения настала Пасха – первый большой праздник, который я переживала уже не как случайный посетитель и не как человек на пороге, а как член общины. Накануне матушка позвонила и напомнила, во сколько нужно прийти и как соблюдать пост перед ночной службой. Это напоминание звучало как простая забота, но в то же время включало меня в общий ритм подготовки: время праздника задавалось не индивидуальным выбором, а заранее разделенным порядком, которому нужно было следовать вместе с другими.

Когда началась ночная служба, в храме постепенно погасили свет и пространство оказалось погружено в полутьму. Оставались только лампы и слабые отблески у икон. Эта темнота воспринималась не как отсутствие света, а как особое состояние общего ожидания, в котором люди стояли молча и почти неподвижно, словно весь храм собирался в одно напряженное, но сдержанное присутствие. Потом из алтаря вышел священник с одной свечой, и огонь стали передавать из рук в руки. Стоявшая рядом пожилая женщина тихо сказала мне: «Не дай огню погаснуть, это Христов свет». После этого я уже держала свечу не просто как предмет, а как то, что нужно сохранить и передать дальше. Передача огня соединяла людей в одну последовательность действий, где участие становилось не внутренним чувством, а телесно исполняемой формой общей принадлежности.

Когда начался крестный ход, дождь уже шел довольно сильно. Мужчины несли хоругви, женщины ладонями прикрывали свечи, чтобы не дать пламени погаснуть, люди осторожно ступали по мокрой земле, стараясь не нарушить общего движения. Даже дождь не разрушал порядок, а, напротив, делал его заметнее. Холод, влажность, необходимость беречь огонь и двигаться вместе с другими усиливали чувство общего телесного участия. Ритуал здесь поддерживался не только словами и не только верой как внутренним убеждением, но и практическим знанием того, как идти, как держать свечу, как соотносить свое движение с движением остальных (Бурдые 2001).

Когда процессия вернулась к храму, священник трижды ударил в закрытые двери и возгласил: «Христос воскрес!» В этот момент радость не выглядела как внезапная вспышка эмоций. Она была общей, но вместе с тем собранной, как будто сама форма праздника уже задавала способ ее переживания. После ожидания, темноты, движения под

дождем и общего возвращения к дверям храма это восклицание воспринималось не как начало праздника вообще, а как момент, когда общее напряжение наконец получало разрешение.

Причастие стало кульминацией всей этой ночи. Очередь к Чаше двигалась медленно и почти безмолвно. Каждый совершал одну и ту же последовательность действий: поклон, крестное знамение, шаг вперед, глоток вина, кусочек теплого хлеба. После долгого поста этот вкус ощущался особенно остро, но его значение не сводилось к телесному насыщению. Гораздо сильнее чувствовалось другое: множество людей, ослабленных ночной службой, усталостью и воздержанием, двигались почти синхронно и тем самым переживали себя не по отдельности, а как часть одного порядка. В такие моменты община ощущалась не как абстрактная идея, а как реальность, собираемая повторяемостью одних и тех же действий (Шукуров 2020: 27).

После литургии всем раздали антидор и немного освященного вина. Этот жест сохранял ту же логику общего включения: благодать не замыкалась только на одном кульминационном действии, а продолжалась в более простых и доступных формах участия. Даже здесь чувствовалось, что церковный порядок действует не как отвлеченная догма, а как социально организованная последовательность распределения, допуска и совместного присутствия.

Когда я вышла из храма, дождь все еще лил как из ведра. В теле смешались усталость, холод и радость. Именно тогда мне особенно ясно стало, что сопричастность в приходской жизни не является метафорой. Она переживается как конкретный телесный опыт, в котором эмоция, дисциплина и совместное действие соединяются в одном ритме. Если крещение дало признанную форму принадлежности, то Пасха впервые позволила ощутить, как эта принадлежность проживается внутри большого общего праздника – через синхронизацию тел, распределение действий и участие в одном, заранее разделенном ритуальном времени (Сиразетдинова 2024: 73).

7. Память и трапеза: повседневное воспроизводство общины

После Пасхи ритм приходской жизни постепенно вернулся к своей более спокойной регулярности. Праздничная напряженность сменилась повторяемостью воскресных литургий, в которых уже не было той кульминационной плотности, что сопровождала большие праздники. Летом я уехала из Петербурга, а вернувшись в начале осени, снова стала приходить в храм – уже без ощущения порога, но и без того острого переживания, которое сопровождало первые этапы включения. Именно в это время стало особенно заметно, что община удерживает человека не только через праздничные вершины, но и через более тихие, рутинные формы памяти, узнавания и заботы.

В первые недели после возвращения я принесла матушке и нескольким знакомым прихожанам небольшие подарки из дома – чай, который в моей семье принято дарить как знак внимания. Матушка сразу поставила чайник, мы сели за маленький стол у церковной лавки и стали пить чай. Она разрезала угощение, придвинула тарелки, а потом, поочередно здороваясь с заходившими людьми, как будто ненавязчиво вплетала меня в их круг: называла мое имя, коротко объясняла, откуда я вернулась, и приглашала присесть хотя бы на минуту. Я говорила по-русски неровно, иногда запинаясь и подбирала слова, но она слушала терпеливо, не торопя и не исправляя лишнего. В этот момент включение в общину происходило не через большой ритуал и не через кульминацию праздника, а через простые действия – чай, разговор, представление, совместное сидение в тесном пространстве у церковной лавки. Принадлежность здесь поддерживалась не только через участие в богослужении, но и через способность общины помнить человека, вновь узнавать его и возвращать в сеть повседневных отношений.

Особенно ясно это стало для меня в ноябре, во время одной из субботних служб. После литургии люди не разошлись. Слева от основного пространства храма начали расставлять столы и выкладывать принесенную еду. Все делалось спокойно, почти без слов, как будто сама последовательность действий была давно известна и не требовала объяснений. Священник подошел к столам и начал читать молитвы. Прихожане стояли рядом со свечами в руках. Когда хор подхватывал знакомые всем напевы, я тоже приоткрывала рот, как будто вступая вместе с ними, но почти не издавала звуков: слова не складывались для меня в связный текст, и мое участие оставалось в значительной степени безголосым. В такие моменты особенно остро ощущалась граница между пониманием и присутствием. Голос принадлежал общине, а мне оставалось удерживать общий ритм телом – свечой в руке, неподвижностью, короткими движениями, которые вписывались в общий строй.

Но именно здесь становилось видно, что включение в общину не сводится к полному пониманию молитвенного текста. Смысл поддерживался не в индивидуальной интерпретации, а в социальной рамке самого действия: его задавали повторяемость жестов, плотность молчания, расположение тел и узнаваемая последовательность происходящего.

Но именно здесь становилось видно, что включение в общину не сводится к полному пониманию молитвенного текста. Смысл поддерживался не в индивидуальной интерпретации, а в социальной рамке самого действия: его задавали повторяемость жестов, плотность молчания, расположение тел и узнаваемая последовательность происходящего.

Память в таком случае существовала не как внутреннее воспоминание каждого в отдельности, а как актуализированное прошлое, которое удерживается и воспроизводится через признанные формы совместного действия (Романовская 2010: 41).

Когда короткая служба у столов закончилась, люди начали собирать еду и уносить ее вниз. Я уже собиралась уходить, не вполне понимая, что будет дальше, но одна пожилая женщина, которую я не знала, вдруг взяла меня за руку и повела за собой – без объяснений, как будто это было само собой разумеющимся продолжением службы. Этот жест действовал как молчаливое правило. Не спрашивая и не разъясняя, община показывала, что происходящее не завершилось молитвой, а продолжается в другом пространстве и в другом режиме участия.

Я с удивлением обнаружила, что у храма есть подвальное помещение, куда вела узкая лестница. Пока мы спускались, менялось не только пространство, но и общий тон общения. В храме сохранялись сдержанность и сосредоточенность, а здесь люди разговаривали громче, смеялись, перебрасывались репликами, обсуждали принесенные блюда и даже спорили, у кого что получилось вкуснее. Я чувствовала неловкость: в тот день у меня с собой ничего не было, и я не знала, как правильно занять место в этом обмене. Внизу стояли длинные столы, и порядок собирался вокруг них иначе: вместо распределенного внимания к алтарю – общий стол, посуда, блюда и вещи, которые нужно было поставить на место. Прихожане двигали стулья, раскладывали еду, передавали тарелки, и минимум указаний сопровождался точными жестами и привычкой помогать друг другу без лишних слов. Никто не объяснял мне, где сесть и что делать, но порядок складывался сам собой – через взгляды, небольшие перемещения и то, как предметы находили свое место на столе. Включение в этот порядок осуществлялось не через прямое приглашение, а через соучастие в общей координации действий. Именно в таких рутинных практиках особенно хорошо видно, как община воспроизводит себя через неформальные нормы, взаимные ожидания и привычные способы координации поведения (Giddens 1984: 18; Перинская 2019: 129).

Когда все наконец расселись за столами, священник коротко представил меня остальным. После его слов люди подняли стаканы, улыбнулись и посмотрели в мою сторону. Этот жест был простым, почти шутивным, но именно в нем особенно ясно ощущалось, что мое присутствие перестает быть случайным: меня не просто допустили к общей трапезе, а обозначили перед другими как того, кто имеет право в ней участвовать.

Уже за столом этот порядок проявлялся иначе

– не как правило, а как атмосфера и распределение внимания. Я оставалась сдержанной. Несколько женщин разговаривали между собой по-грузински, и я почти не могла включиться: оставалось слушать интонации, ловить отдельные русские слова и наблюдать, как блюда переходят из рук в руки. Неловкость усиливалась тем, что у меня ничего не было с собой. Я чувствовала себя человеком, который еще не до конца понимает, как здесь принято действовать. В какой-то момент я вышла из-за стола и задержалась снаружи, как будто пытаюсь ненадолго избежать этой неловкости и перевести дыхание. Через несколько минут за мной вышел алтарник и спросил, не собираюсь ли я уходить. Услышав, что нет, он с улыбкой сказал, чтобы я не стеснялась и возвращалась обратно. Этот короткий эпизод особенно хорошо показывал, что община удерживает человека не только через приглашение войти, но и через готовность не дать ему незаметно отступить назад, когда собственная скованность оказывается сильнее чувства принадлежности.

Когда трапеза подошла к концу, часть людей быстро разошлась. Старшие матушки начали собирать посуду, и я сразу подошла помочь. Я встала у раковины и стала мыть тарелки одну за другой. Они посмотрели на меня с мягкой улыбкой и наконец сказали, что хватит и мне пора отдохнуть. Я остановилась, но внутреннее напряжение осталось. Я не могла понять, прозвучало ли это как забота или как мягкое указание на границу, которую я, возможно, начала незаметно переходить, пытаюсь занять место, принадлежавшее здесь другим. Позже крестная мать собрала для меня понемногу от каждого блюда и дала с собой. Этот жест был простым и очень конкретным. Он одновременно завершал общую трапезу и продолжал ее уже за пределами храма, в моем одиночном времени. Я шла домой с пакетом еды и с тем же чувством неловкости, но теперь в нем появилось новое качество. Мне ничего не объясняли напрямую, не учили, как здесь следует поступать, но в самой последовательности действий – представить меня перед всеми, позвать обратно, остановить, улыбнуться, сказать, что достаточно, дать еду с собой – постепенно проступал особый способ удерживать человека рядом, не снимая дистанцию слишком быстро. В таких повседневных жестах памяти, заботы и сдержанного допуска община воспроизводит себя не только как религиозное собрание, но и как социальную институцию. Память об умерших оказывается здесь связана не только с молитвой, но и с упорядочиванием отношений между живыми: через распределение ролей, меру близости и формы включения в общее пространство церковной жизни.

Заключение

Материал этой статьи показывает, что православный приход может быть рассмотрен не только как пространство богослужения и исповедуемой веры, но и как особая форма социального порядка, в которой принадлежность не предполагается заранее, а складывается постепенно. Вхождение в общину происходит не через один решающий момент, а через множество повторяющихся ситуаций, в которых человек учится распознавать ритм приходской жизни, меру допустимого участия и границы собственной уместности. Именно поэтому наблюдение за процессом включения позволяет увидеть приход не как уже данное единство, а как среду, где связи, дистанции и роли постоянно заново выстраиваются в повседневной практике.

Для этого порядка существенны не только собственно церковные предписания, но и менее заметные способы организации общей жизни. Повседневные жесты, формы обращения, ожидание, молчаливое наблюдение, помощь, мягкое ограничение инициативы и телесное соучастие в церковном вре-

мени образуют ту ткань взаимодействий, в которой община становится устойчивой и узнаваемой для ее участников. В этом смысле религиозное здесь не противостоит социальному и не сводится к нему, а существует через него: именно в повторении обычных действий приходская жизнь обретает форму, продолжительность и внутреннюю связность.

Предлагаемый ракурс, разумеется, не претендует на описание православной жизни в целом. Однако именно этнографическое внимание к конкретному приходу позволяет увидеть те механизмы, которые трудно уловить на более общем уровне: как община удерживает человека рядом, не снимая дистанцию слишком быстро; как признание сочетается с ограничением; как через эти повседневные формы взаимодействия церковная среда воспроизводит себя как социальную институцию. Тем самым православный приход предстает не только местом религиозного присутствия, но и пространством, где в самой обычной жизни заново оформляются порядок отношений, опыт принадлежности и возможность совместности.

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы Л. Вэй. Включенное наблюдение в православном приходе грузинской общины Санкт-Петербурга, декабрь 2024 – февраль 2026 г. (полевые записи).

Тихон Задонский 2004 – Тихон Задонский, свят. Избранные труды. Письма. Материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004.

Научная литература

Агаджанян А., Русселе К. (ред.). Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности. М.: Весь Мир, 2011.

Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

Врублевская П. В. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2015. Т. 7. № 3. С. 129–144. DOI: 10.25285/2078-1938-2015-7-3-129-144.

Врублевская П. В. Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики // *Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований*. 2025. Т. 3. № 1. С. 43–57.

Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2013. Вып. 4 (48). С. 120–134.

Кормина Ж. В. Режимы православной социальности в современной России: прихожане, паломники, сетевые (на примере о. Залита) // *Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности* / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь Мир, 2011. С. 189–211.

Лазарева А. Ю. К вопросу о феноменологии православной литургии: рецензия на книгу Кристины Гшвандтнер // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 7. № 3. С. 369–379. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-369-379.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996.

Перинская Н. А. Неформальные практики в условиях социокультурных изменений // *Знание. Понимание. Умение*. 2019. № 4. С. 127–133. DOI: 10.17805/zpu.2019.4.10.

Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 39–44. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-3-39-44.

- Сиразетдинова М. Ф. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.
- Шапошников Л. Е. Реализация принципа соборности в деятельности современной Русской Православной Церкви // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 68–77.
- Шукуров Д. Л. Герменевтика литургических текстов: анализ структурных аспектов таинства Евхаристии // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 21–32. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-57-21-32.
- Butler J. *Giving an Account of Oneself*. N.Y.: Fordham University Press, 2005.
- Durkheim É. *Les règles de la méthode sociologique*. 16e éd. P.: Presses Universitaires de France, 1967.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. N.Y.: Anchor Books, 1967.
- Turner V. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1969.

References

- Agadzhanian, A., and K. Russele, eds. 2011. *Prikhod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaia sistema rossiiskoi religioznosti* [Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity]. Moscow: Ves' Mir.
- Bourdieu, P. 2001. *Prakticheskii smysl* [The Logic of Practice], translated from French, edited and with an afterword by N. A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteia; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii.
- Butler, J. 2005. *Giving an Account of Oneself*. New York: Fordham University Press.
- Chesnokova, V. F. 2005. *Tesnym putem: protsess votserkovleniia naseleniia Rossii v kontse XX veka* [By the Narrow Path: The Process of Churching the Russian Population at the End of the Twentieth Century]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Durkheim, É. 1967. *Les règles de la méthode sociologique*. 16th ed. Paris: Presses Universitaires de France.
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
- Giddens, A. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Goffman, E. 1967. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Anchor Books.
- Kormina, Zh. V. 2011. Rezhimy pravoslavnoi sotsial'nosti v sovremennoi Rossii: prikhodzhanе, palomniki, seteviki (na primere o. Zalita) [Modes of Orthodox Sociality in Contemporary Russia: Parishioners, Pilgrims, and Networkers (the Case of Zalita Island)]. In *Prikhod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaia sistema rossiiskoi religioznosti* [Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity], edited by A. Agadzhanian and K. Russele, 189–211. Moscow: Ves' Mir.
- Lazareva, A. Yu. 2023. K voprosu o fenomenologii pravoslavnoi liturgii: retsenziia na knigu Kristiny Gshvandtner [On the Phenomenology of Orthodox Liturgy: A Review of a Book by Christina Gschwandtner]. *Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 7 (3): 369–379. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-369-379.
- Mauss, M. 1996. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies, Exchange, and the Person: Works in Social Anthropology], translated from French, with an afterword and notes by A. B. Gofman. Moscow: Vostochnaia literature.
- Perinskaya, N. A. 2019. Neformal'nye praktiki v usloviakh sotsiokul'turnykh izmenenii [Informal Practices under Conditions of Sociocultural Change]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* 4: 127–133. DOI: 10.17805/zpu.2019.4.10.
- Romanovskaya, E. V. 2010. Moris Khal'bvaks: kul'turnye aspekty pamiati [Maurice Halbwachs: Cultural Aspects of Memory]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filosofii. Psikhologii. Pedagogika* 10 (3): 39–44. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-3-39-44.
- Shaposhnikov, L. E. 2015. Realizatsiia printsipa sobornosti v deiatel'nosti sovremennoi Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [The Implementation of the Principle of Sobornost in the Activities of the Contemporary Russian Orthodox Church]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 16 (2): 68–77.
- Shukurov, D. L. 2020. Germenevtika liturgicheskikh tekstov: analiz strukturnykh aspektov tainstva Evkharistii [The Hermeneutics of Liturgical Texts: An Analysis of the Structural Aspects of the Sacrament of the Eucharist]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* 57: 21–32. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-57-21-32.
- Sirazetdinova, M. F. 2024. Rossiiskie sotsiologi ob osnovaniikh solidarnosti: sub'ektnost', predskazuemost' i obshchnost' chuvstv [Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability, and Common Feelings]. *Vestnik Instituta sotsiologii* 15 (1): 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3.

- Turner, V. 1969. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Vrublevskaya, P. V. 2015. Issleduiia tserkovnuiu obshchinu v malom gorode: rol' sviashchennika i drugie aspekty pravoslavnoi obshchinnosti [Studying a Parish Community in a Small Town: The Role of the Priest and Other Aspects of Orthodox Communalit]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovani* 7 (3): 129–144. DOI: 10.25285/2078-1938-2015-7-3-129-144.
- Vrublevskaya, P. V. 2025. Pravoslavnyi prikhod v sotsiologicheskoi perspektive: ekho teorii v stenakh empiriki [The Orthodox Parish in Sociological Perspective: The Echo of Theory within the Walls of Empirical Research]. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial'nykh i etnograficheskikh issledovani* 3 (1): 43–57.
- Zabaev, I. V., and E. V. Prutskova. 2013. Sotsial'naia set' pravoslavnoi prikhodskoi obshchiny: vozmozhnosti primeniia analiza sotsial'nykh setei v sotsiologii religii [The Social Network of the Orthodox Parish Community: Possibilities of Applying Social Network Analysis in the Sociology of Religion]. *Vestnik PSTGU, Seriya I: Bogoslovie, Filosofia, Issue. 4* (48): 120–134.

THE ORTHODOX COMMUNITY AS A SOCIAL INSTITUTION: LANGUAGE, EVERYDAY LIFE, AND THE EXPERIENCE OF INCLUSION

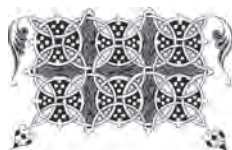
Abstract. The article examines an Orthodox parish as a form of everyday social organization. Based on participant observation conducted in a parish serving the Georgian community in Saint Petersburg from December 2024 to February 2026, it analyzes the gradual inclusion of a newcomer into parish life. Attention is paid to the language of worship, embodied and ritual practices, weekday and festive rhythms, fasting, baptism, Easter, and a memorial meal. The study shows that belonging is not established at a single moment but develops through repeated presence, the acquisition of tacit norms, and small acts of recognition, care, and permission. The Orthodox parish is treated as a social institution reproduced through stable roles, rhythms, boundaries, and forms of interaction. An ethnographic perspective reveals how religious participation acquires an everyday social form and how the community keeps a newcomer close without fully eliminating the distance between that person and established parishioners.

Keywords: Orthodox parish, Orthodox community, everyday life, participant observation, religious sociality, belonging, ritual practices, social institution.

Authors Info: Wei, Linde – PhD student, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: weilingdie214@163.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>

Authors Info: Deriugin, Pavel P. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Applied and Sectoral Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ppd333@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

For citation: Wei L., Deriugin P. P. 2026. The Orthodox Community as a Social Institution: Language, Everyday Life, and the Experience of Inclusion. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 25–38

© 2026 И. О. Будков
г. Волжский, Россия

ГЕНЕАЛОГИЯ ПИСАТЕЛЯ ВАСИЛИЯ НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. Статья посвящена генеалогическому исследованию семьи православного писателя Василия Акимовича Никифорова-Волгина (1901–1941) – самобытного представителя литературы русского зарубежья 1920–1930-х годов. На основе архивных источников – метрических книг церквей Тверской губ. и Нарвы, исповедных ведомостей и ревизских сказок – подтверждены имена родителей писателя, а также установлены имена его дедов и прадедов, выявлены и уточнены имена и даты рождения всех восьми детей родителей писателя. Уточнено время переезда семьи из д. Маркуши Тверской губ. в Нарву. Выявлены обстоятельства появления и последующего исчезновения фамилии Полионов у родителей и родственников писателя. Некоторые персонажи автобиографических рассказов писателя идентифицированы с конкретными историческими лицами на основе архивных данных. Составлено генеалогическое древо В. А. Никифорова-Волгина.

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, генеалогия, русское зарубежье, Нарва, Тверская губерния.

Ссылка при цитировании: Будков И. О. Генеалогия писателя Василия Никифорова-Волгина (по архивным материалам) // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 39–52

Будков Игорь Олегович (Budkov Igor Olegovich) – краевед, г. Волжский Волгоградской обл. Эл. почта: bio84@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 39–52

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929: 821.161.1; ББК – 83.3(2Рос=Рус)6; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/39-52>

Самобытный православный писатель, талантливый представитель литературы русского зарубежья 1920–1930-х годов Василий Акимович Никифоров-Волгин оставил после себя немногочисленное, но яркое литературное наследие. В 1936 г. Игорь Северянин посвятил Никифорову-Волгину сонет, тонко отражающий дух его произведений:

*Ему мила мерцающая даль
Эпохи Пушкина и дней Лескова...
Он чувствует Шмелева мастерского,
И сроден духу родниковый Даль.
Деревни ль созерцает, города ль,
В нем нет невыносимо городского:
Он всюду сын природы. В нем морского
Мороза хруст, что хрупок, как миндаль.*
(Северянин 1996: 565)

В России интерес к творчеству В. А. Никифорова-Волгина возник в конце XX в. Появились издания его произведений, научные работы. Первым издателем и исследователем творчества писателя стал литературовед Сергей Геннадиевич Исаков (1931–2013).

Новым этапом в изучении жизни Волгина стала работа Е. А. Осьминой «Свидетель истории» (Осминина 2024), она содержит малоизвестные подробности и детали биографии, освещает работу Волгина в качестве редактора и журналиста.

Тем не менее биография Никифорова-Волгина, история его рода до сих пор изучены неполно: интерес исследователей в основном был прикован к периоду его творческого расцвета и событиям последних лет жизни. О детстве и юности писателя известно немного, о его семье и предках – почти ничего.

В своем предисловии к книге «Василий Никифоров-Волгин. Воспоминания детства» С. Г. Исаков приводит такие сведения:

«Василий Акимович Никифоров родился 24 декабря 1900 г. (6 января 1901 г. по новому стилю) в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии на Волге в семье сапожника из крестьян. Вскоре после рождения Васи семья Никифоровых переехала в Нарву... Семья была большой – у Васи было четыре сестры и два брата – и жилось ей трудно» (Исаков 2006: 3). С. Г. Исаков упоминает, что еще застал в живых сестер писателя, которые делились с ним воспоминаниями о доброте своего брата и его милосердии к ближнему: «Однажды в жестокий мороз Василий отдал на улице нищему свою шапку и зимнее пальто, а в оправдание дома говорил: “Жаль человека – он мерз, а я уж как-нибудь проживу”» (Исаков 2006: 6). Однако сведения о предках писателя не были известны, что побудило автора данной статьи заняться изучением и составлением его генеалогического древа.

Никольская церковь в д. Белая. Фотография из Википедии под лицензией CC BY-SA 4.0.

Поиск метрической записи о рождении

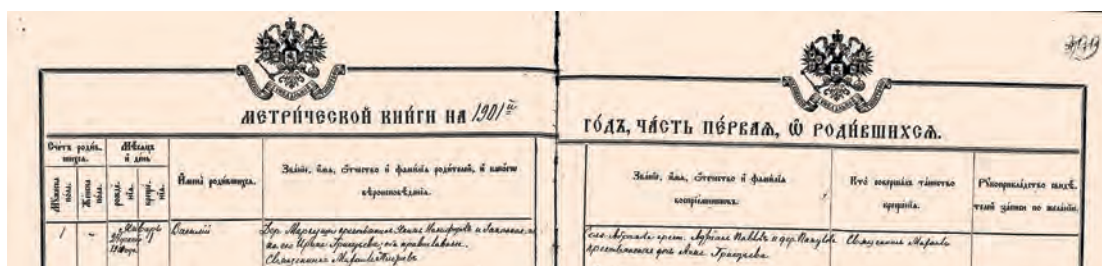
Первым делом – для поиска метрической записи о рождении – необходимо было найти церковь, в которой крестили Василия Акимовича. Его родная деревня Маркуши Калязинского уезда собственной церкви не имела и была приписана к с. Белое, которое располагалось неподалеку.

Красивая Никольская церковь в с. Белое (ныне д. Белой) сохранилась до наших дней. Метрические книги этой церкви также сохранились и находятся сейчас в Государственном архиве Тверской области.

Вскоре была обнаружена метрическая запись о рождении будущего писателя.

с 1891 г. был настоятелем храма. Василий, рожденный в декабре того же года, оказался их первенцем.

«Жених – д. Маркуши крестьянин Яким Никифоров, православный, первым браком, 24 года. Невеста – д. Папулово крестьянина Григория Евдокимова дочь Ирина Григорьевна, православная, первым браком, 21 год. Поручители: по жениху – д. Маркуши крестьяне Максим Никифоров и Гавриил Никифоров (возможно, братья жениха); по невесте – с. Абрамова крестьянин Адриан Павлов и д. Папулово крестьянин Иван Евдокимов» (как увидим далее – брат Григория Евдокимова) (ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1669. Л. 384об.–385).

Запись о рождении В. А. Никифорова-Волгина. Фрагмент.

Источник: ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1669. Л. 398об.–399

Запись о браке родителей писателя. Фрагмент.

Источник: ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1669. Л. 384об.–385

Под номером 1 за 1901 г. в метрической книге Никольской церкви с. Белое значится младенец Василий, рожденный 24 декабря 1900 г. и крещеный в честь святителя Василия Великого 1 января 1901 г. Родители – деревни Маркуши крестьянин Яким Никифоров и законная жена его Ирина Григорьевна, оба православные. Восприемники – с. Абрамова крестьянин Адриан Павлов и д. Папулово крестьянская дочь Анна Григорьевна (видимо, сестра матери) (ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1669. Л. 398об.–399).

Таким образом подтвердилось имя матери Никифорова-Волгина, которое, в отличие от имени отца, в широкой публикации не встречалось и было упомянуто только в дедикации (тексте посвящения) к повести «Дорожный посох» (Никифоров-Волгин 2024: 126), а также имена дедушек – Никифор и Григорий.

Запись о браке родителей

Запись о браке родителей обнаружилась в метриках за 1900 г.: брак был заключен 4 февраля (по ст. ст.). Таинство венчания (а затем и крещения Василия) совершал священник Михаил Плетнев, который

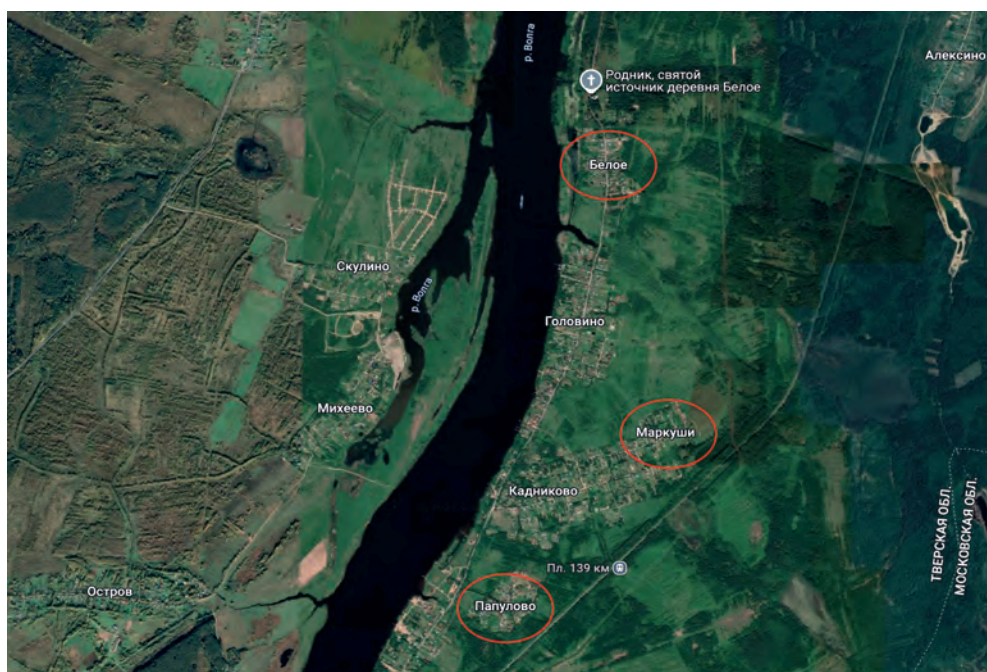
Так стали известны имена прадеда писателя по материнской линии – Евдоким и братьев отца – Максим и Гавриил.

Крестьянские фамилии

Как видно из метрик, у родителей писателя, Акима Никифоровича и Ирины Григорьевны, не было наследственных фамилий, что вплоть до начала XX в. являлось рядовой ситуацией для бывших «владельческих» (то есть населенных крепостными крестьянами) деревень. Роль фамилии выполняло отчество с добавлением суффиксов -ов, -ев на конце: Аким Никифоров сын, Ирина Григорьевна дочь. Такая крестьянская фамилия существовала на протяжении одной жизни, не переходя последующим поколениям. Таким образом, Василий Акимович первым в роду носил наследственную фамилию Никифоров. Позднее он добавил к ней псевдоним «Волгин».

Рождение родителей писателя

Далее последовали поиски метрических записей о рождении родителей писателя. В записи о браке его

Деревни Маркуши, Белая и Папулово (родная деревня матери писателя) на современной карте

родителей за 1900 г. указан их возраст: 24 и 21 год. Значит, Аким Никифорович был рожден в 1875 или 1876 г., а его жена Ирина Григорьевна – в 1878 либо 1879 г.

Информацию о рождении отца писателя удалось найти в метрической книге за 1875 г. – младенец Яким, рожден 8 сентября, крещен 14 сентября.

К сожалению, архивные записи о рождении матери Никифорова-Волгина не сохранились: в метрической книге за 1878 г. отсутствует первая часть (о рождении), а книга за 1879 г. утрачена полностью. Однако в архиве имеются исповедные ведомости.

Рис. 5. Запись о рождении отца писателя. Фрагмент. Источник: ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1629. Л. 191об.–192

«Родители – Белгородской волости д. Маркуши крестьянин Никифор Александров и законная его жена Анна Иудова, оба православного исповедания. Восприемники – с. Белого дьячок Григорий Андреев Плетнев и д. Маркуши вдова крестьянка Параскева Иванова» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1629. Л. 191об.–192).

Так выяснились имена бабушки писателя по отцовской линии – Анна и прадедов – Александр и Иуда.

Исповедные ведомости и ревизские сказки

Исповедная ведомость – ежегодный отчетный документ по каждому приходу Православной церкви в Российской империи в XVIII – начале XX в. Он представлял собой посемейный список всех прихожан (за исключением младенцев в возрасте до года) с записями о каждом члене семьи, был ли он в этом году на исповеди во время постов, причащался ли у своего священника.

Число домов.	Летей.		Дата от рождения.
	Мужская пол.	Женская пол.	
47	161	—	Александр Полиевкта жена его
—	156	—	Васса Игнатовна Дети их
—	162	—	Мвлия —
—	163	—	Никифор —
—	159	—	Мвлия сн. жена Евдокья Яковлева Дети их
—	160	—	Анастасия —
—	161	—	Параскева —
—	164	—	Василий —
—	165	—	Михаил —
—	162	—	Никифорова жена Анна Иудина

	Крестьяне	Возраст
47	Александр Полиевктов	63
	Жена его Васса Игнатовна	66
	Дети их: Иван	38
	Никифор	27
	Иванова жена Евдокия Яковлева	37
	Дети их: Анастасия	17
	Параскева	14
	Василий	11
	Михаил	9
	Никифорова жена Анна Иудина	25

Предки писателя по отцу. Исповедная ведомость.
Источник: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17198. Л. 968об.

Число домов.	Летей.		Дата от рождения.
	Мужская пол.	Женская пол.	
111	484	—	Вдова Анна Феоктистова
—	485	—	Сын ея Евдоким Павлов
—	486	—	Жена его Варвара Васильева
—	487	—	Дети их: Григорий
—	488	—	Васса
—	489	—	Иван
—	490	—	Димитрий

	Крестьяне	Возраст
111	Вдова Анна Феоктистова	74
	Сын ея Евдоким Павлов	44
	Жена его Варвара Васильева	47
	Дети их: Григорий	22
	Васса	16
	Иван	15
	Димитрий	12

Предки писателя по матери. Исповедная ведомость.
Источник: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17764. Л. 818об.

Сохранились исповедные ведомости по д. Маркуши и по д. Папулово за 1860 г.

Данные исповедных ведомостей подтверждают ревизские сказки за 1858 г. по д. Маркуши и д. Папулово.

Ревизские сказки – поименные списки податного населения Российской империи, составленные в ходе подушных переписей (ревизий) в период с 1719 по 1859 г. для целей налогообложения. В них указывались имя, отчество, фамилия (если была) главы семьи, его возраст, а также сведения о членах семьи. Всего было проведено десять ревизий со средней периодичностью в пятнадцать лет.

Данные о возрасте в ревизской сказке д. Маркуши отличаются от указанных в исповедных ведомостях, но находятся в пределах года. В ревизской сказке и исповедной ведомости д. Папулово сведения о возрасте членов семьи расходятся до трех лет. Однако основное расхождение – в именах пра-

бабушки писателя по отцу, жены Александра Полиевктовича, и сестры деда по материнской линии, Григория Евдокимовича. В ревизских сказках они обе записаны под именем Василиса, в исповедных ведомостях – Васса, а это разные имена (хотя ряд генеалогов отмечают, что эти имена часто путали и даже отождествляли).

В рассказе «Тайнодействие» Никифоров-Волгин упоминает о своем прадеде Евдокиме Павловиче, имя которого можно увидеть в ревизском списке членов семьи: «Великое и непостижимое это дело, совершение Тайн Христовых, – говорила мать, сидя на краю моей постели, – в это время даже ангелы закрывают крылами свои лица, ибо ужасаются тайны сия!.. Дед Евдоким не раз твердил: “Ой, лютые придут времена. Все святости будут поруганы, все исповедники имени Христова смерть лютую и поругания примут... И наступит тогда конец свету!”» (Никифоров-Волгин 1938: 117).

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА						РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА					
1858 года Марта 10 ^{го} дня Мировой Судебной Полудневной сессии Судебной Маркуши						1858 года Марта 10 ^{го} дня Мировой Судебной Полудневной сессии Судебной Маркуши					
Семья		Мужской полъ.		По последней ревизии состо- ало и по по- следней переписи		Женский полъ.		По последней ревизии состо- ало и по по- следней переписи		Въ вспомо- гательномъ судебномъ дѣлѣ	
№ 1 расс- каза	№ 2 расс- каза	Крестовая		Дѣла	Въспомогатель- ное	Крестовая		Дѣла	Въспомогатель- ное	Дѣла	Въспомогатель- ное
6.	8.	Александръ Михайловичъ		53.	—	60.	Александръ Михайловичъ		53.	—	60.
		Его жена Анна		39.	—	36.	Его жена Анна		39.	—	36.
		Михаилъ Александровичъ		2.	—	9.	Михаилъ Александровичъ		2.	—	9.
		Василий		—	—	—	Василий		—	—	—
		Михаилъ		—	—	—	Михаилъ		—	—	—
		Степанъ Михайловичъ		—	—	—	Степанъ Михайловичъ		—	—	—
		Николай		—	—	—	Николай		—	—	—

Ревизская сказка д. Маркуши. Фрагмент.

Источник: ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 1013. Л. 514об.-515

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА						РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА					
1858 года Октября 10 для Мировой Судебной Полудневной сессии Судебной Папулово						1858 года Октября 10 для Мировой Судебной Полудневной сессии Судебной Папулово					
Семья		МУЖЕСКИЙ ПОЛЪ.		По последней ревизии состо-ало и по по-следней переписи		ЖЕНСКИЙ ПОЛЪ.		По послед-ной переписи.		Помощ-ные.	
№ 1 реви-зии.	№ 10 реви-зии.	В. Васильевъ		Дѣла	Помощ-ные.	Дѣла.	В. Васильевъ		Семейное имущество.	Дѣла.	
1	6	Василий Васильевичъ		42	—	40	Василий Васильевичъ		—	—	
		Его жена Анна		39	—	36	Его жена Анна		—	—	
		Михаилъ Васильевичъ		11	—	10	Михаилъ Васильевичъ		—	—	
		Василий		4	—	4	Василий		—	—	
		Михаилъ		9	—	9	Михаилъ		—	—	
		Василий		—	—	—	Василий		—	—	

1	6	Василий Васильевичъ		42	—	40	Василий Васильевичъ		—	—	
		Его жена Анна		39	—	36	Его жена Анна		—	—	
		Михаилъ Васильевичъ		11	—	10	Михаилъ Васильевичъ		—	—	
		Василий		4	—	4	Василий		—	—	
		Михаилъ		9	—	9	Михаилъ		—	—	
		Василий		—	—	—	Василий		—	—	

Ревизская сказка д. Папулово. Фрагмент.

Источник: ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 1019. Л. 648об.-649

Переезд в Нарву. Братья и сестры писателя

В начале XX в. семья писателя переехала в Нарву. Точная дата переезда неизвестна, как и причина, которая побудила его родителей оставить родные места.

Василий Акимович с большой любовью описывал в своих произведениях малую родину: д. Маркуши, ее обычаи, быт, реку Волгу, название которой стало второй частью его авторской фамилии. Достоверно неизвестно, имела ли возможность довольно бедная семья писателя после переезда в Нарву приезжать в родные тверские края в гости к своим родственникам, но даже если такой возможности не было, автор не раз подчеркивал, что о милой сердцу деревенской жизни ему часто рассказывали отец и мать.

Примечательно, что Никифоров-Волгин довольно часто упоминает родителей, некоторых предков и друзей, но почти ничего не пишет о братьях и сестрах. Есть лишь одно упоминание сестры в рассказе «Исповедь» и брата в рассказах «Иванушка» и «Отдание Пасхи», а также дедикация к рассказу «Рождественская ночь» – «посвящая брату Сергуньке» (Никифоров-Волгин 2024: 561).

Для выяснения состава семьи, имен сестер и братьев необходимо было обратиться к метрическим книгам Нарвы, которая в начале XX в. входила в состав Санкт-Петербургской губернии. Для начала следовало определить, прихожанами какой церкви была семья Василия Акимовича в Нарве. Это было не так сложно, ведь во многих рассказах цикла «Из воспоминаний детства» писатель упоминает Спасо-Преображенский собор.

Спасо-Преображенский собор Нарвы.
Фотография из Википедии

Бывший католический собор XV в. (лютеранский с XVI в.), частично перестроенный под православный храм и освященный 29 июня 1708 г., Спасо-Преображенский собор в Нарве не сохранился до наших дней. Его здание было разрушено в 1944 г. в ходе военных действий. Василий Акимович, с детства хорошо знавший православное богослужение, служил псаломщиком в соборе до весны 1932 г. Перу писателя принадлежит статья «Тайны Нарвского Преображенского собора. По архивным данным», опубликованная под ранним

псевдонимом «В. Волгин» в газете «Старый нарвский листок» (1929. 11 мая. № 51. С. 2–3).

Метрические книги собора сохранились за период с 1746 по 1926 г. Поскольку дата рождения Василия Акимовича (24 декабря 1900 г. по ст. ст.) была известна из метрик храма родного села, то в метриках Спасо-Преображенского собора было решено искать начиная с 1901 г. Первая находка поджидала в метрической книге за 1902 г. – младенец Иоанн, рожден 22 марта, крещен 25 марта.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1902					ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.		
Имя	Фамилия	Отчество	Пол	Возраст	Знамя, имя, отчество и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил
Иоанн	Акимович	Васильевич	Муж.	22	Васильев, Иван, Степанов и фамилия родителей, и место рождения.	Кто крестил	Где крестил

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1902 г.
Запись о рождении И. А. Никифорова. Фрагмент

«Родители – Тверской губернии Калязинского уезда Белгородской волости д. Маркуши крестьянин Иоаким Никифоров и законная жена его Ирина Григорьева, оба православного вероисповедания, первобрачные. Восприемники – той же губернии, уезда, волости и деревни крестьянин Гавриил Никифоров и той же губернии, Корчевского уезда, Корчевской волости, д. Федоровки крестьянская жена Пелагея Иванова Григорьева» (Метрическая книга 1902).

Эта информация позволила установить важный факт: семья переехала в Нарву почти сразу после рождения Василия, поскольку уже в марте 1902 г. в Нарве у них рождается сын Иван. В качестве крестного указан дядя писателя по отцу – Гавриил Никифорович; его семья тоже переехала в Нарву. Иван умер в младенчестве 14 марта 1903 г.

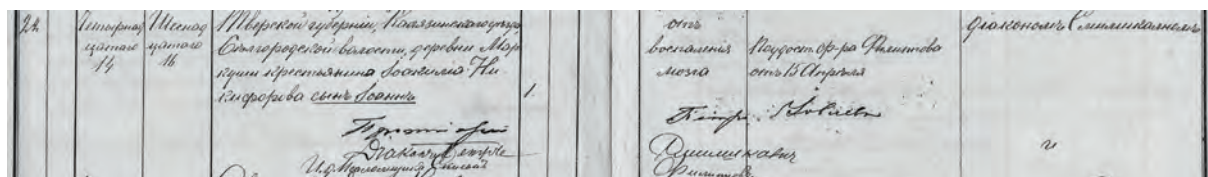
Интересно, что в правой части записи о смерти младенца Ивана в метрической книге отмечено: «по удостоверению фельдшера Филиппова от 15 апреля» (Метрическая книга 1903).

православный, а феришал! – сказала мать про нашего соседа, фельдшера Филиппова. – Ты на него не смотри. Помолись лучше Богу и иди к обедне» (Никифоров-Волгин 1937: 49).

Этот факт свидетельствует о глубокой автобиографичности рассказов писателя. Изменил ли автор имя и отчество фельдшера – установить не удалось: найти сведения о фельдшере Филиппове в открытых источниках и архивных материалах пока не удалось.

10 октября того же года в семье родилась дочь Зинаида (крещена 13 октября).

«Родители – Тверской губернии Калязинского уезда Белгородской волости д. Маркуши крестьянин Иоаким Никифоров и законная жена его Ирина Григорьева, оба православного исповедания, первобрачные. Восприемники – той же губернии, Корчевского уезда, Кимрской волости, с. Абрамова крестьянин Адриан Павлов Туругин и Ямбургская помещанка вдова Татяна Петрова Тимошкина» (Метрическая книга 1903).

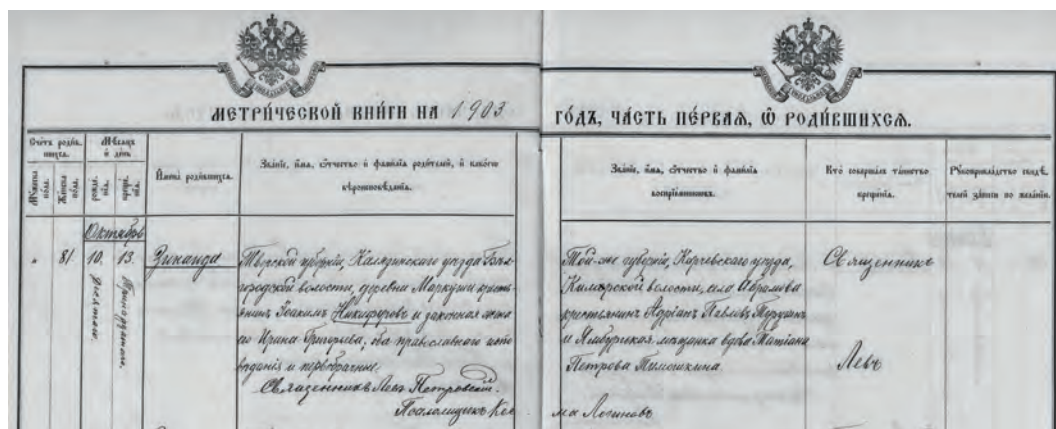

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1903 г.
Запись о смерти И. А. Никифорова. Фрагмент

Этого фельдшера автор упоминает в рассказе «Земля именинница»: «– Отрежь пирога с вареньем. Мне очень хочется! – Да ты, сынок, фармазон, что ли, али турка?! – всплеснула мать руками. – Кто же из православных людей пироги ест до обедни? – Петро Лександрыч, – ответил я, – он даже и в посту свинину лопает! – Он, сынок, не

Следующий ребенок появился в 1906 г. – Иоанн (Иван) рожден 12 сентября, крещен 24 сентября.

«Родители – Тверской губернии, Калязинского уезда, Белгородской волости, д. Маркуши крестьянин Иоаким Никифоров и законная жена его Ирина Григорьева, оба православные, первобрачные. Восприемники – того же уезда, волости и д. Маркуши

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1903 г.
Запись о рождении З. А. Никифоровой. Фрагмент

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1906					ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.				
Имена родителей.		Имена и дата рождения.		Имена родителей.	Имена, фамилия, отчество и фамилия родителей, а также их место рождения.		Имена, фамилия, отчество и фамилия родителей, а также их место рождения.		Имена, фамилия, отчество и фамилия родителей, а также их место рождения.
Отец.	Мать.	Имя.	Дата.		Имя.	Фамилия.	Отчество.	Фамилия.	
61	19 24	Гавриил	19 24	Гавриил	Гавриил	Никифоров	Полионов	Гавриил	Никифоров
Метрической книги на 1906 год, часть первая, о родившихся.					Метрической книги на 1906 год, часть первая, о родившихся.				
Гавриил Никифоров Полионов, сын Гавриила Никифорова и Полионы Анфисы Андреевны, родился 19 24 в деревне Маркушино, Вятской губернии, Даниловского уезда, Вятской волости, д. Нагина крестьянская жена Анфиса Андреева Кузьмина.					Гавриил Никифоров Полионов, сын Гавриила Никифорова и Полионы Анфисы Андреевны, родился 19 24 в деревне Маркушино, Вятской губернии, Даниловского уезда, Вятской волости, д. Нагина крестьянская жена Анфиса Андреева Кузьмина.				

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1906 г.
Запись о рождении И. А. Никифорова (второго). Фрагмент

крестьянин Гавриил Никифоров Полионов и Ярославской губернии, Даниловского уезда, Вятской волости, д. Нагина крестьянская жена Анфиса Андреева Кузьмина» (Метрическая книга 1906).

Фамилия Полионовы

Обнаруживается интересный факт: у дяди писателя Гавриила Никифоровича появилась фамилия Полионов. Его родной брат по-прежнему записан как Иоаким Никифоров (с фамилией, производной от отчества). Можно предположить, что фамилия Полионов появилась от их общего предка. Прадеда Акима и Гавриила звали Полиект. Хотя Полиект (долгожданный) и Полиен (многохвальный) – это разные по значению имена греческого происхождения, имя Полиект в устной речи могло редуцироваться (или забыться) и превратиться в более простое Полиен. Причина, по которой Гавриил Никифорович неожиданно «получил» фамилию, не ясна.

По поводу смерти второго брата Ивана ситуация не до конца понятна. Писатель посвятил своему братику рассказ «Иванушка»: «Умирал братец мой Иванушка. Ему было шесть лет. В больших муках

умирал он. По деревенскому обычаю, положили его под иконы, чтобы Господь облегчил его... Была пасхальная ночь» (Никифоров-Волгин 1938: 80).

Однако попытки найти запись о его смерти не увенчались успехом. По логике рассказа это должно было произойти в 1912 г. (Иван был рожден в 1906 г.). Расширение диапазона поисков с 1910 по 1914 г., а также анализ метрических книг не только Спасо-Преображенского собора, но и всех церквей Нарвы результатов не дали. Пришлось обратиться к семейным реестрам Эстонии, составлявшимся с 1926 по 1949 г. Там удалось обнаружить анкеты всех членов семьи: у родителей писателя в графе «дети» смерть Ивана, рожденного в 1906 г., отмечена 9 марта 1920 г.

Метрическая запись о его смерти подтвердила эту дату. В графе причины смерти указано «убит снарядом», возраст – 13 лет (Метрическая книга 1920).

Следует отметить, что война между РСФСР и Эстонией завершилась 2 февраля 1920 г. заключением Тартуского мирного договора. Что именно произошло 9 марта – не вполне понятно. Можно

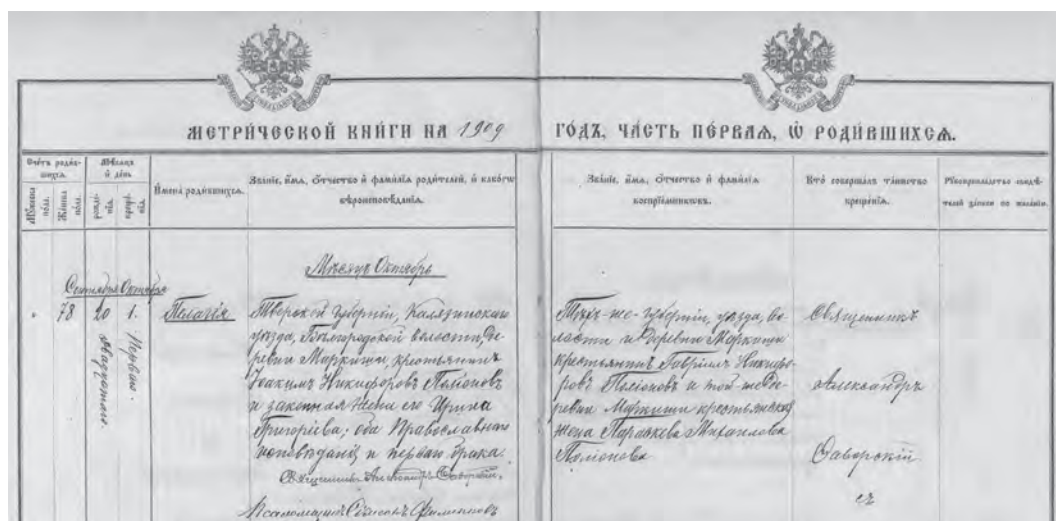
МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1920 ⁴ ГОДА, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, О УМИРШИХ.				
Март.				
22	3	13	Гавриил	Никифоров
Гавриил Никифоров Полионов, сын Гавриила Никифорова и Полионы Анфисы Андреевны, родился 19 24 в деревне Маркушино, Вятской губернии, Даниловского уезда, Вятской волости, д. Нагина крестьянская жена Анфиса Андреева Кузьмина.				

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1920 г.
Запись о смерти И. А. Никифорова (второго). Фрагмент

лишь предположить, что это было своего рода «эхо войны»: мальчики нередко ковыряли оставшиеся после боев снаряды в поисках пороха – подобные трагедии случались и после Второй мировой войны. Но это, разумеется, лишь предположение.

По какой причине Никифоров-Волгин прибег к художественному вымыслу и описал смерть брата Ивана в пасхальную ночь 1912 г. – остается загадкой. Возможно, рассказ стал аллегорическим посвящением обоим братьям: первый Иван умер в 1903 г., второй – в 1920-м. При этом ни на 14 апреля 1903 г. (по ст. ст.), ни на 9 марта (по ст. ст.) 1920 г. пасхальная ночь не выпадала. Однако смерть первого Ивана

указана, по всей видимости, с ошибкой – 28 апреля 1880 г. Эти сведения противоречат ее возрасту в метрической записи о венчании; отдельный дополнительный поиск в метрических книгах д. Папулово за 1880 г. (они, в отличие от книг за 1878–1879 гг., сохранились) записи о ее рождении также не выявил. Впрочем, это обстоятельство вполне обыкновенное: дни рождения, особенно девочек, нередко не отмечались и потому не запоминались. Вероятнее всего, 28 апреля – дата точная (именины Ирины приходятся на 29 апреля), тогда как реальный год рождения – либо 1878-й, либо 1879-й (Анкеты семьи Никифоровых ERA.5175.5.4192. Л. 413, 414).

Метрическая книга Спасо-Преображенского собора Нарвы за 1909 г.
Запись о рождении П. А. Никифоровой. Фрагмент

пришлась на Фомино воскресенье – следующее после Пасхи, – что несколько ближе к сюжету рассказа, хотя в двухлетнем возрасте автор едва ли мог быть сознательным свидетелем этого события.

Анкеты родителей писателя позволили также подтвердить правильность находок в Тверском архиве.

1) Подтверждены имена родителей отца писателя – Никифор Александрович и Анна Иудовна (без дат рождения).

2) Анкета матери восполняет недостающие сведения (ведь метрическая книга о её рождении в Тверском архиве утрачена): подтверждено имя ее отца и впервые установлено имя ее матери – Фёкла Степановна (без дат рождения).

3) Зафиксировано, что девичья фамилия Ирины Григорьевны – Кулакова. В метрической записи о венчании эта фамилия не фигурирует, что вполне объяснимо: у бывших владельческих крестьян фамилии нередко существовали лишь в бытовом обиходе и в официальных документах не закреплялись.

4) Дата рождения Ирины Григорьевны в анкете

Запись о рождении еще одного ребенка в семье Никифоровых значится в книге за 1909 г. – Пелагия, рождена 20 сентября, крещена 1 октября.

«Родители – Тверской губернии, Калязинского уезда, Белгородской волости, д. Маркуши, крестьянин Иоаким Никифоров Полионов и законная жена его Ирина Григорьевна, оба православного вероисповедания и первого брака. Восприемники – тех же губернии, уезда, волости и д. Маркуши крестьянин Гавриил Никифоров Полионов и той же д. Маркуши крестьянская жена Параскева Михайлова Полионова» (Метрическая книга 1909).

Здесь еще более интересная ситуация: фамилию Полионов обретает отец писателя, Аким Никифорович.

В 1912 г. у Никифорова-Волгина появилась еще одна сестра – Антонина, рождена 29 февраля, крещена 1 марта.

«Родители – Тверской губернии, Калязинского уезда, Белгородской волости, д. Маркуши,

В открытой базе данных захоронений Эстонии можно обнаружить сведения о том, что родители писателя похоронены на Александро-Невском кладбище Таллина. Это кладбище было основано в 1772 г., после издания Екатериной II указа о запрете захоронений в церквях и окрестностях храмов. На нем похоронены многие известные соотечественники, в том числе Игорь Северянин.

фотографии: портреты Иоакима Никифоровича, Ирины Григорьевны и самого Василия Акимовича в молодости. До настоящего времени исследователи испытывали острую нехватку качественных прижизненных фотографий писателя, не говоря уже об изображениях его родителей, – тем значительнее эта находка для изучения биографии В. А. Никифорова-Волгина.

Фотографии Иоакима Никифоровича (отца писателя), Ирины Григорьевны (матери писателя) и молодого Василия Акимовича Никифорова-Волгина, 1924 г.

Указаны даты смерти Акима Никифоровича – 22 апреля 1947 г., его жены Ирины Григорьевны – 25 января 1959 г., их младшего сына Сергея – 9 октября 1953 г. (База захоронений Эстонии). Как видно, мать писателя пережила как своего старшего сына Василия, так и самого младшего – Сергея.

Отдельной ценной находкой стали удостоверения личности членов семьи Никифоровых, выданные в 1924 г. Департаментом полиции Эстонской Республики на основании резолюций Женевской конференции 1922 г. (документы подобного рода в историографии принято называть «нансеновскими удостоверениями», хотя формально они являлись национальными документами принимающего государства). Документы отложились в фонде ERA.14.14.2946 Национального архива Эстонии в составе дела о гражданстве семьи Никифоровых, обнаруженного эстонским исследователем Лилиан Аун. Особую значимость этим материалам придают приклеенные к удостоверениям

Выводы

Полученные данные помогли составить генеалогическое древо семьи В. А. Никифорова-Волгина. Кроме того, найденные метрические записи позволяют сделать следующие выводы:

1. Подтверждены данные С. Г. Исакова о том, что у писателя были четыре сестры и два брата (без учета Ивана, умершего во младенчестве).

2. Переезд семьи Никифоровых из д. Маркуши Тверской губернии в Нарву состоялся сразу после рождения писателя.

3. Вместе с семьей Акима Никифоровича в Нарву переехал его брат Гавриил Никифорович с семьей.

4. В 1909–1912 гг. родственники писателя использовали фамилию Полионовы, но окончательно она не закрепилась.

Автор выражает огромную благодарность Диане Дмитриевне Примако и Ольге Витальевне Дербасовой за помощь в поиске архивных документов и работе с метрическими книгами.

Источники и материалы

Анкеты семьи Никифоровых – Коллекция документов семейных архивов Министерства внутренних дел Эстонии. File: ERA.5175.5.4192; 1926–1949 гг. // Цифровой портал Saaga Национального архива Эстонии. URL: <https://ais.ra.ee/en/description-unit/view?id=215335001287> (дата обращения: 02.03.2026).
База захоронений Эстонии – База данных захоронений Эстонии. URL: <https://www.kalmistud.ee> (дата обращения: 02.03.2026).

ГАТО – Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1629, 1669; Ф. 160. Оп. 1. Д. 17198, 17764; Ф. 312. Оп. 6. Д. 1013, 1019.

Метрическая книга 1902–1920 – Метрические книги Спасо-Преображенского собора Нарвы. 1902–1920 гг. Архив Нарвской церкви Преображения Господня. File: EAA.5345; 1746–1926 гг. // Цифровой портал Saaga Национального архива Эстонии. URL: <https://www.ra.ee/saaga/index.php/structure/index?id=EAA.5345> (дата обращения: 02.03.2026).

Никифоров-Волгин 1937 – Никифоров-Волгин В. А. Земля именинница. Таллин: Русская книга, [1937].

Никифоров-Волгин 1938 – Никифоров-Волгин В. А. Дорожный Посох. Таллин: Русская книга, 1938.

Никифоров-Волгин 2024 – Никифоров-Волгин В. А. Древний город: рассказы, повести / сост., предисл., подгот. текста и примеч. Е. А. Осьмининой. М.: Викмо-М, 2024.

Северянин 1996 – Северянин И. Никифоров-Волгин // Северянин И. Сочинения: в 5 т. Т. 4. СПб.: Logos, 1996.

Научная литература

Исаков С. Г. Предисловие // Никифоров-Волгин В. А. Воспоминания детства. СПб.: Сатисъ, 2006. С. 3–15.

Осьминина Е. А. Свидетель истории // Никифоров-Волгин В. А. Древний город: рассказы, повести / сост., предисл., подгот. текста и примеч. Е. А. Осьмининой. М.: Викмо-М, 2024. С. 5–24.

References

Isakov, S. G. 2006. Predislovie [Preface]. In *Vospominaniya detstva by V. A. Nikiforov-Volgin* [Childhood Memories by V. A. Nikiforov-Volgin], 3–15. Saint Petersburg: Satis.

Ośminina, E. A. 2024. Svidetel' istorii [Witness to History]. In *Drevnii gorod: rasskazy, povesti by V. A. Nikiforov-Volgin* [Ancient City: Stories and Novels by V. A. Nikiforov-Volgin], ed. by E. A. Ośminina, 5–24. Moscow: Vikmo-M.

GENEALOGY OF THE WRITER VASILY NIKIFOROV-VOLGIN

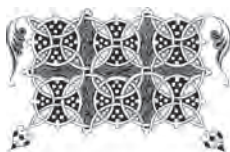
(based on archival materials)

Abstract. The article is devoted to a genealogical study of the family of the Orthodox writer Vasily Akimovich Nikiforov-Volgin (1901–1941), a distinctive representative of Russian émigré literature of the 1920s–1930s. Based on archival sources – parish registers of churches in Tver Province and Narva, confession records, and revision census lists – the names of the writer's parents are confirmed, and the names of his grandfathers and great-grandfathers are established; the names and dates of birth of all eight children of the writer's parents are identified and clarified. The time of the family's relocation from the village of Markushi in Tver Province to Narva is clarified. The circumstances of the emergence and subsequent disappearance of the surname Polionov among the writer's parents and relatives are revealed. Some characters of the writer's autobiographical stories are identified with specific historical persons on the basis of archival data. A genealogical tree of V.A. Nikiforov-Volgin is compiled.

Keywords: Nikiforov-Volgin, genealogy, Russian emigration, Narva, Tver Province.

Authors Info: Budkov, Igor O. – Local Historian (Volzhsky, Volgograd Region, Russian Federation). E-mail: bio84@mail.ru

For citation: Budkov, I. O. 2026. Genealogy of the writer Vasily Nikiforov-Volgin (based on archival materials). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 39–52

© 2026 Л. Л. Щавинская
Москва, Россия

**ПОЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ «ВОСКРЕСНОЕ
ЧТЕНИЕ» – ЦЕННЕЙШИЙ АРХИВ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
1920-х – 1930-х годов**

Аннотация. В истории мировой православной церковной печати первой половины XX столетия издававшимся в Варшаве с 1924 по 1939 г. русскоязычному еженедельному журналу «Воскресное Чтение» принадлежит совершенно исключительная роль. На страницах около восьмиста его номеров запечатлены события, происходившие не только в межвоенной Польше, но и во всем православном мире, а также случившиеся ранее, в основном связанные с судьбой Российской Православной Церкви, в том числе и такими важнейшими как, например, Московский Собор 1917–1918 гг. Журнал имел широкое распространение не только в православной среде Польши, но и в кругу русского зарубежья в других странах. Важнейшей отличительной особенностью обширной издательской программы «Воскресного Чтения» являлась его «церковно-народная» направленность, ориентированная на самые широкие круги почти пятимиллионного православного населения Польши – белорусов, украинцев и русских.

Ключевые слова: Православие, журнал «Воскресное Чтение», межвоенная Польша, история православной жизни восточных славян.

Ссылка при цитировании: Щавинская Л. Л. Польский православный журнал «Воскресное Чтение» – ценнейший архив истории восточнославянской церковной жизни 1920-х – 1930-х годов // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 53–66

Щавинская Лариса Леонидовна (Shchavinskaja Larisa Leonidovna) – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, эл. почта: l.shchavinskaya@inslav.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9385-3509>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 53–66
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 93/94; ББК – 83.3 (Рус.); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/53-66>

Трагические итоги Первой мировой войны, длительная вооруженная борьба на всей территории бывшей Российской империи коренным образом изменили государственно-политическую ситуацию в восточной части Европы. Здесь стали возникать новые государства, а также в конце 1918 г. была провозглашена независимая Польша, в которую вошли огромные восточные земли, заселенные преимущественно православным крестьянским населением. Православная церковь в межвоенной Польше, являвшаяся второй по величине и значению конфессией, насчитывала около пяти миллионов верующих, бывших коренными, полноправными наследниками церковной жизни бывшей имперской России (Щавинская 2025а: 168). В новых государственных границах, круто изменившихся политических обстоятельствах организация православной жизни в Польше претерпела резкие изменения, вынужденная приспосабливаться к новым реалиям. Все эти события, касающиеся различных сторон православной жизни как в самой Польше, так и в ряде стран мира, нашли свое отображение в многочисленных материалах польской православной периодики тех лет, составлявшей около 40 различных изданий. Среди них особенно выделяется «церковно-народный иллюстрированный журнал» «Воскресное Чтение», регулярно издававшийся в Варшаве с 1924 по 1939 г.¹, насчитывавший около восьмисот выпусков: ничего подобного тогда «в мировой славянской православной среде... не существовало» (Щавинская 1998: 76; 1999: 30). Журнал этот заинтересовал нас еще несколько десятилетий назад, тем более что он долгие годы сохранялся в библиотеках православных священнослужителей и прихожан в нескольких странах Европы, но особого интереса у исследователей тогда не вызывал, как и вся польская православная печать тех лет, а их судьбам, по словам известного польского историка К. Бобовского, не было посвящено «ни одного специального исследования» (Bobowski 1985: 25). В Польше в последние годы становится все заметнее интерес исследователей к истории православной периодики межвоенного двадцатилетия (Sulawka 2012; 2018; Nikulin 2022).

Возможность издания такого журнала, как «Воскресное Чтение», могла осуществиться лишь при наличии собственной церковной издательской

базы, к организации которой приступили в конце 1922 г. по инициативе митрополита Георгия (Ярошевского). На его просьбу к польским властям о том, что «Митрополии необходима собственная типография, которая должна находиться в Варшаве», от Министерства религиозных исповеданий и народного просвещения первоначально был получен отрицательный ответ (AAN 1261). Затем отношение властей к подобной идее изменилось, что в конце концов поспособствовало появлению в межвоенной Польше крупнейшего православного литературно-издательского комплекса, которым стала Варшавская Синодальная типография (Лабынцев 1995а; Лабынцев, Щавинская 1998; 1999; 2001). Об издании православной периодики едва ли не один из первых задумался митрополит Георгий, писавший в октябре 1922 г. польским чиновникам о «великой потребности в выпуске собственного периодического издания» (AAN 1260).

Первый номер «Воскресного Чтения» вышел в свет 20 (7) января 1924 г. в Варшавской Синодальной типографии, размещавшейся на правом берегу реки Висла (район Прага) на ул. Зигмунтовской 13.

Фрагмент польской карты Варшавы 1925 г., на которой отображена часть района Прага, где по адресу «Zygmuntowska 13» находился «Митрополичий Святыя Равноапостольныя Марии Магдалины Собор» и располагались центральные православные учреждения Польши, в том числе и Варшавская Синодальная типография (это место обведено кружком)

Издаваемый «по благословию Священного Синода Православной Митрополии в Польше» журнал должен был «дать здоровую духовную пищу православным людям Польши, в частности – жителям

провинциальных городов, а особенно – сел и деревень, не имеющих у себя ни книг, ни газет» (ВЧ 1924а). Первым редактором-издателем нового православного журнала стал бывший тогда одновременно «помощником правителя дел Синода», заведующим «Синодальной типографией» Е. Сакович, который оставался редактором в течение первых пяти лет существования журнала (Щавинская 2026: 213–214). Следующим редактором-издателем «Воскресного Чтения» с № 14 за 1928 г. и практически до конца 1938 г. был П. Земцов. В последнем номере журнала за 1938 г., № 51–52, П. Земцова сменил протоиерей М. Помазанский², служивший на этом посту в 1939 г., последнем году издания журнала.

Периодичность выхода номеров журнала не всегда была постоянной. Вначале он обозначен как еженедельный, в первый год вышло 45 номеров журнала, впоследствии, вплоть до 1933 г., выходило уже по 52 выпуска в год. В 1934 г. первый номер журнала еще обозначается как «еженедельный», а с № 25–26 «Воскресное Чтение» печатается «два раза в месяц», с 1936 г. журнал снова становится еженедельным.

Начальная страница первого номера «Воскресного Чтения» открывалась православными «Святцами»³, сразу за ней шла подробная программа издания журнала, состоящая из 12 разделов, в которых планировалась публикация церковно-богослужебных, богословских и церковно-исторических популярных статей, рассказов из церковно-бытовой жизни народа, «разбор сектантских заблуждений», хроники и обзоров церковной, общественно-политической и хозяйственной жизни в Польше и за границей, библиографических заметок, советов по вопросам сельского хозяйства. Для связи с читателями предусматривались специальные разделы «Корреспонденция с мест» и «Почтовый ящик (Вопросы и ответы)». После опубликованной программы редакция журнала предупреждает читателя, что пока он может «выходить не периодически, а по мере накопления литературного материала и изыскания денежных средств на издание» (ВЧ 1924а).

Объявляя подписку на следующий 1925 г., редакция журнала сообщает, что «по примеру прошлого года, приложит все старания к тому, чтобы журнал давал читателям поучительное, приятное и полезное чтение в единственный свободный для трудящихся людей день в седмице – воскресенье – и, таким образом, вполне оправдывал бы свое название “Воскресное Чтение”» (ВЧ 1924б).

Впоследствии ежегодно в каждом первом номере редакция журнала публиковала обращение к своим читателям. В 1925 г., на второй год издания, редакция отмечает: «оглядывая пройденный нами краткий путь,.. мы можем признать, что труды

наши не были напрасны. Мы были скромны, ясно осознавая ограниченность наших средств и возможностей... Мы хотели лишь дать православному народу в Польше и его интеллигенции, прежде всего духовенству, доступную, понятную и здоровую духовную пищу, держать наших читателей постоянно в курсе важнейших событий церковной, политической и общественной жизни... и с удовлетворением можем сказать, что мы нашли своего читателя. “Воскресное Чтение” оказалось нужным и стало уже привычным другом и верным советником многих сотен православных людей» (ВЧ 1925).

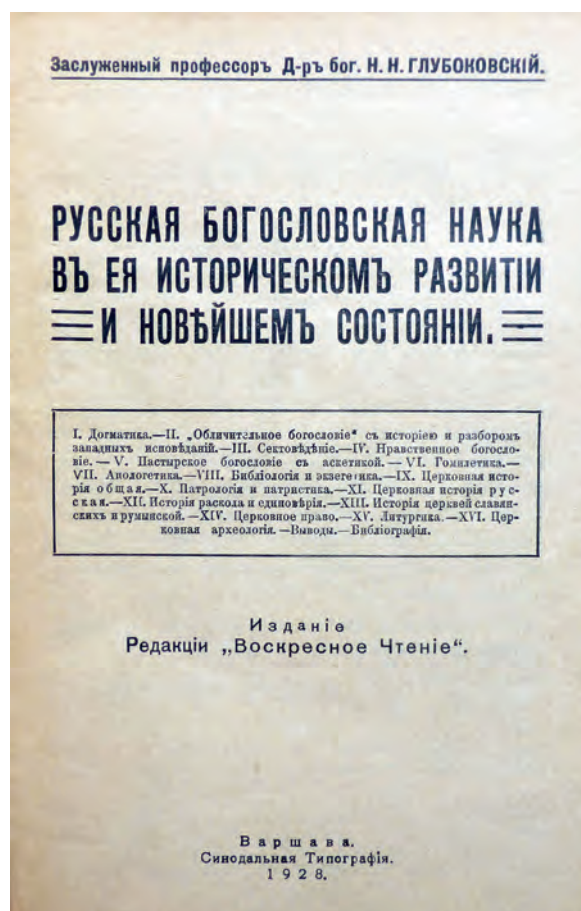
В редакторской статье «Новый Год» (1926 г.) отмечается, что журнал «читается, к его голосу прислушиваются и с ним считаются не только широкие круги православных в пределах Польши и вне ее, но и те иноверцы, которые интересуются жизнью Православной Церкви и ее верных». При этом, будучи прежде всего органом религиозной мысли, журнал «стремится быть не только проводником истин христианской веры», но и считает своим долгом отстаивать правду и справедливость в общественной и политической жизни. Тем более, что Православная Церковь Польши в 1925 г. стала автокефальной, что поставило необходимость «перестройки церковной организации и жизни на новых началах,.. подводящих под нее новый и крепкий фундамент... на прочных основах церковно-религиозной общности... ради укрепления православной веры и на благо всей многочисленной паствы Христовой» (ВЧ 1926а: 2).

Планируя свою издательскую программу, редакция изначально стремилась дать полезное чтение для как можно более широкой читательской аудитории. В журнале печатались как статьи важные и нужные для православных священнослужителей в их непростом пастырском деле, так и материалы, освещающие актуальные общественно-государственные события в стране и за границей Польши, особое внимание при этом уделялось происходившему в Советской России. Для массового читателя в каждом выпуске «Воскресного Чтения» публиковались небольшие церковно-народные произведения, тематика которых была самой разной: это и евангельские сюжеты, лирические статьи-воспоминания о жизни, прошлой и настоящей; описание паломнических поездок и других событий в общественной и народной жизни, библиографические заметки, советы по вопросам сельского хозяйства и т.д. В журнале печатались распоряжения высшей церковной власти, лучшие проповеди, церковно-богословские научные и популярные статьи. Большое внимание уделялось вопросам школьного образования и воспитания молодежи. В каждом номере регулярно публиковались духовные сти-

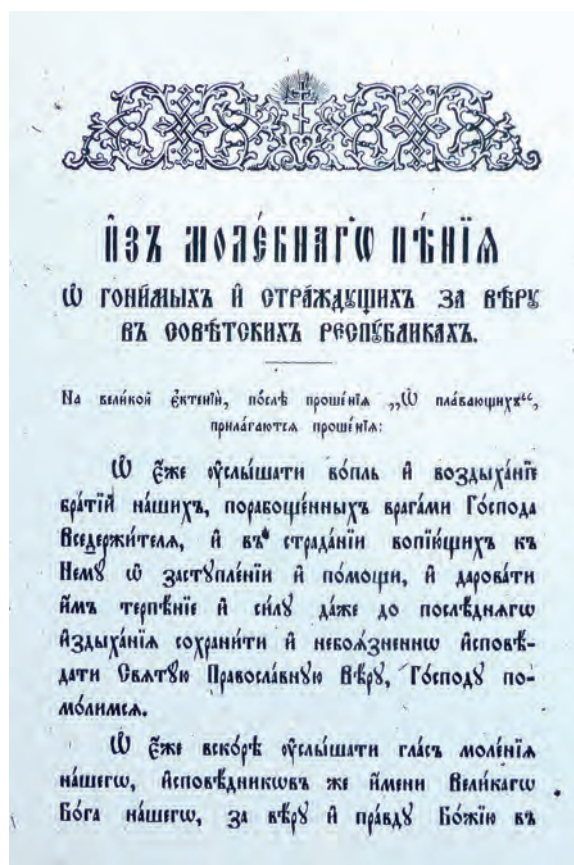
хи, авторами которых были священнослужители и современные поэты, русские классики, переводы иностранных авторов. Внимание к духовной поэзии было практически неизменным на протяжении всего времени издания «Воскресного Чтения». За шестнадцатилетний период существования журнал опубликовал на своих страницах множество самых разнообразных материалов, в том числе касающихся судеб российского православия как в бывшей Российской империи, так и в СССР.

В качестве приложений к журналу, выходивших отдельными изданиями или же вкладывавшихся в тот или иной номер, были опубликованы сотни книг, брошюр и листовых материалов на самые злободневные темы, в их числе по истории российского православия и богословия, среди которых и такая публикация, специально подготовленная для «Воскресного Чтения», как книга Н. Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Глубоковский 1928), не потерявшая своего значе-

ния до сих пор и с огромным успехом переиздающаяся, подобно другим приложениям к журналу. Среди этих приложений были и такие объемные книги, как трехтомное исследование профессора Варшавского университета М. В. Зызыкина «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи», неоднократно переиздававшееся уже в наши дни за рубежом и в России; и совсем небольшие, такие как восьмистраничная брошюра «Из молебного пения о гонимых и страждущих за веру

Титульный лист книги Н. Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Издание Редакции «Воскресное Чтение». Варшава, 1928)

Первая страница брошюры «Из молебного пения о гонимых и страждущих за веру в советских республиках» (Варшава, 1930–1931)

в советских республиках» (1930–1931). Составленное в ответ на гонения Православной Церкви в СССР, оно стало одним из самых высших актов единения и духовной поддержки православными Польши православных христиан в советских республиках, а также выражением солидарности с православной русской эмиграцией в Польше⁴. В виде приложений к «Воскресному Чтению» также выходили «Казания» (1934) на украинском языке, периодическое антиалкогольное «просветительское издание» «За трезвость» (1938–1939), детский ежемесячник «Мой друг» (1939).

Титульный лист «Каталога Варшавского Синодального склада» (Бесплатное приложение к журналу «Воскресное Чтение», № 9, от 27 февраля 1927 г. Warszawa, 1927)

С течением времени и под влиянием различных обстоятельств менялся состав и содержание рубрик журнала, менялась и редакционная политика. В разделе «Из печати» за подписью анонимного автора Vox⁵, печатавшемся как правило перед выходившими без указания авторства рубриками «Церковное обозрение» и «Политическое обозрение», обычно были представлены обзоры публикаций католической и правительственной печати, касающихся церковной жизни, а также библиографические обзоры печатных изданий, выходящих как в Польше, так и за рубежом. В «Церковном обозрении» регулярно публиковались сведения о православной церковной жизни как в самой Польше, так и в Советской России / СССР и за рубежом. Появляется рубрика «Юридический отдел», с 1931 г. печатается «Юридический Отдел под редакцией Правового Отдела Русского Благотворительного Общества в Польше». На 2-4 страницах обложки журнала с 1930 г. публикуются текущие церковные документы под общим заглавием «Официальные церковные ведомости», в

1933 г. они выходят как «Варшавские церковные ведомости», а с 1934 по 1938 г. снова получают название «Официальные церковные ведомости». В 1939 г. этой информации уже нет, поскольку журнал стал частным, а не официальным церковным изданием.

На десятом году существования журнала в традиционном новогоднем обращении редакция сообщает: «Характер нашей работы несколько переменялся. Благодаря тому, что в настоящее время мы не одни стоим на ниве церковной публицистики... «Воскресное Чтение» могло сосредоточиться на проблемах более глубоких, на принципиальных вопросах церковной жизни, на богословских и научных темах серьезного содержания» (ВЧ 1933а: 1). В преддверии десятилетнего юбилея редакция журнала дала оценку сделанного и предложила программу на будущее: ««Воскресное Чтение» – единственный в Польше еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал – вступает, с Божией помощью, в одиннадцатый год своего существования... Мы будем соборно продолжать защиту нашей Св. Церкви и Веры от всех враждебных Ей сил. Мы будем подробно излагать важнейшие события из церковной жизни в Польше и за границей и давать им надлежащее освещение. Церковная соборность, вопросы веры и нравственности православно-христианской, пастырство, учительство, миссионерство, законоучительство, церковно-исторические труды, очерки и исследования и т.д. – всему этому будет уделяться возможное внимание на страницах нашего журнала» (ВЧ 1934: 1).

Всего за время выхода журнала в нем были напечатаны десятки тысяч самых различных материалов. Публикации в «Воскресном Чтении» появлялись часто без подписи, а в случае указания автора это могли быть как реальные фамилии, так и псевдонимы. В результате просмотра de visu свыше 740 доступных нам номеров, вышедших за 16 лет издания журнала, мы насчитали более 520 подписей авторов публикаций различной тематики и объема, представляющих собой как большие статьи, так и совсем небольшие заметки. В качестве псевдонимов часто использовались просто буквы, например, «С.», «М.», или инициалы типа «А. А.», «В. З., свящ.» «С. И. Т.», «Н. К.» и т.п. К сожалению, информацию о многих авторах статей, даже если и указана фамилия, нам не удалось найти; отдельные авторы могли использовать разные псевдонимы под своими публикациями. Описания паломнических поездок, событий церковно-народной жизни часто сопровождалась подписями типа «православный», «паломник», «православный богомолец», «участник» и т.п. Сведения о многих авторах-священнослужителях можно найти в масштабном труде о Григория Сосны и матушки Антонины Троц-Сосны (Sosna

2012), в течение многих лет собиравших в периодических изданиях и архивах европейских стран информацию о духовенстве, служившем в том числе на территории межвоенной Польши (Лабинцев, Щавинская 2006).

Имена части авторов встречались на страницах журнала всего один раз, другие печатались время от времени, многие же публиковались в разные периоды достаточно регулярно. Так, на протяжении пяти лет, с 1928 по 1932 г., в начале каждого номера выходили статьи А. Савостьянова⁶ на тему отмечаемого в эти дни православного праздника. Публикация такого рода статей была изначально запланирована «в качестве постоянного отдела издания». В 1924 г. первыми авторами таких публикаций были «Свящ. А. Павлюковский»⁷ (№ 4, 6–10, 12–15, 21, 24, 29), «Свящ. Ф. Дмитриук»⁸ (№ 11, 22, 26, 33–37, 39, 41, 43). В 1925–1926 гг. это были статьи писателя, «заслуженного деятеля церковной журналистики» В. М. Скворцова⁹, священника Анания Сагайдаковского¹⁰. В 1933 г. их автором уже значился Евгений Лебедев¹¹, в 1934 г. – архимандрит Феофан¹², далее это были статьи разных авторов.

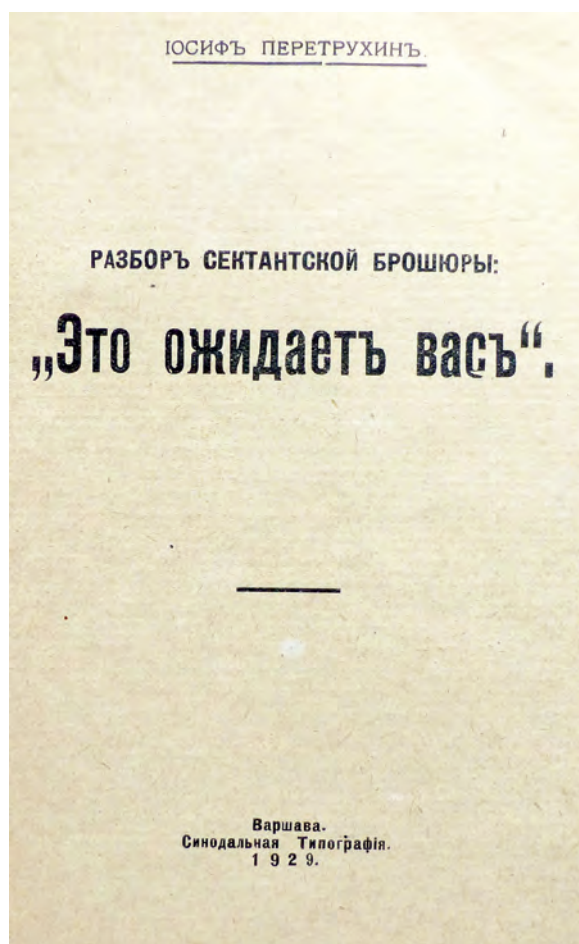
На страницах «Воскресного Чтения» публиковались труды многих оказавшихся в эмиграции русских церковных и светских научных деятелей. Здесь была напечатана большая исследовательская работа историка церкви В. М. Заикина «Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII веках» (Заикин 1930а), выпущенная затем в виде книги (Заикин 1930б), сразу получившая положительный отклик западноевропейских ученых (Р.В.Ч. 1931: 311), не потерявшая своего значения до сих пор. В 1931 г. «Воскресное Чтение» начинает публиковать часть фундаментального труда М. В. Зызыкина (с пометкой «С особым счетом страниц») «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи», публикация которого в журнале продолжилась в последующие годы, а в 1934 г. он был издан отдельной книгой (Зызыкин 1934). Это была тема его докторской диссертации, на диспуте при защите которой ученый показал важность темы: «Искание политических идеалов является неистребимой потребностью человечества... Не так давно Россия переживала период стремления превращения ее в конституционное государство по всем правилам техники западноевропейского конституционализма... Так в XVIII веке... в России в царствование Алексея Михайловича возникла, на почве преследования патриарха Никона боярским окружением царя, борьба, смысл которой свелся к спору об объеме царской власти, ее положении в Церкви, и о положении церковной иерархии среди светского

общества... Никон... после оставления патриаршего престола поведал бумаге свои мысли о судьбах мира, о назначении власти церковной, о священстве вообще... Его идеи привлекают наше внимание в эпоху, когда Россия вовсе не имеет власти, признающей священное призвание государственной власти...» (Речь М. В. Зызыкина 1929: 251). В этом же году журнал печатает очень важную работу М. В. Зызыкина «Автокефалия и принципы ее применения» (№ 25–51). «Воскресное Чтение» печатало также научные статьи предстоятеля Польской Автокефальной Православной Церкви митрополита Дионисия (Валединского) (Митрополит Дионисий 1928; 1935) и множество материалов священнослужителей на самые актуальные богословские, церковно-исторические, общественно-политические темы. О вопросах миссионерской и пастырской практики много писал, например, «прот. П. Калинин»¹³. Неоднократно печатались статьи протопресвитера Терентия Теодоровича, одного из самых замечательных представителей русского зарубежья, пастырское служение которого было тесно связано с судьбой Русской Варшавы первой половины XX в. (Лабинцев 19956; 2022). Его публикации регулярно

Обложка журнала «Воскресное Чтение» (1927. № 10)

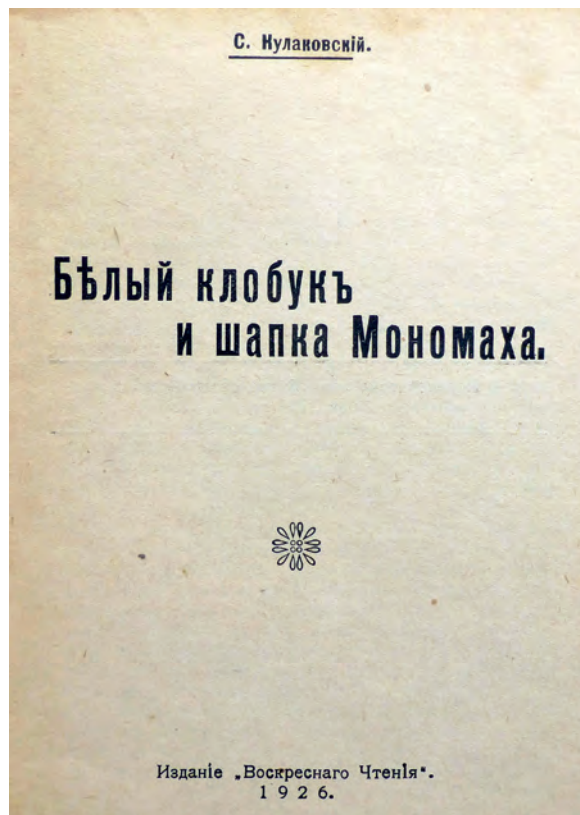
появлялись на страницах «Воскресного Чтения» с самого начала издания журнала в 1924 г., первая из них была посвящена анализу современной религиозно-философской литературы, в том числе освещающей проблемы «православие и культура», «существо русского православного сознания» (Теодорович 1924). Тема культуры и церкви масштабно раскрыта в статье «Культура, прогресс и церковь» (Габбе 1931) известного русского церковного деятеля графа Ю. П. Габбе¹⁴. «Воскресное Чтение» печатает ряд фундаментальных работ одного из самых одаренных белорусских писателей довоенной поры протоиерея Константина Зноско (Лабынцев, Щавинская 1999: 144–196), среди которых, например, «Латинизация Православного Богослужения в Униатской Церкви» (Зноско 1932). С первого номера 1933 г. журнал начинает печатать его знаменитый труд «Исторический очерк Церковной унии. Ее происхождение и характер» (Зноско 1933а), вышедший вскоре отдельной книгой (Зноско 1933б)

Титульный лист брошюры И. Перетрухина «Разбор сектантской брошюры «Это ожидает вас»» (Издание Редакции журнала «Воскресное Чтение». Варшава, 1929)

Невозможно перечислить поименно всех авторов богословско-научных, церковно-популярных работ, опубликованных в журнале «Воскресное Чтение» за 16 лет его существования. Здесь печатались статьи одного из главных знатоков церковного пения И. А. Гарднера (в монашестве Филиппа), церковного историка С. Н. Большакова, священника Виталия Железняковича, талантливого публициста, смело отстаивавшего позиции Церкви перед польскими властями, православного богослова Д. П. Огицкого; волынского епархиального миссионера И. Перетрухина; Феодора Мельникова, одного из самых деятельных старообрядческих писателей, статьи которого были посвящены православной вере и сохранению ее устоев, и многих других.

Для массового читателя на страницах «Воскресного Чтения» печатались популярные художественные произведения из «церковно-бытовой жизни народа», на церковно-исторические темы. Часто это были рассказы, зарисовки, эссе на евангельские сюжеты, обычно соответствующие приходящемуся на эти дни церковному празднику, особенно в рождественские и пасхальные дни. В 1924 г. в журнале публиковались рассказы Н. Н. Брешко-Брешковского¹⁵, одного из самых популярных в России в начале XX в. писателей, роман которого «Ряса и кровь», каждая глава которого сопровождалась рисунком с соответствующей подписью, печатался в «Воскресном Чтении» в течение 1925 г. и был выпущен отдельным изданием (Брешко-Брешковский 1925). На страницах журнала можно встретить произведения русских писателей, печатавшихся как под своей фамилией, так и под псевдонимами, например, П. Юрьева¹⁶ (статьи которого выходили также и под псевдонимом С. Витязевский), Петра Прозорова¹⁷, Ю. Муромского¹⁸, С. Кулаковского¹⁹. Представляют интерес рассказы и эссе, публиковавшиеся под псевдонимом «С. И. Т.» (С.И.Т. 1926; 1929), где герои – в основном жители Полесья, территории межвоенной Польши, которой вообще уделялось много внимания на страницах «Воскресного Чтения». Автором, публиковавшимся на страницах журнала ежегодно на протяжении пятнадцати лет, вплоть до своей кончины, была полесская писательница, член редакции «Воскресного Чтения» София Прорвич²⁰. Иногда в одном номере печаталось сразу несколько ее творений. В 1934–1939 гг. регулярно выходили произведения поэта и беллетриста Е. Вадимова²¹, например, «В лесах Темниковских (Исторические эпизоды из жизни Св. Серафима Саровского)» (с иллюстрациями автора). Публиковались рассказы В. Никифорова-Волгина²²; на протяжении 1936–1937 гг. «Воскресное Чтение» печатает главы книги Л. Денисова «Сыны света», представляющей собой сборник церковно-исторических повестей из жиз-

Титульный лист брошюры С. Кулаковского «Белый клобук и шапка Мономаха» (Издание Редакции «Воскресное Чтение». Варшава, 1926)

ни христиан I–XI вв., неоднократно переиздававшейся в Российской империи конца XIX – начала XX в. Даже простое перечисление имен авторов, публиковавшихся в журнале, может дать представление о палитре литературной и общественной жизни межвоенной Польши.

«Воскресное Чтение» живо откликалось на все события, касающиеся церковной и общественно-политической жизни, происходящие как в самой Польше, так и за рубежом. Так, с болью описывая процесс варварского разрушения в Варшаве Александро-Невского собора, якобы «воздвигнутого русским правительством для политических целей», автор одной из публикаций по этому поводу сообщает, что русское правительство кроме собора «на средства русской казны» заново отделало «с затратой громадных сумм из казенных средств» католический кафедральный собор Св. Яна в Варшаве, и вопрошает: «Где же храмы, воздвигнутые властью Возрожденной Польши для ее православных граждан?» (Гр. 1925: 236–237). Среди поляков было множество тех, кто выражал свою откровенную радость по поводу этой чудовищной акции разрушения Александро-Невского собора, против выступили только некоторые польские общественные и поли-

тические деятели. Редакция «Воскресного Чтения» сочла необходимым опубликовать в одном из номеров статью из польского журнала «Głos Ziemiowida», которая призывала устыдиться этого события: «Польской печатью овладела безумная радость... Стихийная радость родилась как эхо последнего взрыва на Саксонской площади в Варшаве: того взрыва, силой которого был уничтожен последний кирпич православного храма... Нашему народу в течение нескольких поколений иезуитским методом прививалась крайняя ненависть ко всему, что имело свое начало в России... Пал во прах православный храм в Варшаве, но ошибаются те, кто думает, что под его развалинами погибла славянская идея Веры... разве нет уже в Польше никого, кто мог бы позволить себе покраснеть от стыда? Мы не можем этому поверить» (ВЧ 1926б).

В межвоенной Польше и далеко за ее пределами, прежде всего в близлежащих странах Европы, «Воскресное Чтение» было весьма популярно. Так, Русский заграничный исторический архив в Праге, бывший «заграницей единственным учреждением, которое в интересах истории собирает всю русскую зарубежную периодику», обращался в редакцию журнала с выражением благодарности за присылку его экземпляров и с просьбой «не отказать в распоряжении продолжать высылку – в двух экземплярах – редактируемого Вами издания и в 1928 г.» (ВЧ 1928).

До конца 1938 г. журнал «Воскресное Чтение» был официальным органом первоиерарха Православной Церкви Польши и Варшавской митрополии, но в условиях усиления гонений на Православие со стороны польских властей был вынужден перейти на права частного издания, которое по-прежнему печаталось в той же Варшавской Синодальной типографии: «Журнал “Воскресное Чтение” и газета “Слово” перестали от 1 ноября с.г. быть официальными органами Митрополии и перешли на положение частных изданий. В дальнейшем, при новых условиях, нашему Издательству трудно сохранить оба органа, и потому в 1939 году будет выходить только журнал “Воскресное Чтение”... Издательство приложит все усилия к тому, чтобы восполнить получающийся пробел. С этой целью расширяется программа “Воскресного Чтения”: сюда войдет публицистический материал и будут введены новые отделы; полнее будет представлена информация о церковной жизни в Польше и Заграницей» (ВЧ 1938). По мнению одного из современных польских исследователей, «пресса, издаваемая на русском языке, безусловно, играла важную роль в сохранении российского влияния в Православной Церкви Польши. Однако она, как и сама Церковь, полностью зависела от властей в Польше, поэтому в

условиях приближения начала войны из-за все более полонизаторской политики Польши количество православных изданий резко сократилось... можно в некоторой степени понять позицию последующих польских правительств, которые, помня о русификаторской роли Церкви во время разделов, стремились искоренить ее российское влияние любой ценой, часто при этом переоценивая их значение» (Sulawka 2018: 317).

В 1939 г. журнал выходит уже с другим подзаголовком – «Еженедельный церковно-общественный иллюстрированный журнал». Редакция журнала обращается к «друзьям-читателям» «в 16-й год» своего существования: «В течение пройденных лет не раз частично изменялась программа журнала. Но направление оставалось одно: оно было религиозным и церковным. Религия, Вера, Христианство, Церковь и – рассматриваемая под этими углами зрения – общественная жизнь: вот предметы журнала и в его прошлом, и в его будущем... Быть полезной и нужной частицей одного общего дела, быть его нервом – таково призвание церковного журнала... он для всех, кто не холоден к вопросам веры и к жизни Церкви» (ВЧ 1939а). Начиная с № 6 название «Воскресное Чтение» дублируется также латиницей – «Woskresnoje Cztienije». Tygodnik».

Последний номер варшавского «Воскресного Чтения» вышел в свет 27 августа 1939 г., менее чем за три недели до начала Второй мировой войны. Это был 35-й номер «XVI года» его существования, на последних страницах которого сообщение о найденном тайнике в разрушенной Десятинной церкви в Киеве, а также помещен краткий каталог учебных изданий на русском, украинском, белорусском и польском языках, напечатанных Варшавской Синодальной типографией, со значительным превалированием книг на русском языке, в том числе написанных в имперскую эпоху истории Российской Православной Церкви. Открывается этот номер статьей с говорящим названием «Борьба за мир»: «Каждая война обозначает крах усилий по мирному решению спора. Она как бы говорит о том, что нет возможности найти выход путем переговоров. А между тем у массы людей по-прежнему остается убеждение, что этот выход может быть найден, если бы стороны искренне желали... В последний раз раздаются призывы к миру – ради Бога и ради собственного блага. Будут ли эти при-

зывы услышаны?» (ВЧ 1939б). Как показали последующие события, этот призыв к миру так и не был услышан.

В период Второй мировой войны и в послевоенные годы номера «Воскресного Чтения» продолжали оставаться востребованными и православными церковнослужителями, и светскими верующими. К сожалению, во время гонений на Православие в послевоенном СССР журнал массово конфисковывался как в церковных, так и в частных библиотеках, прежде всего у священнослужителей и иных лиц, активно связанных с приходской дея-

Обложка последнего номера журнала «Воскресное Чтение» (1939. № 35)

тельностью. Тем не менее отдельные номера сохранились с довоенных времен во многих православных семьях в целом ряде современных стран: Беларуси, Украине, Литве, Польше, России и других.

Примечания

¹ Первый номер журнала вышел в свет 20 (7) января 1924 г., а последний – 27 августа 1939 г. (№ 35 за 1939 г.).

² Помазанский Михаил Иванович (1888–1988), протопресвитер Русской Православной Церкви Заграницей, богослов, автор статей, трактатов, книг. По мнению ряда исследователей, является одним из величайших богословов XX в. (см.: <https://lib.pravmir.ru/library/author/438>). Главная его работа – учебник для семинарий «Православное догматическое богословие» (Jordanville (N.Y.): Holy Trinity monastery, 1963), который пере-

издавался в России (Помазанский 2001; 2015).

³ «Святцами» открывался номер только в первые два года издания, 1924–1925 гг. В дальнейшем этого раздела уже не было, что было связано, скорее всего, с проведенной церковно-календарной реформой, в результате которой состоялся переход с юлианского на григорианский календарь. К тому же редакция «Воскресного Чтения» ежегодно отдельно издавала православные церковные календари.

⁴ Примечательно, что во времена Народной Польши это молебное пение всячески укрывалось православными священниками от посторонних глаз, так как указание в нем на преследование верующих “в советских республиках” могло послужить основанием для репрессий со стороны властей.

⁵ В № 17 за 1926 г. на с. 273 появилась заметка, в которой автор, пишущий под псевдонимом Vox в «Воскресном Чтении», сообщает, что он не имеет ничего общего с пишущим под таким же псевдонимом в парижской газете «Русское время». В номерах за 1929, 1930 гг. после статей анонима Vox стали публиковаться статьи с подписью neVox.

⁶ Савостьянов А., автор, сведения о котором нам, к сожалению, пока найти не удалось. Мы можем предположить, что это был выходец из священнической среды, большой знаток и любитель религиозной поэзии, сообщивший о себе в одной из своих статей, что он посвятил «себя также работе в области религиозной поэзии». Савостьянов опубликовал на страницах «Воскресного Чтения» ряд своих стихотворений и статей на эту тему (Савостьянов 1929; 1930). Первыми публикациями А. Савостьянова в журнале были его стихотворение «Христос» (ВЧ. 1926. № 10. С. 139) и статья «Религиозное направление современной русской молодежи» (ВЧ. 1926. № 13. С. 164–165).

⁷ Павлюковский Анастасий, соборный протоиерей Луцкой Братской Кресто-Воздвиженской церкви (см.: ВЧ. 1927. № 4, 28. С. 326; *Sosna Grzegorz, Troc-Sosna Antonina* 2012: 660).

⁸ Дмитриук Федор Игнатьевич (1895–1977) (см.: *Sosna Grzegorz, Troc-Sosna Antonina* 2012: 205). Архиепископ Флавиан (в миру Фёдор Игнатьевич Дмитриук), епископ Русской Православной Церкви, архиепископ Горьковский и Арзамасский. В 1918 г. репатриировался в Польшу, ставшую независимым государством. В 1938 г. по требованию гражданских властей Польши, как придерживавшийся русской ориентации, был лишен польского гражданства, что влекло за собой выселение за пределы Польши. В период немецкой оккупации отец Фёдор поддерживал связь с белорусскими партизанами. (<https://nne.ru/sainters/arhiepiskop-flavian-dmitriyuk/> – дата обращения 11.05.2026).

⁹ Сворцов Василий Михайлович (1859–1932) – русский публицист, издатель, православный миссионер, сотрудник «Воскресного Чтения». В честь его 65-летнего юбилея и «45-летия писательской и миссионерской деятельности» в журнале опубликован большой биографический очерк, посвященный юбиляру – «Василий Михайлович Сворцов. К 65-летию его жизни и 45-летию писательской и миссионерской деятельности (из мемуаров юбиляра)» // ВЧ. 1926. № 21. С. 328–329; № 24. С. 376–377; № 25. С. 393–394; № 26. С. 408–409.

¹⁰ Сагайдаковский Ананий Николаевич (1888–1971) – протопресвитер, автор многочисленных публикаций на страницах «Воскресного Чтения»: полемических статей, рассказов, житий, стихотворений, проповедей (см.: *Sosna Grzegorz, Troc-Sosna Antonina* 2012).

¹¹ Евгений Лебедев – автор, о котором нам пока не удалось отыскать каких-либо точных сведений. Единственное, можно с уверенностью предположить, что он скорее всего выходец из священнической среды.

¹² Архимандрит Феофан (Протасевич) (1896–1944, в миру Протасевич Федор) (см.: *Sosna* 2012: 701). Имел высшее богословское образование, организатор православного митрополитального интерната и Богословского лицея в Варшаве, которыми руководил в течение нескольких лет, в 1939 г. был уволен с этих должностей. Расстрелян в первые дни Варшавского восстания в августе 1944 г. (Свитич 1959: 182, 192).

Архимандрит Феофан был членом Комитета Эмеритальной Кассы, автором ряда статей на церковно-исторические темы (Архимандрит Феофан 1934).

¹³ Калинович Павел, протоиерей (?–1957), из священнической семьи. Окончил Волинскую Духовную семинарию и православное отделение богословского факультета Варшавского университета, священник (1928), служил на приходах в Волинской и Полесской епархиях Польской Автокефальной Церкви, епархиальный миссионер (см.: *Sosna* 2012: 360).

¹⁴ Граббе Юрий Павлович, граф (1902–1995), будущий епископ Григорий – епископ Русской Православной Церкви Заграницей, автор работ церковно-канонического, исторического и мемуарного характера, правнук знаменитого русского богослова А. С. Хомякова, которому он посвятил большой юбилейный очерк «Алексей Степанович Хомяков» (ВЧ. 1929. № 5–8, 10). В журнале публиковались и статьи его отца, графа Граббе Павла Михайловича, члена Поместного собора Российской Православной Церкви в 1917–1918 гг., автора брошюры «Свобода с православной точки зрения», также напечатанной на страницах «Воскресного Чтения» (Граббе 1930а; 1931б).

¹⁵ Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943), русский писатель, беллетрист, один из родоначальников шпионского детектива, сценарист и режиссер, сочинения которого печатаются и в настоящее время.

¹⁶ Пантелеймон Васильевич Юрьев (1904–1983), псевдоним – Семён Витязевский – журналист, историк, беллетрист, поэт, деятель русского меньшинства в межвоенной Польше.

¹⁷ Калинин Павел Григорьевич (1889–1967), псевдоним – Пётр Прозоров, поэт, прозаик, участник варшавского Литературного содружества.

¹⁸ Муромский Юрий – под этим именем печатались рассказы писателя. Узнать какие-либо сведения об этом авторе нам пока не удалось. Мы даже не можем с уверенностью утверждать, что это его настоящая фамилия, а не псевдоним.

¹⁹ Кулаковский Сергей Юлианович (1892–1949), писатель, литературовед, которого некоторые современные исследователи называют «польским русским» (Розинская 2013: 109).

²⁰ Всего же за 1924–1938 гг., по нашим подсчетам, в «Воскресном Чтении» было напечатано около 200 различных прозаических и стихотворных произведений православной полесской писательницы (Щавинская 2025б: 96).

²¹ Лисовский Георгий Ипполитович (1879–1944), псевдоним – Вадимов Евгений, поэт, прозаик, критик, переводчик.

²² Никифоров-Волгин Василий Акимович (1901–1941) – один из известных писателей русского зарубежья 1920–1930 гг., основная тема произведений которого – духовность, православие как первооснова жизни.

Источники и материалы

AAN 1260 – Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (далее – MWR i OP). № 1260. S. 3.

AAN 1261 – Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWR i OP. № 1261. S. 2.

Sosna 2012 – Grzegorz Sosna, Antonina Troc-Sosna. Hierarchia i kler kościoła prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX–XXI wieku. Ryboly: Orthdruk, 2012.

Архимандрит Феофан 1934 – Архимандрит Феофан. Святитель Феофан, Затворник Вышенский, как образ Православного Пастыря // ВЧ. 1934. № 21, 22, 23–24, 25–26, 27.

Брешко-Брешковский 1925 – Брешко-Брешковский Н. Н. Раса и кровь: Роман. Варшава: Варшавская типография, 1925.

ВЧ 1924а – От Редакции // Воскресное Чтение (далее – ВЧ). 1924. № 1. С. 2.

ВЧ 1924б – ВЧ. 1924. № 45. С. 758.

ВЧ 1925 – ВЧ. 1925. № 1. С. 1–2.

ВЧ 1926а – Новый Год // ВЧ. 1926. № 1. С. 2.

ВЧ 1926б – Устыдимся // ВЧ. 1926. № 28. С. 436–437.

ВЧ 1928 – Русский Заграничный Исторический Архив в Праге // ВЧ. 1928. № 8. С. 135.

ВЧ 1933а – С Новым годом! Дорогие читатели! 1 января 1933 года // ВЧ. 1933. № 1. С. 1.

ВЧ 1934 – Наш путь // ВЧ. 1934. № 1. С. 1.

ВЧ 1938 – Подписчикам и Читателям от Издательства // ВЧ. 1938. № 49–50. С. 483.

ВЧ 1939а – Дружбам-Читателям // ВЧ. 1939. № 1. С. 1.

ВЧ 1939б – Борьба за мир // ВЧ. 1939. № 35. С. 513–514.

Глубоковский 1928 – Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава: Издание Редакции «Воскресного чтения», 1928.

Гр. 1925 – Гр. Погибшая Православная Святыня города Варшавы // ВЧ. 1925. № 15. С. 236–237.

Гр. 1930а – Гр. П. М., граф. Свобода с православной точки зрения. Варшава: [б. и.], 1930.

Гр. 1931б – Гр. П. М., граф. Свобода с православной точки зрения // ВЧ. 1931. № 4, 6, 8, 13, 14, 18, 19.

Гр. 1931 – Гр. Ю. П., граф. Культура, прогресс и церковь // ВЧ. 1931. № 30, 32, 34, 35.

Заикин 1930а – Заикин В. Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII веках // ВЧ. 1930. № 22, 23, 26, 27, 33, 35, 36, 38, 44.

Заикин 1930б – Заикин В. Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII вв. Варшава: Синодальная Типография, 1930.

Зноско 1932 – Зноско К., протоиерей. Латинизация Православного Богослужения в Униатской Церкви // ВЧ. 1932. № 29–37.

Зноско 1933а – Зноско К., протоиерей. Исторический очерк Церковной Унии. Ее происхождение и характер // ВЧ. 1933. № 1–45.

- Зноско 1933б – Зноско К., протоиерей. Исторический очерк церковной унии. Ее происхождение и характер. Ч. 1. Флорентинская уния. Ч. 2. Литовская церковная уния. Варшава: [б. и.], 1933.
- Зызыкин 1934 – Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава: Синодальная типография, 1934.
- Митрополит Дионисий 1928 – Митрополит Дионисий. Новейшие раскопки и открытия в Римских катакомбах // ВЧ. 1928. № 50. С. 759–761.
- Митрополит Дионисий 1935 – Митрополит Дионисий. Христианство и Искусство // ВЧ. 1935. № 1–6.
- Помазанский 2001 – Помазанский М. И. Догматическое богословие. Клин: Христианская жизнь, 2001.
- Помазанский 2015 – Помазанский М. И. Догматическое богословие. Клин: Христианская жизнь, 2015.
- Р.В.Ч. 1931 – Р.В.Ч. Отзыв западноевропейского научного журнала о труде, напечатанном в «Воскресном Чтении» // ВЧ. 1931. № 24. С. 311.
- Речь М. В. Зызыкина 1929 – Речь М. В. Зызыкина перед диспутом в Париже 29 февраля 1929 года на защите диссертации «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» // ВЧ. 1929. № 16, 17, 19.
- С.И.Т. 1926 – С.И.Т. Типы Полесья // ВЧ. 1926. № 32–33.
- С.И.Т. 1929 – С.И.Т. В дебрях Полесья // ВЧ. 1929. № 8–16, 22.
- Савостьянов 1929 – Савостьянов А. Рождество Христово в изображении русской поэзии // ВЧ. 1929. № 51. С. 800–806.
- Савостьянов 1930 – Савостьянов А. Воспитательное значение русской религиозной поэзии // ВЧ. 1930. № 26. С. 405–408.
- Свитич 1959 – Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1959.
- Теодорович 1924 – Теодорович Т., прот. Из современной религиозно-философской литературы // ВЧ. 1924. № 6, 7, 9–11, 21, 26–29, 38–40.

Научная литература

- Лабынцев Ю. А. Всеум православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М.: ИСл РАН, 1995а.
- Лабынцев Ю. А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение. 1995б. № 4. С. 51–62.
- Лабынцев Ю. А. Русская Варшава протопресвитера Терентия Теодоровича (1867–1939) // Традиции и современность. 2022. № 29. С. 13–28. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-29/13-28>
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Православная литература Польши. М.: ИСл РАН, 1998.
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М.: ИСл РАН, 1999.
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск: НББ, 2001.
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Митрофорный протоиерей Григорий Сосна и матушка Антонина Троц-Сосна – исследователи истории православия на восточно-польском пограничье // Традиции и современность. 2006. № 5. С. 107–124.
- Розинская О. В. Литературные критики эмигрантской Варшавы. Русско-польские литературные связи в 1920–1930-е гг. // Stephanos. 2013. № 1. С. 108–116.
- Щавинская Л. Л. Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение. 1998. № 1. С. 76–88.
- Щавинская Л. Л. Книжный репертуар крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской синодальной типографии // Slavia Orientalis. 1999. № 1. С. 29–47.
- Щавинская Л. Л. Православные имперской России в границах новой межвоенной Европы: Судьба одной полесской матушки // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Иваново, 26–27 марта 2025 г. / отв. ред. А. А. Корников. Иваново: Ивановский государственный университет, 2025а. С. 168–173.
- Щавинская Л. Л. Матушка София Прорвич (1860–1938): творческая судьба полесской православной писательницы // Традиции и современность. 2025б. № 41. С. 86–100. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-41/86-100>
- Щавинская Л. Л. Журнал «Воскресное Чтение» (1924–1939) – крупнейший летописец православной жизни восточных славян в межвоенный период // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI ве-

ков: материалы XXV Международной научной конференции. Иваново, 25–26 марта 2026 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2026. С. 211–216.

Bobowski K. Szkice z dziejów prasy Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1918–1939 // *Chrześcijanin a Współczesność*. 1985. № 2. S. 24–28.

Nikulin I., ks. Nabożeństwo prawosławne na łamach czasopisma «Woskriesnoje cztenije» (1924–1939): przegląd wstępny // *Latopisy Akademii Supraskiej*. 13. Hymnografia i śpiew cerkiewny w Rzeczypospolitej. Białystok, 2022. С. 215–223.

Suławka A. Rosyjska i rosyjskojęzyczna prasa religijna w II Rzeczypospolitej // *Kultura-Media-Teologia*. 2012. № 10. S. 59–88.

Suławka A. Prasa rosyjska i rosyjskojęzyczna w II Rzeczypospolitej (1918–1939) [Rozprawa doktorska]. Warszawa, 2018.

References

Bobowski, K. 1985. Szkice z dziejów prasy Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1918–1939 [Sketches from the History of the Orthodox Church Press in Poland, 1918–1939]. *Chrześcijanin a Współczesność* 2: 24–28.

Nikulin, I., ks. 2022. Nabożeństwo prawosławne na łamach czasopisma «Woskriesnoje cztenije» (1924–1939): przegląd wstępny [Orthodox Service in the Magazine «Voskresnoje cztenije» (1924–1939): An Introductory Review]. In *Latopisy Akademii Supraskiej*. 13. Hymnografia i śpiew cerkiewny w Rzeczypospolitej [Chronicles of the Supraśl Academy. 13. Hymnography and Orthodox Chant in the Polish-Lithuanian Commonwealth], 215–223. Białystok: Fundacja «Oikonomos».

Sosna, Grzegorz and Antonina Troc-Sosna. 2012. *Hierarchia i kler kościoła prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX–XXI wieku* [The Hierarchy and Clergy of the Orthodox Church in the Second Polish Republic and Postwar Poland in the 19th–21st Centuries]. Ryboly: Orthdruk.

Suławka, A. 2012. Rosyjska i rosyjskojęzyczna prasa religijna w II Rzeczypospolitej [Russian and Russian-Language Religious Press in the Second Polish Republic]. *Kultura-Media-Teologia* 10: 59–88.

Suławka, A. 2018. *Prasa rosyjska i rosyjskojęzyczna w II Rzeczypospolitej (1918–1939)* [Russian and Russian-Language Press in the Second Polish Republic (1918–1939)]. Warszawa. [Rozprawa doktorska].

Labyntsev, Ju. A. 1995. *Vsemu pravoslavnomu miru: Pravoslavnaia literatura mezhvojennoi Pol'shi* [To the Entire Orthodox World: Orthodox Literature of Interwar Poland]. Moscow: ISI RAN.

Labyntsev, Ju. A. 1995. Protopresbyter Terentii Teodorovich kak tserkovnyi pisatel' [Protopresbyter Terentiy Teodorovich as a Church Writer]. *Slavianovedeniye* 4: 51–62.

Labyntsev, Ju. A. 2022. Russkaia Varshava protopresbitera Terentia Teodorovicha (1867–1939) [The Russian Warsaw of Protopresbyter Terentiy Teodorovich (1867–1939)]. *Traditsii i sovremennost'* 29: 13–28. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-29/13-28>

Labyntsev, Ju. A. and L. L. Shchavinskaja. 1998. *Pravoslavnaia literatura Pol'shi* [Orthodox Literature of Poland]. Moscow: ISI RAN.

Labyntsev, Ju. A. and L. L. Shchavinskaja. 1999. *Belorusko-ukrainsko-russkaja pravoslavnaia knizhnost' mezhvojennoi Pol'shi. Issledovaniia i publikatsii po materialam ekspeditsii 1996 g.* [Belarusian-Ukrainian-Russian Orthodox Literature in Interwar Poland. Research and Publications Based on the Materials of the 1996 Expedition]. Moscow: ISI RAN.

Labyntsev, Ju. A. and L. L. Shchavinskaja. 2001. *Pravoslavnaia literatura Pol'shi (1918–1939 gg.)* [Orthodox Literature of Poland (1918–1939)]. Minsk: NBB.

Labyntsev, Ju. A. and L. L. Shchavinskaja. 2006. Mitrofornyi protoijerei Grigorii Sosna i matushka Antonina Trotz-Sosna – issledovateli istorii pravoslaviia na vostochno-pol'skom pogranich'e [Mitred Archpriest Grigory Sosna and Matushka Antonina Trotz-Sosna – Researchers of the History of Orthodoxy in the Eastern Polish Borderlands]. *Traditsii i sovremennost'* 5: 107–124.

Rozinskaja, O. V. 2013. Literaturnyje kritiki emigrantskoi Varshavy. Russko-pol'skije literaturnyje sviazi v 1920–1930-je gg. [Literary Critics of Warsaw in Exile. Russian-Polish Literary Ties in the 1920s–1930s]. *Stephanos* 1: 108–116.

Shchavinskaja, L. L. 1998. Knigi i broshiury krupneishego pravoslavnogo izdatel'skogo tsentra mezhvojennoi Pol'shi – Varshavskoi Sinodal'noi tipografii [Books and brochures from the largest Orthodox publishing center of interwar Poland – the Warsaw Synodal Printing House]. *Slavianovedeniye* 1: 76–88.

Shchavinskaja, L. L. 1999. Knizhnyi repertuar krupneishego pravoslavnogo izdatel'skogo tsentra mezhvojennoi Pol'shi – Varshavskoi sinodal'noi tipografii [Book repertoire of the largest Orthodox publishing center of interwar Poland – the Warsaw Synodal Printing House]. *Slavia Orientalis* 1: 29–47.

Shchavinskaja, L.L. 2025. Pravoslavnyje imperskoj Rossii v granitsakh novoi mezhvojennoi Evropy: Sud'ba odnoi polesskoj matushki [Orthodox Christians of Imperial Russia within the Borders of the New Interwar Europe: The Fate of One Polesia Mother]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XXIV Mezhdunar. nauch. konf. posviashchennoi 80-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, Ivanovo, 26–27 marta 2025 g.* [State, Society, and Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 24th International Academic Conference dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Ivanovo, March 26–27, 2025], edited by A.A. Kornikov, 168–173. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet.

Shchavinskaja, L. L. 2025. Matushka Sofija Prorovich (1860–1938): tvorcheskaia sud'ba polesskoj pravoslavnoi pisatel'nitsy [Mother Sophia Prorovich (1860–1938): The Creative Life of a Polesia Orthodox Writer]. *Traditsii i sovremennost'* 41: 86–100. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-41/86-100>

Shchavinskaja, L. L. 2026. Zhurnal «Voskresnoje Chtenije» (1924–1939) – krupneishii letopisets pravoslavnoi zhizni vostochnykh slavjan v mezhvojennyi period [The journal «Voskresnoe Chtenie» (1924–1939) – a leading chronicler of the Orthodox life of the Eastern Slavs in the interwar period]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ivanovo, 25–26 marta 2026 g.* [State, Society, and Church in Russian History in the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 25th International Scientific Conference. Ivanovo, March 25–26, 2026.], edited by A.A. Kornikov, 211–216. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet.

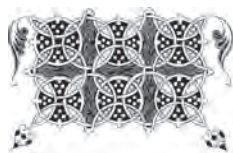
THE POLISH ORTHODOX JOURNAL «VOSKRESNOE CHTENIE» IS A VALUABLE ARCHIVE
OF THE HISTORY OF EAST SLAVIC CHURCH LIFE IN THE 1920s AND 1930s

Abstract. In the history of the world's Orthodox church press in the first half of the 20th century, the Russian-language weekly journal «Voskresnoe Chtenie», published in Warsaw from 1924 to 1939, played a truly exceptional role. The pages of its approximately 800 issues depict events that took place not only in interwar Poland, but also throughout the Orthodox world, as well as events that occurred earlier, mainly related to the fate of the Russian Orthodox Church, including such important events as the Moscow Council of 1917–1918. The journal was widely distributed not only in the Orthodox community in Poland, but also among the Russian diaspora in other countries. The most important distinguishing feature of the extensive publishing program of «Voskresnoe Chtenie» was its «church-people» focus, which was aimed at the broadest circles of Poland's nearly five million Orthodox population, including Belarusians, Ukrainians, and Russians.

Keywords: Orthodoxy, «Voskresnoe Chtenie» journal, interwar Poland, history of Orthodox life in the Eastern Slavs.

Authors Info: Shchavinskaja, Larisa L. – PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: L.shchavinskaya@inslav.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9385-3509>

For citation: Shchavinskaja, L. L. 2026. The Polish Orthodox journal «Voskresnoe Chtenie» is a valuable archive of the history of East Slavic church life in the 1920s and 1930s. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost')* 45: 53–66

© 2026 О. Н. Агамирова
Москва, Россия

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В МОЗАИКАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Статья посвящена анализу преемственности византийских художественных форм в советской мозаике. Междисциплинарный подход, объединяющий технические и гуманитарные дисциплины, позволяет выявить механизмы сохранения изначальных смыслов и точности творческих форм на протяжении веков, а также понять, как они могут возрождаться после периода забвения. В рамках исследования проводится сравнительный анализ исторических технологий производства римских и венецианских мозаик в Российской империи и СССР.

Ключевые слова: византийские художественные формы, мозаики московского метрополитена, советский период, смальта, исторические соответствия технологий, требования к материалам и техникам живописцев и зодчих ушедших веков.

Ссылка при цитировании: Агамирова О. Н. Византийские традиции в мозаиках советского периода // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 67–80

Агамирова Ольга Николаевна (Agamirova Olga Nikolaevna) – старший преподаватель кафедры живописи и композиции Московского государственного академического художественного института (МГАХИ) им. В. И. Сурикова, эл. почта: olga_teplova@inbox.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 67–80
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 82.941; 980; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/67-80>

Техники и материалы служат инструментами для создания разнообразных произведений искусства. Древние технические разработки являются носителями информации для современных исследователей, поскольку их расшифровка и повторение в современных условиях позволяют обогатить наше знание о быте и культуре народов прошлых эпох и цивилизаций. Процесс изучения технологий прошлого заставляет задуматься, какое количество творческих форм было утеряно или не принято поколениями художников. Воссоздание таких технологий позволяет понять образ мысли, требования к материалам и техникам живописцев и зодчих ушедших веков.

Работа над сохранением древних технологий дает ответы на вопросы: как технические решения, возникнув, исчезают на какое-то время из культурного обихода и каким образом возрождаются к новой жизни.

Принято полагать, что возрождение православного церковного искусства в России началось с празднования тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. и последующего изменения политического строя в государстве.

Воссозданные и вновь выстроенные храмы нуждались в соответствующем традиционном убранстве, следовательно, нужно было воспитать художников, которые наполнят молитвенные пространства иконами и литургическими предметами, монументальной живописью и мозаикой.

В 1990-е годы начинает работать Православный Свято-Тихоновский государственный университет (ПСТГУ), активизируются факультеты известных художественных вузов и училищ, открываются иконописные и мозаичные мастерские. Такое стремительное и масштабное возрождение произошло благодаря художникам, технологам, реставраторам и всем тем, кто сохранял и преумножал знания о христианском искусстве в условиях атеистического государства, которое на различных этапах своего развития не могло обойтись без тысячелетнего христианского наследия и традиций.

Мозаика – уникальное художественное средство, которое, помимо материальных свойств, обладает внутренним духовным содержанием. Возникнув в глубокой древности, пройдя через времена античности, обретя духовно-нравственные смыслы в эпоху Византии, мозаика из творческой формы превратилась в самостоятельное высокое искусство. Древние творческие приемы становятся до конца понятными, если их изучение и освоение выйдет за рамки одной дисциплины, по этой причине искусство необходимо исследовать в разных аспектах и разными методами.

Век назад в СССР крупнейшие ученые объединились в этом устремлении. Страницы газет и иных изданий доносят до нас то, чем жила страна и наука.

«Искусство, побеждающее время» – так назвал свою статью в газете «Вечерняя Москва» от 8 декабря 1933 г. крупнейший мастер мозаики Владимир Александрович Фролов (*Фролов 1933*)¹. В этой публикации художник призывает общество активно использовать в монументально-декоративном искусстве СССР византийскую творческую форму, которая веками служила передаче внутренней сути и внешней красоты христианской веры.

«Во времена античности, в Римской империи и Византии, когда мозаика являлась самостоятельным искусством и сама указывала пути осуществления гармонии цвета, она достигла блестящих результатов, находя себе широкое применение при постройке монументальных сооружений»; «Только учтя весь опыт работ прошлого и достижения в этой области за пределами нашего Союза, мы сможем принять на себя осуществление серьезнейших требований, поставленных перед мозаичистами строительством Дворца советов в Москве, и сохранить грядущим поколениям в мозаике лучшие произведения советских художников, которые вложат свой творческий вклад в это строительство» (*Фролов 1933*).

В 1934 г. в предисловии к изданию книги Г. Шмида «Техника античной фрески и энкастики» профессор Н. М. Чернышев писал: «Не нужно забывать, что изучение искусства может быть диалектически плодотворным лишь в полном его объеме. Иначе это изучение будет или легковесным, или ошибочным и не сумеет извлечь из культурного наследия прошлого тех ценностей, которые могли бы быть использованы для подъема советского искусства на более высокую ступень, для мощного, полнокровного расцвета социалистического реализма» (*Чернышев 1934*: VI).

И далее: «... нужно указать на главное значение труда Шмида, проливающего свет на самый больной вопрос монументалиста, а именно – вопрос о наружных росписях. Описывая историческую беседу В. И. Ленина о монументальной пропаганде, т. Луначарский приводит такие слова Владимира Ильича: “Вы помните, что Кампанелла в своем “Солнечном государстве” говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство, – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же”. С какою мудрою осто-

рожностью высказывается далее Владимир Ильич в цитируемой беседе: «Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтает Кампанелла, вот почему я говорю главным образом о скульпторах и поэтах». И действительно, при переходе к наружным росписям специалисты не перестают изыскивать новые способы живописи, устойчивые в условиях атмосферного воздействия, в ряду которых за последнее пятидесятилетие выдвинут способ кеймовской минеральной живописи. Теперь, в случае освоения способа энкаустики, техника советской монументальной живописи обогатится еще одним прочнейшим и высококачественным способом для наружных росписей. Она не боится ни солнца, ни соленой воды, ни ветров, – говорит Плиний об энкаустике, и это его утверждение не может быть опровергнуто современной наукой» (Чернышев 1934: VII–VIII).

Предложение украсить стены главного административного здания СССР мозаикой не вызвало удивления и осуждения со стороны власти и общественности, поскольку идея внедрить древние технологии в современное искусство была озвучена еще В. И. Лениным в беседе с К. Цеткин осенью 1920 г.: «Мы чересчур большие “ниспровергатели” в живописи. Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно “старое”. Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что “это старо”? Бессмыслица, сплошная бессмыслица!.. Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих “измов” высшими проявлениями художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости». Это высказывание Владимира Ильича Ленина приводит Клара Цеткин в своих воспоминаниях (Ленин 1938).

Основатель нового, на тот момент ультрасовременного государства выражает полное недоверие беспочвенной пролетарской культуре, одновременно утверждая невозможность возникновения нового социалистического искусства без преемственности мировой и русской культуры.

Подобные высказывания Владимира Ильича служили весомыми аргументами в работе не столько для чиновников, сколько для художников, архитекторов, драматургов и всех тех, от кого зависел художественный уровень культурного пространства СССР.

В 1922 г. публичная библиотека в Петрограде получила из Москвы через Коминтерн сто ящиков иностранных книг «по технологии, социологии и искусству» (Известия 1922).

В феврале 1924 г. намечались торжества по случаю 200-летия Российской академии наук, но они

были перенесены на 1925 г. из-за обрушившегося на Ленинград наводнения. К этой дате в вестибюле парадной лестницы Главного здания Академии наук под руководством Владимира Александровича Фролова устанавливают отреставрированную мозаику «Полтавская битва», выполненную Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Изначально монументальное полотно должно было стать частью художественного оформления гробницы Петра I в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга (Вечерняя Москва 1925).

С момента своего создания мозаичный памятник Петру Великому остался незамеченным широкой публикой, поскольку после ухода из жизни великого ученого для монументального полотна так и не нашлось достойного места. Забвение коснулось и уникальной рецептуры смальт, разработанной Михаилом Васильевичем.

В 1928 г. ученые Института археологической технологии при Академии материальной культуры после проведения более трех тысяч экспериментов вновь открыли процесс создания знаменитой мозаики Михаила Васильевича Ломоносова (Сидоров 1930: 679). В том же году в Москве вышла книга В. Селезнева «Смальты и их выделка», она была опубликована Научно-техническим управлением ВСНХ в серии «Труды Государственного исследовательского керамического института» (Селезнев 1928).

Так же подробно технология производства смальтовых стекол на Усть-Рудицкой фабрике М. В. Ломоносова описана группой ученых в одноименной статье, размещенной в Вестнике Московского университета (Дроздов и др. 2019).

Официально первые русские материалы для создания мозаик появились в лаборатории Михаила Васильевича Ломоносова в 1750 г. На открытие отечественных смальт выдающегося исследователя вдохновили древние византийские традиции, нашедшие отражение в мозаиках Святой Софии в Киеве и работах итальянских мастеров.

Мозаики Византии сохранились до наших дней во многом благодаря древним технологиям и свойствам материалов, из которых они изготовлены. История мира знает немало примеров, когда именно мозаичное украшение стен придавало последним особую прочность, и один из известных примеров – это сохранение Богородичной иконы «Нерушимая стена» в Софийском соборе Киева, которая на протяжении многих веков оставалась неповрежденной несмотря на то, что и собор, и город неоднократно подвергались разрушению. Итальянский музей под открытым небом – город Помпеи, разрушенный в результате извержения вулкана Везувий, также демонстрирует нам великолепную сохранность мозаик.

Фрагменты цветных стекол мастера прошлого умело использовали в создании оптических и цветовых эффектов, особые техники установки мозаики формировали пространство и образы в византийских храмах.

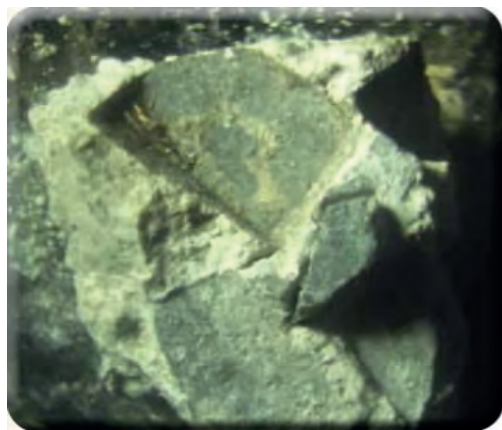
«Первенствующий в Византии в Константинополе соборный храм Святой Софии Премудрости Божьей стал и для государства Руси первенствующим на ее начальном историческом этапе. В софийных храмах прославлялся Христос как Творец мира, Его творческая сила, Его особая миссия в Святой Троице. Особенно глубоко и долго чтит эту идею Великий Новгород, сделав ее основной для себя, обозначая свою обширную землю Домом Святой Софии. Как считает крупнейший российский специалист по “русскому стилю” в архитектуре Е. И. Кириченко, софийная идейность сформировала третьеримскую идеологию в России, подготовила ее и дала ей жизнь» (Кириченко 2024: 10–11).

Во все времена был и есть некий творческий камертон не только для мозаичистов, но для всех

и кладки, визуально расширяют, в первую очередь, внутренние пространства храмов, а также домов и дворцов. Игра света на поверхностях мозаики преобразует молящихся и наполняет их духовной силой и радостью.

Впервые на Руси мозаика была выполнена в соборе Святой Софии в центре Киева. Этот храм, согласно летописи, был построен в первой половине XI в. князем Ярославом Мудрым в честь победы над печенегами в 1036 г. Важно обратить внимание на то, что в Софии Киевской мозаика свободно сочетается с фреской. На некоторых участках работа мозаичистов была прервана на этапе живописного настенного эскиза. По версии профессора кафедры технико-технологических исследований, технолога-реставратора высшей квалификации Юрия Михайловича Кукса, причина тому не техническая, а политическая. Таково было желание князя Ярослава Владимировича – скорее закончить отделку собора (Кукс, Лукьянова 2014: 131).

Мозаичные убранства Успенского собора Кие-

Фрагменты мозаичного набора из Софии Киевской X–XI вв. из коллекции В. В. Филатова. Источник: Кукс, Лукьянова 2014: 130. На левом снимке в нижнем углу видна колеровка поверхности грунта голубой краской, а на правом снимке – желтой охрой. Набор фрагмента выполнен модулем из смальты

создателей духовных образов в материале. И таким явлением стал храм Святой Софии Премудрости Божией.

Византийская традиция мозаичной живописи появилась в VI в. н. э. как техника прямого набора. Мастер создавал изображение, вдавливая в известковую штукатурку кусочки смальты, подобранные по цвету и тону в соответствии с колористикой предварительно нанесенного на стену эскиза.

В своих бессмертных работах авторы светоносных византийских мозаик демонстрируют нам образцы целостного восприятия мира. Византийские художники навеки связали мозаику с архитектурой, создавая в большинстве своем панорамные изображения, которые, повторяя изгибы стен

во-Печерской Лавры, Михайловского монастыря, собора Святой Софии в Великом Новгороде говорят нам о том, что мозаика прижилась в русском искусстве.

В результате многолетних археологических работ у стен киевского Софийского собора, а также в местах, где располагались стекольные мастерские Киево-Печерского монастыря и Переяславля, были найдены заготовки смальт и остатки мастерских для первых русских мозаик. Ряд исследователей считает, что местные умельцы уже в X–XI вв. самостоятельно производили цветное стекло для мозаик. Об этом подробно рассказывает Ю. Л. Шапова в книге «Стекло Киевской Руси» (Шапова 1972: 181–190).

«Недостаточно изучен вопрос о производстве на Руси смальты для мозаик. Некоторые исследователи считают, что основную часть мозаичной смальты привозили в готовом виде из Византии, а в Киеве готовили лишь недостающее количество для набора золотого фона, причем тоже из привозного сырья. О привозе смальты (по-древнерусски – мусия) на Русь свидетельствуют и сведения Печерского патерика об убранстве Успенского собора, где говорится, что купцы “вдаша же и мусию, иже бе принесли на продание”. Однако другие исследователи полагают, что большую часть материалов для мозаик изготавливали на Руси. Подтверждением такого предположения служат находки заготовок смальты в обнаруженных раскопками стеклоделательных мастерских Киево-Печерского монастыря и Переяславля. Заготовки смальты были найдены также при раскопках близ киевского Софийского собора» (Раннопорт 1994: 54–55).

Способ укладки римской напольной мозаики
II в. н. э. Израиль, Ципори.
Источник: Кукс, Лукьянова 2014: 129

Римская напольная мозаика конца II в. н. э.
Израиль, Ципори.
Источник: Кукс, Лукьянова 2014: 129

Вопрос о производстве на Руси стекла для мозаик изучен недостаточно. Мозаика, как художественная форма, изначально была наполнена мощным содержанием. Этот вид искусства как метод художественного выражения привлекал людей с разными убеждениями и мировоззрением.

Мозаичное панно на фасаде Борхерсдорфской
кирхи (Kirche Borchersdorf), пос. Зеленополье,
Калининградская обл. Фото автора. 2021 г.

Мозаичное панно станции московского метро
«Новослободская». Фото автора. 2022 г.

«Многие нередко забывают о диалектическом единстве формы и содержания, забывают, что при первенстве содержания форма и содержание переходят одна в другое, что в произведении искусства “технологическая” ошибка (в построении сюжета, в соотношении частей произведения, в развитии интриги, в создании образа, в актерской трактовке, в музыке, монтаже и в тонах фотографии и т. д.) нарушает и всю

идейную сторону произведения», – рассуждает Борис Захарович Шумяцкий в статье «Талант и учёба», опубликованной в «Известиях» (Шумяцкий 1935).

В 1934 г. СССР посетил профессор Гарвардского университета и основатель Византийского института Америки Томас Уиттимор. В том же году, с разрешения правительства Турции, ученый приступил к раскрытию мозаик собора Святой Софии.

Мозаичная скульптура арки главного входа ВДНХ. Москва. Фото автора. 2025 г.

Мозаики в храме святых Апостолов Петра и Павла у Яузских ворот. Москва. Дата создания мозаик – 1946 г. Фото из личного архива автора

В XV в., после завоевания Константинополя османами, согласно исламским религиозным традициям, изображения христианских святых были скрыты под штукатуркой. Только в XIX в. ученым из Швейцарии Гаспару и Джузеппе Фоссати удалось обнаружить и отреставрировать часть мозаик собора Святой Софии.

Томаса Уиттимора интересовала методика сухого раскрытия, проводимая при помощи специальных инструментов, разработанная в реставрационных мастерских Наркомпроса, созданных в 1918 г. по инициативе Игоря Эммануиловича Грабаря. Он считал, что удаление известковой штукатурки при помощи кислот в случае с византийскими мозаиками недопустимо, поскольку древние смальты часто имели низкую химическую стойкость.

Исследования и раскрытие мозаик Софии Константинопольской стали достоянием науки и общечеловеческим достоянием всего мира. В параллель с исследованиями газеты публиковали результаты работ. «Мозаика византийских мастеров, добившихся большого совершенства в этой области, представляет интересный материал не только для исследователя. С ней должны познакомиться художники, работающие в области мозаичной росписи новых зданий. Фотографии раскрытой византийской мозаики, которые

Мозаики в храме святых Апостолов Петра и Павла у Яузских ворот. Фрагмент. Москва. Дата создания мозаик – 1946 г. Фото из личного архива автора

профессор Уиттимор демонстрировал сотрудникам реставрационных мастерских, вызвали большой интерес у всех собравшихся», – сообщает газета «Вечерняя Москва» от 31 марта 1934 г. (*Гал* 1934).

В 1849 г. в связи с началом масштабных работ по созданию внутреннего убранства Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге было организовано мозаичное отделение при Академии художеств. После «фабрики делания цветных стекол» в Усть-Рудице на берегу Мойки, созданной М. В. Ломоносовым при участии двух помощников, Матвея Васильева и Ефима Мельникова, это было первое государственное учреждение по производству смальт и мозаик в Российской империи. «К великому сожалению, со смертью Михаила Васильевича эта отрасль архитектурного убранства снова забывается и хиреет. И только с началом постройки Исаакиевского в Петербурге, в котором его строитель Монферран решил вновь применить мозаику в большом масштабе, мозаичное искусство в России все же возрождается», – читаем мы в «Вечерней Москве» от 22 апреля 1938 г. (*Ольгин* 1938).

Можно с уверенностью утверждать, что возрожденная русская мозаика – это грандиозный вклад в живопись, ставший возможным благодаря покровительству императора Николая I, его сына – великого князя Константина Николаевича, а также императора Александра III. Это не просто сохранение, а подлинное преумножение традиций, сравнимое с тем, как Византия обогатила культурное наследие.

В 1845 г. Николай I – император Всероссийский, во время посещения Собора Петра в Риме обратил особое внимание на то, что мозаичные копии работ великих мастеров Возрождения сохранили колорит и глубину поблекших к тому времени подлинников. Государь прекрасно понимал, что суровые погодные условия Северной столицы России очень быстро разрушат живопись Брюллова, Нефа, Бруни, Басина и других художников, работавших в тот момент над убранствами Исаакиевского собора. «Поэтому Батюшка немедленно решил основать у нас при академии мозаическую мастерскую, для постепенного воспроизведения мозаикою всех картин этих артистов, дабы сохранить их на веки. С этой мыслию он обратился к тогдашнему папе Григорию XVI, и тот был так любезен, что допустил для нас то, что никогда еще не допускалось: Ватиканская мастерская поделилась с нами своею ревниво оберегаемою тайною» (*Тальберг* 2004: 361).

В 2014 г. в журнале «Звезда» вышла публикация «Из писем великого князя Константина Николаевича А. В. Головнину. Январь 1882 – март 1883 г.». В материале представлены сведения об истории основания академической мастерской,

Мозаичное изображение Архистратига Михаила, расположенное в правой верхней части центрального иконостаса Исаакиевского собора. Санкт-Петербург. Выполнено по эскизам Ф. П. Брюллова. Фото автора. 2019 г.

Мозаичное изображение Архистратига Михаила, расположенное в правой верхней части центрального иконостаса Исаакиевского собора. Фрагмент. Выполнено по эскизам Ф. П. Брюллова. Санкт-Петербург. Фото автора. 2019 г.

из чего следует, что к началу переписки работы русских мастеров ценились наравне с работами мозаичистов из Ватикана. Способ создания римских мозаичных панно, при котором мастера непосредственно наносили и закрепляли отдельные элементы (тессеры) на месте будущей композиции, оказался крайне медленным и дорогостоящим. Работа над каждым образом иконостаса Исаакиевского собора занимала от 6 до 7 лет, и каждый квадратный вершок его поверхности стоил примерно

8 рублей. Первая мозаичная мастерская в России, переняв технологию набора, также унаследовала и отношение к мозаике как к инструменту для долговечного копирования живописных работ, а не как к самоценному виду искусства.

Мастерская художественного стеклоделия мозаичиста Антонио Сальвиати, где производился быстрый и более доступный по цене вариант набора, возникла в 1859 г., то есть через четыре года после кончины императора Николая I. Антонио Сальвиати добился значительных успехов в воссоздании византийской мозаичной технологии, разработав прозрачное стекло – мусию. Это изобретение позволило ему с поразительной точностью имитировать текстуру полудрагоценных цветных камней (Звезда 2014).

Мозаичное изображение Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в храме Воскресения Христова («Спас на Крови»). Санкт-Петербург. Фото автора. 2025 г.

Изготовление мозаики по венецианской технологии обходилось в 7–10 раз дешевле, чем по римской. Венецианская техника обратного набора мозаики – это метод создания мозаичных изображений, при котором элементы выкладываются «всухую» на горизонтальной поверхности, следуя зеркально отображенному эскизу. После завершения набора композиция фиксируется клеем.

Расцвет Венецианской республики ознаменовался рождением самобытной школы мозаики. Особое значение для ее становления имело возведение собора Святого Марка в IX–XI вв. Приглашенные византийские мастера, носители богатейших традиций мозаичного искусства, заложили фундамент. Однако под влиянием венецианских реалий и вкусов эти древние техники претерпели трансформацию, породив уникальный и узнаваемый венецианский стиль.

«Вечное искусство» впечатляло и вдохновляло многих. Опыт, который постигали мастера на русской земле, прекрасно воплотился в церквях и светских строениях (Тальберг 2004).

Невозможно не сказать и о храме Воскресения Христова в Санкт-Петербурге, который более известен как «Спас на крови». Этот православный храм-памятник был возведен на месте, где 1 марта 1881 г. император Александр II пал жертвой террористического акта. Создание этого уникального духовного памятника стало поистине всенародным делом. В конкурсе проектов участвовали многие архитекторы, но Александр III настаивал на том, чтобы храм был выполнен непременно в русском стиле. Император выбрал проект Альфреда Парланда в соавторстве с архимандритом Игнатием Малышевым, последний позже отошел от дел в связи с невозможностью совмещать строительство и настоятельство. Убранство храма не имеет аналогов в мировой архитектуре. В нижней части колокольни мозаичный ковер из гербов российских городов и губерний, место трагедии отмечено мозаичным распятием под золоченым навесом.

Опыт живописного убранства Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге: дорогостоящий, медленный темп изготовления смальты по римскому образцу повлиял на изменение методики и технологии работ. «С начала 60-х годов XIX в. стали применять венецианский метод, изобретенный А. Сальвиати, заключающийся в наборе мозаики на обратную сторону кальки с живописного произведения. С 80-х годов XIX в. Мозаичное отделение Императорской Академии Художеств возглавляли русские мастера (среди которых был А. Н. Фролов, 1883–1890). В те же годы на основе метода Сальвиати техником Мозаичного отделения А. А. Фроловым (1861–1897) был разработан собственный метод набора, который позволил еще более упростить и удешевить процесс, что создало предпосылки для использования мозаики в качестве массовой монументально-декоративной техники» (Заиграйкина, Орецкая, Маханько 2021). Новые возможности нашли применение в русской церковной архитектуре, особенно в том направлении, которое принято называть кирпичным, или неорусским. В 1895 г. мастерская выиграла конкурсы на создание мозаик в соборе Воскресения Христова в Санкт-Петербурге (Спаса на крови), представив самые прочные, быстрые в изготовлении и недорогие образцы.

Император Александр III, извлекая уроки из строительства Исаакиевского собора, стремился избежать повторения затяжного проекта. Он лично одобрил использование венецианской мозаики для внутреннего убранства, выбрав материал, позволяющий ускорить работы. Более того, он взял на себя расходы по обучению русских мастеров этой технике, которая впоследствии стала неотъемлемой частью архитектурного облика советской

эпохи, украсив московское метро, ВДНХ и вернувшись в храмы спустя десятилетия.

«Ищите основу преемственности», – говорил своим ученикам разработчик неповторимых станций московского метро, создатель направления в градостроительстве, связанного с комплексным

Владимире Александровиче Фролове. Великий мастер отдал последние дни своей жизни, чтобы подарить миру мозаики, созданные в сердце блокадного Ленинграда. Благодаря таким мастерам, как Владимир Александрович, сохранялось подлинное искусство, которое выше идеологии. Автор мозаик

Мозаичные панно на станции «Новокузнецкая» московского метро. Фото автора. 2022 г.

использованием подземного пространства городов и других населенных пунктов, профессор Московской архитектурной академии Алексей Николаевич Душкин. Благодаря совместным усилиям и гению таких мастеров, как Алексей Душкин, Александр Дейнека, Александр Фролов и целого созвездия других талантливых людей, были возведены первые станции и линии московского метро.

«Сейчас, когда мозаика начинает занимать почетное место в художественной отделке новых зданий, мозаичная мастерская Академии художеств от отдельных мелких работ переходит к выполнению ответственных заданий. Одним из первых таких заданий явился заказ на оформление станции “Маяковская” московского метрополитена им. Л. М. Кагановича. Здесь будет установлено 35 панно, изготовляющихся по рисункам художника А. А. Дейнеки. Они отразят “сутки Страны Советов” во всем их многообразии. Художник Дейнека один из первых мастеров советского искусства, который явился энтузиастом использования мозаики для создания монументальной живописи. Он прекрасно учел, какую благодатную почву представляют для художника 20 тысяч оттенков, порой неуловимых, имеющих в распоряжении мозаичного магазина Академии художеств» (Ольгин 1938).

Если задаться вопросом о самой красивой станции московского метро, то в числе фаворитов неизменно окажутся «Маяковская», «Комсомольская», «Павелецкая» и «Кропоткинская». Мозаики станции «Новокузнецкая» – это лучи света и праздника, запечатленные в камне, как вечное напоминание о

в Исаакиевском соборе, «Спасе на крови», личных мозаик Императорской семьи верно исполнял свой долг и в советскую эпоху, создав безупречные по уровню мастерства мозаики для станций метро, мавзолея В. И. Ленина и многих других объектов.

Идеологические веяния имеют свой срок, но настоящее искусство, укорененное в базовых смыслах древних форм, остается вне времени. Факт гармоничного возвращения мозаики нового времени в церковное пространство служит убедительным доказательством ее неизменной идентичности.

Возвращение мозаики в храмовое пространство произошло гораздо раньше распада СССР, сразу после окончания Второй мировой войны. Докладом тому служат отреставрированные в 1946 г. с применением мозаики два московских

Мозаика в храме Святых Апостолов Петра и Павла у Яузских ворот. Фрагмент. Москва. Дата создания мозаик – 1946 г. Фото из личного архива автора

Фрагмент мозаичного алтаря в храме Всех Святых во Всехсвятском на Соколе. Москва. 1946 г. Фото из личного архива автора

Фрагмент мозаичного алтаря в храме Всех Святых во Всехсвятском на Соколе. Москва. 1946 г. Фото из личного архива автора

храма – Церковь Всех Святых во Всехсвятском на Соколе и церковь Петра и Павла у Яузских ворот.

В центре Москвы находится уникальный памятник архитектуры – Подворье Сербской Православной Церкви, представленное храмом Петра и Павла. Возведенная до пожара 1812 г., эта церковь пережила Великую Отечественную войну и была одной из немногих, подвергшихся реставрации сразу после ее окончания, в 1945–1946 гг. Работы велись под руководством настоятеля отца Аркадия Пономарева. По неофициальной информации, мозаики, украшающие своды Петропавловского и Казанского приделов, были изготовлены мастерской Метро-строя, уже имевшей к тому времени собственное производство².

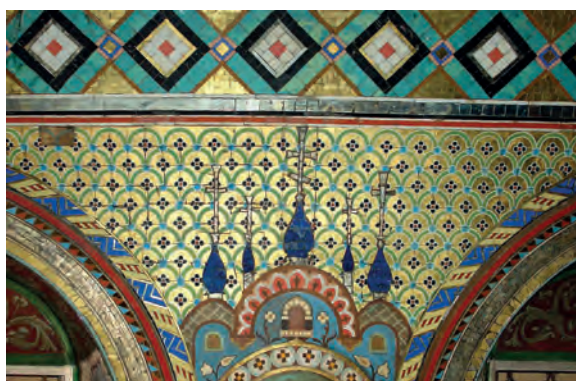
«Были сведения какие-то, но при моем присутствии уже здесь собирали из архивов – из Московского городского, из государственного архива, из областного собирали сведения о том, что здесь и как было, какие работы проводились. Но это все было до XIX в. По XX в. нет практически ничего, кроме сведений о том, что сразу после войны здесь была проведена реставрация. И еще в конце века к

тысячелетию Крещения Руси здесь проводилась повторная реставрация по росписи стен». Эти факты публикуются впервые (из интервью с представителем клира храма Петра и Павла у Яузских ворот архимандрита Александра (Котова), 2022 г.).

Мозаика в храме святых Апостолов Петра и Павла у Яузских ворот. Москва. Дата создания мозаик – 1946 г. Фото из личного архива автора

Послевоенные мозаики церкви Петра и Павла у Яузских ворот демонстрируют связь с декором некоторых станций метро и церкви Рождества Иоанна Предтечи на Красной Пресне.

Мозаичный декор в храме Иоанна Предтечи на Пресне. Москва. Конец XIX в. Фото автора. 2025 г.

Мозаичный декор в храме Святых Апостолов Петра и Павла у Юзских ворот. Москва. 1946 г.
Фото автора. 2025 г.

Уникальность этого храма заключается в росписях и стеклянных мозаиках, выполненных Виктором Михайловичем Васнецовым (1848–1926). Эта церковь, которая расположена на высоком берегу Москвы-реки, была известна как одна из самых почитаемых и посещаемых в Москве в послевоенные годы.

Храм Рождества святого Иоанна Предтечи на Пресне. Мозаичный свод. Москва. Конец XIX в.
Фото автора. 2025 г.

Храм никогда не закрывался, а в конце XIX в. в нем работала мастерская художника, где хранилось много его личных работ и набросков. Подтверждением этого служит тот факт, что художник был за-

писан в Синодиках храма Рождества Иоанна Предтечи на вечное поминовение, а также воспоминания старшей прихожанки Т. А. Енько, скончавшейся в 1998 г. Ее дед, на свои сбережения выстроивший северную и южную пристройки для расширения трапезной, рассказывал, что в 1890-е годы В. М. Васнецов руководил росписями стен (Храм Рождества 2014: 22), закончив работу в 1898 г. С целью изучения лучших образцов монументального церковного искусства в 1885 г. он совершил путешествие в Италию, где знакомился с живописью старых мастеров. Особое впечатление на Васнецова произвели мозаики Равенны (Васнецов 1987), выполненные в V–VI вв. Именно на этот важнейший памятник византийского искусства он будет ориентироваться при создании мозаичных полотен в российских храмах (Маковский 1898). По словам настоятеля, епископа Бронницкого Амвросия (Ермакова), среди московских церквей храм Иоанна Предтечи на Пресне является единственным носителем подлинно васнецовского стиля (Позднякова 2007).

Итальянские мастера выкладывали мозаичные панно, используя фрагменты из смальты различных геометрических форм и размеров: как квадратные, так и треугольные или округлые элементы. Смешивая и комбинируя оттенки, мастера создавали выразительные живописные изображения, колорит которых нередко дополняли золото и серебро.

Все храмовые мозаики, независимо от времени создания и техники, обладают общим свойством – они излучают свет. Мастера намеренно располагали их так, чтобы освещение «оживляло» сюжет, создавая уникальные визуальные эффекты. В залах, где многоцветная стеклянная мозаика наполняет пространство отражениями, посетители ощущают себя проходящими сквозь неземной, фаворский свет.

Мозаики церкви Рождества Иоанна Предтечи, как и те, что украшают храм святых Апостолов Петра и Павла у Юзских ворот, созданы в уникальной технике *hinterglassmalerei*. Эта техника предполагает нанесение золота и серебра на обратную сторону стекла, что придает поверхности объемный зеркаль-

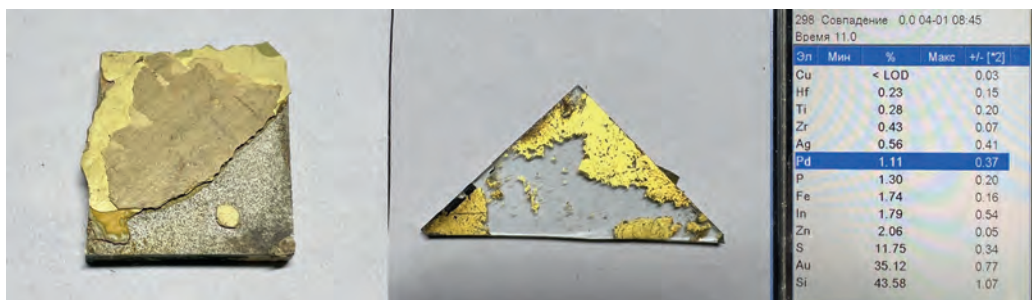

Рис. 20. Облоны тессеры из Храма Петра и Павла у Юзских ворот. Результаты РФА, подтверждающие факт содержания золота в мозаиках. Фото из личного архива автора

ный блеск. Художники использовали стеклянные фрагменты разного размера и неправильной формы, создавая тем самым сложную и выразительную фактуру. Византийские мастера придумали подкладывать под тессеры (кубики) прозрачного стекла с оборотной стороны золотую фольгу – так появились знаменитые «золотофонные» византийские мозаики. Исследования, проведенные с использованием рентгенофлуоресцентного анализа специалистом

лаборатории ЦПИ РГО (Центр подводных исследований Русского географического общества) Романом Юрьевичем Прохоровым, подтвердили наличие золотого слоя на тессерах из храма Петра и Павла. Поразительное сходство орнаментов и техник в обоих храмах наводит на мысль, что мозаики храма у Яузских ворот могли быть выполнены учениками или последователями Васнецова, что, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Примечания

¹ Владимир Александрович Фролов (1874–1942) – потомственный художник-мозаичист, владелец Мастерской декоративной мозаики и один из основоположников становления советского реализма в искусстве мозаики.

² Пономарев Аркадий Константинович (1884 – 02.05.1948) – протоиерей, настоятель храма Петра и Павла у Яузских ворот (в 1935–1948 гг.). Похоронен на Немецком кладбище.

Источники и материалы

Васнецов 1987 – Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / сост., вступ. ст. и примеч. Н. Л. Ярославцевой. М.: Искусство, 1987 // Цифровая платформа Internet Archive. URL: https://archive.org/details/1987_20210819/page/6/mode/2up (дата обращения: 19.05.2026).

Вечерняя Москва 1925 – К двухсотлетию Академии наук. Мозаика Ломоносова // Вечерняя Москва. 1925. № 170 за 28 июля // Платформа «Национальная электронная библиотека». URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011625302?page=2&rotate=0&theme=white

Гал 1934 – Гал Б. Мозаика увидит свет // Вечерняя Москва. № 74. 31 марта 1934. С. 2 // Национальная электронная библиотека. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011657746?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 19.05.2026).

Звезда 2014 – Из писем великого князя Константина Николаевича А. В. Головнину. Январь 1882 – март 1883 г. / публикация, вступ. заметка и примеч. Юрия Зельдича // Звезда. Литературно-художественный общественно-политический независимый журнал. 2014. № 7. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2328> (дата обращения: 19.05.2026).

Известия 1922 – Петроградская публичная библиотека (Петроград, Отделение «Известий ВЦИК») // Известия. 22 марта 1922 г. № 65 // Цифровая платформа «Поиск по архивам». URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/061d88e0-58cd-46f8-9035-4611214a2ef/3> (дата обращения: 19.05.2026).

Ленин 1938 – Ленин о культуре и искусстве: сборник статей и отрывков / сост. Мих. Лившиц. [М.]: Изогиз, 1938. С. 298–299.

Ольгин 1938 – Ольгин Е. Возрожденная мозаика от Ломоносова до наших дней // Вечерняя Москва. № 92. 22 апреля 1938 г. // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011679294/ (дата обращения: 19.05.2026).

Позднякова 2007 – Позднякова И. Васнецову нужна помощь // Вечерняя Москва. 2007. № 183, от 3 октября. С. 6–7. URL: <https://vm.ru/news/37690-vasnecovu-nuzhna-pomoshh> (дата обращения: 19.05.2026).

Селезнев 1928 – Селезнев В. И. Смальты и их выделка. М.: Научно-техническое управление В.С.Н.Х., 1928 (типо-лит. В.Т.У. им. т. Дунаева). – 84 с. (Труды Государственного исследовательского керамического института / С.С.С.Р. Науч.-техн. упр-ние ВСНХ; № 230. Вып. 10). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009235452> (дата обращения: 19.05.2026).

Сидоров 1930 – Сидоров Н. И. Из истории мозаических составов М. В. Ломоносова // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение физико-математических наук. 1930. № 7. С. 679–706. URL: https://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=im&paperid=5322&option_lang=rus (дата обращения: 19.05.2026).

Фролов 1933 – Фролов В. А. Искусство, побеждающее время // Вечерняя Москва. № 280, за 8 декабря 1933 г. // Цифровая платформа «Яндекс. Поиск по архивам». URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/91a98e02-babd-48d2-ae93-84a57bd1c35d/3> (дата обращения: 19.05.2026).

Храм Рождества 2014 – Храм Рождества святого Иоанна Предтечи на Пресне. История и современность. М.: Сага-Арт-Дизайн, 2014.

Чернышев 1934 – Чернышев Н. М. Предисловие // Шмид Г. Техника античной фрески и энкастики / пер.

А. Н. Тихомирова, предисл. проф. Н. М. Чернышева. М.: ОГИЗ; Государственное издательство изобразительного искусства, 1934. С. V–VIII. URL: https://archive.org/details/1934_20210425/page/n9/mode/2up (дата обращения: 19.05.2026).

Шумяцкий 1935 – Шумяцкий Б. Талант и учеба // Известия. № 246. 21 октября 1935 г. С. 4 // Цифровая платформа «Яндекс. Поиск по архивам». URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/23e832f1-20ba-4039-8f20-25558a36ba6c/4> (дата обращения: 19.05.2026).

Научная литература

Грабарь И. Э., Кеменов В. С., Лазарев А. Н. (ред.). История русского искусства: В 13 т. / под общ. ред. академика И. Э. Грабаря, действительного члена Академии художеств СССР В. С. Кеменова и члена-корреспондента АН СССР А. Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1953–1969. Т. XI / под ред. В. С. Кеменова, Д. В. Сарабьянова. М., 1957. URL:

<https://djvu.online/file/m4tsWR217qhJa>

Дроздов А. А., Долженко В. Д., Андреев М. Н., Лунин В. В. Технология производства смальтовых стекол на Усть-Рудицкой фабрике М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2019. № 5. С. 140–158.

Заиграйкина С. П., Орецкая И. А., Маханько М. А. Мозаика // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1998–2025. Том XLVI. 2017. С. 237–252. URL: <https://m.pravenc.ru/text/2563936.html> (опубликовано 5 ноября 2021 г.).

Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М.: БуксМАрт, 2020.

Кириченко О. В. Идейность и идейные формы. Евразийство и скифство, советское славянофильство и западничество, софианство и светский исихазм, нигилизм и социальный оптимизм, светская и церковная эсхатология. СПб.: Алетейя, 2024.

Кукс Ю. М., Лукьянова Т. А. История развития фрески (Часть 1. Древнерусская фреска. Две трансформации) // Перспективы науки и образования. 2014. № 4(10). С. 127–135.

Маковский С. В. Васнецов и Владимирский собор // Мир Божий. СПб., 1898. Т. III. С. 201–219.

Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л.: Ленинградское отделение Издательства «Наука», 1986 // Цифровая платформа «Русский город». Раздел «Архитектурно-краеведческая библиотека». URL: <http://www.russiancity.ru/books/b57.htm> (дата обращения: 19.05.2026).

Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука, 1994.

Тальберг Н. Д. Сочинения. О Вере, Царе и Отечестве. От Крещения Руси до клятвопреступного бунта: Статьи разных лет. Кн.1. (Гл.: Мусия – ее судьбы в России.) М.: Правило веры, 2004.

Шмид Г. Техника античной фрески и энкаустики / пер. А. Н. Тихомирова, предисл. проф. Н. М. Чернышева. М.: ОГИЗ; Государственное издательство изобразительного искусства, 1934. С. V–VIII. URL: https://archive.org/details/1934_20210425/page/n9/mode/2up (дата обращения: 19.05.2026).

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Издательство Московского университета, 1972.

References

Grabar, I. E., V. S. Kemenov and A. N. Lazarev (ed.). 1957. *Istoriya russkogo iskusstva* [History of Russian Art]. Vol. XI. Moscow: Nauka.

Drozдов, A. A., V. D. Dolzhenko, M. N. Andreev and V. V. Lunin. 2019. Tekhnologiya proizvodstva smal'tovykh stekol na Ust'-Ruditskoi fabrike M. V. Lomonosova [Smalt Glass Production Technology at M.V. Lomonosov's Ust-Ruditskaya Factory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. History. 5*: 140–158.

Zaigraikina, S. P., I. A. Oretskaya and M. A. Makhan'ko. 2017. Mozaika [Mosaic]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XLVI, 237–252. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya Entsiklopediya».

Kirichenko, E. I. 2020. Russkii stil'. Poiski vyrazheniya natsional'noi samobytnosti. Narodnost' i natsional'nost'. *Traditsii drevnerusskogo i narodnogo iskusstva v russkom iskusstve XVIII – nachala XX veka* [Russian Style. The Search for Expression of National Identity. Nationality and Ethnicity. Traditions of Old Russian and Folk Art in Russian Art of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: BuksMArt.

Kirichenko, O. V. 2024. Ideinnost' i ideinye formy. Evraziistvo i skifstvo, sovetskoe slavyanofil'stvo i zapadnichestvo, sofianstvo i svetskii isikhazm, nigilizm i sotsial'nyi optimizm, svetskaya i tserkovnaya eskhatologiya [Ideology and

- Ideological Forms. Eurasianism and Scythianism, Soviet Slavophilism and Westernism, Sophianism and Secular Hesychasm, Nihilism and Social Optimism, Secular and Church Eschatology]. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Kuks, Yu. M., and T. A. Luk'yanova. 2014. *Istoriya razvitiya freski (Chast' 1. Drevnerusskaya freska. Dve transformatsii)* [The History of Fresco (Part 1. Old Russian Fresco. Two Transformations)]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* 4 (10): 127–135.
- Makovskii, S. V. 1898. Vasnetsov i Vladimirskii sobor [Vasnetsov and the Vladimir Cathedral]. *Mir Bozhii* 3: 201–219.
- Rappoport, P. A. 1986. *Zodchestvo Drevnei Rusi* [Architecture of Ancient Rus']. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Izdatel'stva «Nauka».
- Rappoport, P. A. 1994. *Stroitel'noe proizvodstvo Drevnei Rusi (X–XIII veka)* [Construction Industry of Ancient Rus' (10th–13th Centuries)]. Saint Petersburg: Nauka.
- Tal'berg, N. D. 2004. *Sochineniya. O Vere, Tsare i Otechestve. Ot Kreshcheniya Rusi do klyatvoprestupnogo bunta: Stat'i raznykh let* [Works. On Faith, Tsar, and Fatherland. From the Baptism of Rus' to the Perjury of Rebellion: Articles from Various Years]. Bk.1. Moscow: Pravilo very.
- Shmid, G. *Tekhnika antichnoi freski i enkaustiki* [Ancient Fresco and Encaustic Techniques]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo izobrazitel'nogo iskusstva, 1934.
- Shchapova, Yu. L. 1972. *Steklo Kievskoi Rusi* [Glass of Kievan Rus']. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

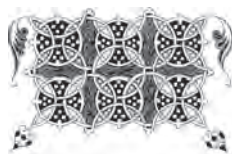
BYZANTINE TRADITIONS IN SOVIET PERIOD MOSAICS

Abstract. This article analyzes the continuity of Byzantine artistic forms in Soviet mosaics. An interdisciplinary approach, combining technical and humanities disciplines, allows us to identify the mechanisms by which the original meanings and precision of creative forms are preserved over the centuries, as well as to understand how they can be revived after a period of oblivion. The study also provides a comparative analysis of the historical production technologies of Roman and Venetian mosaics in the Russian Empire and the USSR.

Keywords: Byzantine artistic forms, Moscow Metro mosaics, Soviet period, smalt, historical correspondences between technologies, requirements for materials and techniques of painters and architects of bygone centuries.

Authors Info: Agamirova, Olga N. – Senior lecturer at the Department of Painting and Composition of the Moscow State Academic Art Institute (MGAKHI) named after V. I. Surikov, (Moscow, Russian Federation), E-mail: olga_teplova@inbox.ru

For citation: Agamirova, O. N. 2026. Byzantine Traditions in Soviet Period Mosaics. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 67–80

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ПИСАРЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В XIX–XX вв.

Аннотация. В статье впервые в современной историографии освещаются вопросы возникновения (в 1894 г.), дальнейшей деятельности и закрытия (в 1927 г.) Свято-Троицкой Писаревской женской обители, располагавшейся в Острогжском у. Воронежской губ. Прослеживается судьба некоторых монахинь после закрытия монастыря. Статья основана на данных Государственного архива Воронежской области (ГАВО) и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО), Российского Государственного исторического архива (РГИА). В результате исследования выявлено, что основательницами обители в конце XIX в. были простые крестьянки. К 1917 г. монашеская община сумела построить жилые и хозяйственные помещения, имелась домовая церковь, строился Троицкий собор. В 1921 г. монастырь закрыли, имущество было изъято государством, монахиням была оставлена церковь и один жилой корпус. В изъятых у монастыря помещениях располагались разные детские учреждения: колония для слабосильных детей, колония для малолетних преступниц. Писаревский монастырь был окончательно закрыт постановлением ВЦИК в 1927 г. Исследование вводит в научный оборот новые архивные данные и вносит вклад в изучение церковной истории Воронежского края и истории Церкви в целом.

Ключевые слова: Острогжский уезд, Свято-Троицкий Писаревский монастырь, детдом, обновленческий раскол, монашество, репрессии монахинь.

Ссылка при цитировании: Белоконов А. А. Свято-Троицкий Писаревский женский монастырь в контексте истории Воронежского края в XIX–XX вв. // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 81–89

Белоконов Андрей Александрович (Belokonev Andrey Aleksandrovich) – аспирант Воронежского государственного технического университета, экскурсовод в Дивногорском Свято-Успенском мужском епархиальном монастыре, эл. почта: fatum.1975@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-3113-4733>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 81–89

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271.2-523.6(470.324); ББК – 60.93;63.3 (253); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/81-89>

Свято-Троицкая Писаревская женская обитель располагалась в 12 верстах к юго-западу от г. Острогожска «при хуторе Ново-Харинском» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 1), на территории нынешней Новой Осиновки.

В советской и постсоветской историографии сведений о ней нет. В современной историографии о ней есть краткие упоминания в краеведческой литературе, одно в связи с судьбой братии Дивногорского монастыря (Белоконев 2023), другое в связи с борьбой с «обновленцами» в Острогожске (Белоконев 2025), Писаревская обитель упоминалась также в контексте истории беспризорности и детских учреждений (Рылов 2024; Менжулин 2024).

Данная статья является первой научной попыткой максимально информативно описать историю обители в XX в.

История возникновения Писаревского монастыря началась с того, что 21 марта 1894 г. к епископу Воронежскому Анастасию (Добрадину) обратились крестьянки Матрена Клепова и Феодосия Павленкова, которые объяснили, что они и еще пятеро крестьянок совместно купили усадьбу с домом, садом, кирпичным заводом, расположенную рядом с хутором Писаревка, и хотят, чтобы на этом месте появился монастырь, которому они заранее придумали название: «Свято-Троицкий» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 1–3).

По указанию Преосвященного Анастасия благочинный Острогожского округа протоиерей Дмитрий Склобовский осмотрел усадьбу, проверил документы и обо всем доложил архипастырю Воронежскому Анастасию (Добрадину), а тот 13 декабря 1894 г. обратился в Святейший Синод с рапортом, в котором поддержал желание семи крестьянок создать монастырь (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 4–18).

Почти три года Святейший Синод медлил с ответом; протоиерей Дмитрий Склобовский и крестьянки писали прошение о том, чтобы им дали ответ (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 19–20).

Только 17 декабря 1997 г. Святейший Синод постановил: «при хуторе Ново-Харинском (Писаревка) Острогожского уезда учредить женскую общину, с наименованием Свято-Троицкою, с таким числом сестер, каким община в состоянии будет содержать на свои средства» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 35).

С тех пор прошло еще почти два года, и в Воронежских епархиальных ведомостях была опубликована статья священника Аполлона Алексеевского о том, что 18 сентября 1899 г. в Свято-Троицкой обители был освящен храм в честь Успения Божьей Матери, а после освящения храма протоиерей Дмитрий Склобовский говорил о «благости промысла

Божия, соблаговолившего на этом месте и в том самом доме, который был жилищем простых смертных и грешных людей, устроить жилище и селение Бога Всевышнего» (Алексеевский 1899).

Об именах основателей обители автор статьи не упоминает и пишет по этому поводу: «На этом месте жили богатые землевладельцы, которые умерли, и эту землю в складчину купили бедные люди. И все как один, несмотря на различия званий, воодушевляются одним духом и покупают это имение с тем, чтобы устроить общину, а со временем женский монастырь» (Алексеевский 1899: 855).

О Писаревской обители в дореволюционной литературе выявлено два различных по содержанию упоминания.

В описании русских монастырей Российской империи, сделанном в 1909 г., о Писаревской обители сказано следующее: «Свято-Троицкая община в Острогожском уезде. Община расположена при хуторе Ново-Харинском на реке Тихой Сосне, в 12 верстах от города Острогожска. Основана она в 1898 г. на земле, пожертвованной крестьянином Силиным.

Храм один в честь Успения Божьей Матери. Другая церковь начата постройкой с 1904 г. Управляет общиной настоятельница» (Православные Русские обители 1909: 488–489).

В указанной статье есть некоторые неточности и ошибки. Во-первых, фамилия крестьянина, пожертвовавшего землю, не Силин, а Санин. Во-вторых, земля была пожертвована монастырю после постановления Святейшего Синода об открытии обители. И в-третьих, 203 десятины земли были пожертвованы не одним только Дмитрием Саниным, а еще тремя благотворителями (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 29 об., 30).

В «Путеводителе», составленном А. А. Павловским о Писаревской обители, сказано, что она основана «крестьянином из секты хлыстов, который, используя труд 35 различных девушек-хлыстух, сумел купить 203 десятины земли. Там каждое лето проживало 20 молодых девиц со своим хлыстовским батюшкой, занимались сельским хозяйством. Далее в жизнь общины вмешалось Епархиальное начальство; было решено подать прошение об открытии общины, и Св. Синод утвердил его. Однако хлыстовские настроения оказались неистребимы, и все девушки были вместе с основателем в 1899 г. высланы. По выселении они землю всю продали. После них здесь утвердилась православная община, которая отдельный небольшой корпус преобразовала в церковь Успения Пр. Богородицы, в которой находится чудотворная икона Божией Матери “Милующая Достоинно”, посланная со св. горы Афона. В течение последних двух лет производились работы

по устройству нового храма во имя Пр. Троицы, Св. Николая и Серафима Саровского. Земли при общине теперь 60 десятин. Насельниц сто сестер и три монахини. Порядок внутренней жизни монастырский» (Павловский 1907: 166–167).

В приведенной выше статье содержится не вполне достоверная информация о земельном имуществе монастыря. Что касается «хлыстовства», то об этом ничего из других источников не известно. Однако факты обвинений некоторых основателей монастырей в сектантстве имели место. Так, в начале XIX в. преследованиям подверглась Мария Шерстюкова, основательница пещерного Белогорского монастыря в Воронежской губ.; в суевериях также обвиняли «основателя пещеры у с. Красное Авраама Ковалева, в 1860 г. – Максима Курасова, создателя Гороховской пещеры, в 1892 г. – Тихона Присяжного, пытавшегося возродить Шатрищегорский монастырь» (Степкин 2023: 33).

Основание Свято-Троицкой Писаревской женской обители можно назвать выражением народного православия. Земля, на которой возник монастырь, была крестьянской, и основателями ее являлись не помещики или купцы, а крестьяне, что было тогда относительной редкостью.

Начало XX в. было временем строительства и формирования внутренней жизни Писаревской обители. На ее благо жертвовали свое имущество местные жители. В 1902 г. крестьянка Федора Семеновна Фельчакова, будучи послушницей монастыря, завещала обители 40 десятин земли, находящейся в Острогожском у., близ слободы Екатериновка (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 214). В 1909 г. мещанка Екатерина Георгиевна Ворнаевская, тоже послушница монастыря, пожертвовала дом в городе Острогожске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 220). Впоследствии этот дом стал подворьем Писаревского монастыря в Острогожске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 281). Не без трудностей и искушений происходило формирование женской общины. В 1909 г. в Острогожской прессе сообщалось о случае обмана настоятельницы игуменьи Амвросии, заключающемся в том, что она, доверяя одной из послушниц, проживавшей в монастыре десять лет, положила «на ее имя в сберегательной кассе Острогожского казначейства 900 рублей, принадлежащих общине и собранных на построение храма, с тем чтобы по мере надобности брать деньги». Сберкнижка хранилась у игуменьи. Послушница пришла в казначейство, заявила о потере сберкнижки, ей выдали новую, она сняла деньги и ушла из монастыря. Ее затем нашли, она созналась в преступлении (Мощенничество 1909: 2).

Несмотря на трудности внутренней жизни, в монастыре велись строительные работы.

В описи имущества, подлежащего страхованию в 1910 г., в Писаревской обители числились 19 строений: «Успенская церковь (домовая) полутораэтажная 1882 г. постройки, отапливается 4 голландскими печами и одной русской» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 284), еще шесть домов разного назначения, а также хозяйственные постройки (амбары, хлебопекарня, конюшня и др.); в страховых документах отмечалось, что все постройки в хорошем состоянии (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 284–286). В монастыре был высажен сад, в котором росло 180 яблонь и 60 груш (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 40).

В Острогожском у. в начале XX в. строился не только Писаревский монастырь, а множество храмов. Протоиерей Дмитрий Склобовский, написавший об этом книгу, отмечает усердие острогожцев «к святому делу создания храмов Божиих» и в то же время пишет о «непочитании детьми своих родителей», о том, что «оскудела любовь между родными, даже братьями» (О времени и о себе 1997: 118). Пренебрежение русскими своими духовными основами привело к трагическим событиям 1917 г.

После Октябрьской революции 1917 г. в стране началась Гражданская война, был чрезвычайно распространен бандитизм. Советская власть в Острогожске с прискорбием констатировала: «Не пройдет ни одной ночи, чтобы этими негодяями не было совершено грабежа или убийства» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 23. Л. 17).

Нападениям бандитов подвергались не только магазины, квартиры, но и монастыри и храмы. В местной прессе есть статья от 27 августа 1918 г.: «23-го августа. На днях шайкой грабителей человек в двадцать было произведено нападение на Писаревскую обитель. Грабители проникли сначала в помещение гостиницы и странноприимного дома. Не найдя там ничего, они перешли в самый монастырь, где особенное внимание обратили на квартиру игуменьи; сумма кражи достигает значительной цифры. Все произошло так быстро и внезапно, что не было возможности дать знать крестьянам соседних селений, которые несомненно пришли бы на помощь монастырю. Испуганные обитательницы монастыря отдавали грабителям все, что они требовали, опасаясь насилий с их стороны. До сих пор шайки грабителей остаются на свободе» (Отрабление Писаревского 1918: 3).

Писаревский монастырь продолжил свое существование в послереволюционные годы, в 1918 г. он был преобразован в трудовую артель (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 329. Л. 5); Дивногорский мужской монастырь (расположенный в 30 км от Писаревского) также был реорганизован в трудовую артель (ГАВО. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 7. Л. 17). Отметим, что и

другие монастыри в России были вынуждены преобразовываться в артели, так как это была единственная легальная форма существования в те годы.

С лета 1921 г. в южных волостях Воронежской губ. был голод, особенно в Коротояке, находящемся в 10 км от Писаревской обители. «Положение волисполкомов катастрофическое, волисполкомы и сельсоветы слабы; не обеспечены материально. Все без исключения население голодует, настроение унылое... Картина голода в уезде почти ничем не отличается от переживаемого голода в Поволжье. Съедено все что только можно съесть... За последнее время случаи людоедства участились... Президиум Губисполкома неоднократно возбуждал ходатайство перед центром о признании губернии или части ее голодающей, но на все эти ходатайства получал решительный отказ» (ГАВО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 223. Л. 196 об.).

В это тяжелое время голода, 14 июля 1921 г. Острогжский Уисполком просит монахинь Писаревского монастыря о заключении добровольного договора о сдаче помещения монастыря под детскую колонию для слабосильных детей. Мнение насельниц монастыря было следующим: «...дети, больные “каростой” (чесоткой), позаразят им каждый кустик травы в монастыре, что вселение детей в занятые помещения заставит монахинь уплотниться... они просят помещения не занимать, поселить в любом другом доме, что они готовы пойти навстречу путем шитья белья, вязания чулок для детей» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 329. Л. 3).

Вскоре местная власть решила закрыть монастырь. 7 октября 1921 г. была создана комиссия и начался процесс конфискации имущества в пользу государства. Были изъяты все монастырские здания, земельные угодья, разные вещи, всевозможный инвентарь, недостроенный собор и «55000 строевого кирпича, строевого дуба 230 штук... 3 коровы, 2 телки, лошадь... картофель 100 пудов, буряк 180 пудов» и другие продукты; подворье в Острогжске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 123–207).

Процесс ликвидации монастыря происходил постепенно. Представители детской колонии пытались ускорить процесс и писали в уездное бюро юстиции: «Прошу ускорить рассмотрение дела о ликвидации бывшего Писаревского женского монастыря. В настоящее время в Писаревских монастырских зданиях расположены два детских учреждения: Писаревская санитария для слабосильных с числом 70 человек детей и Писаревская трудовая колония с числом 40 человек детей» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 279).

Игуменья монастыря Магдалина (Мария Ивановна Андрющенкова) писала жалобу в Воронеж-

ское губернское бюро юстиции о «неправильных действиях членов ликвидационной комиссии и творимых ими бесчинствах и угрозах» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 282).

21 декабря 1921 г. закончилась ликвидация монастыря. В результате насельницы лишились всего имущества, но их оставили жить в одном из монастырских домов; церковь Успения и богослужебные предметы Писаревским сельским советом были сданы в пользование крестьянам села Писаревка и монахиням (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 123, 204).

Как уже отмечалось, с лета 1921 г. в Воронежской губ. начался голод; у монахинь отобрали все продукты питания, как они выжили, остается загадкой.

23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей из храмов, якобы на нужды голодающих. Весной 1922 г. по всей стране началось изъятие церковных ценностей.

24 апреля 1922 г. из Писаревского монастыря были изъяты некоторые серебряные предметы: диски, кадило, серебряно-позлащенные ризы с икон, общим весом 19 фунтов 56 золотников (приблизительно 8 кг). На актах по изъятию стоит подпись Атропины Филатовой (ГАВО. Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 115. Л. 138).

В Острогжске из некоторых храмов изымали по несколько пудов серебра, всего «по уезду изъято 38,5 пудов серебра, немного золота и драгоценные камни» (ГАВО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 223. Л. 45). Согласно данным Воронежского губисполкома, «по всей Воронежской губернии изъято 9 фунтов золота, 470 с лишним пудов серебра и более 2500 драгоценных камней» (ГАВО. Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 115. Л. 206).

Некоторые исследователи считают, что В. И. Ленин не собирался превращать изъятые из церквей ценности в хлеб для голодающих (Кожин 2008: 370). Возможно, это и так, но Воронежский губисполком не был безразличен к бедствиям людей: этот орган неоднократно ходатайствовал о признании голодающими хотя бы некоторых волостей, ходатайствовал разрешить продать половину собранных церковных предметов, чтобы купить хлеб, но ему было отказано (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 380. Л. 1 об.).

О духовной жизни монахинь известно, что в 1923 г. они были сторонниками патриарха Тихона (Беллавина) и боролись с обновленцами, что отмечается в докладе уполномоченного ОГПУ: «В Писаревском монастыре было нелегальное собрание... чернички принимают большое участие в “тихоновском” движении и распространяют контрреволюционные воззвания патриарха Тихона» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. П. 23826. Л. 70 об.).

В том же 1923 г. у монахинь появился духовник – игумен Митрофан (Рыбалкин) (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 109). О нем известно, что он проживал в Дивногогорском монастыре; в списке монастырской артели игумен Митрофан (Рыбалкин) числился как нетрудоспособный (ГАВО. Ф. Р-549. Оп. 14. Д. 2. Л. 67). В 1923 г. Дивногогорскую артель ликвидировали, монастырский собор Успения сдали в пользование группам верующих, но монахам помещения для жилья не оставили (ГАВО. Ф. Р-549. Оп. 14. Д. 2. Л. 2), и они разошлись по разным населенным пунктам. Таким образом, игумен Митрофан оказался в бывшем Писаревском монастыре.

К 1923 г. в детских учреждениях, расположенных на территории бывшей обители, происходят изменения: организуется колония для несовершеннолетних преступников: «...мальчиков отделили от девочек. Теперь в колонии исключительно девочки от 12 до 18 лет в количестве 61 человек» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 686. Л. 1). В одном из отчетов о детской колонии сказано, что «производится обучение несовершеннолетних преступников правильному ведению сельского хозяйства и производству мелких кустарных сельскохозяйственных изделий» (ГАВО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 93. Л. 27). В другом отчете за 1923 г. указывается: «...трудовой процесс Писаревской трудовой колонии ограничен только вязанием и прядением шерсти. Инструкторами по обучению этой работе являются сестры Писаревской общины, среди которых имеются лица, получившие и художественное образование в разных учебных заведениях Москвы и других городов» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 51).

Образовавшаяся трудовая колония находилась в подчинении Уездного отдела народного образования (УОНО). В колонию регулярно приезжали проверки, составлялись отчеты, из которых мы узнаем, что уже к 1923 г. «...в нижних этажах жилых домов оконные рамы выбиты, полы испорчены... все строения неисправны и нуждаются в ремонте... швейных машин две (одна неисправна), одно пианино – неисправно, токарный станок – неисправен» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 686. Л. 7 об. – 8 об.). В 1925 г. в отчете упоминается та же самая ситуация: «...дети босые, сидят в холоде, ремонт не производится, прошу УОНО разрешить разборку кирпича из недостроенной церкви, чтобы купить все необходимое» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 52). Тут можно отметить, что в Писаревском монастыре планировали построить огромную по размерам церковь. Об этом свидетельствует тот факт, что с момента ликвидации монастыря местные жители разбирали церковь на кирпичи (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 312) и в 1925 г. еще не разобрали, а также то, что 55 000 кирпичей было приготовлено, чтобы достроить эту

церковь. Проверяющие детской трудовой колонии в своих отчетах писали, что монахи плохо влияют на детей; в отчете за 1925 г. предлагалось «общину выселить, церковь закрыть» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 116).

Однако 8 марта 1926 г. монахини перезаключили договор с Ново-Осиновским Советом рабочих и крестьянских депутатов на пользование Успенским храмом. Под договором стоят подписи монахинь и настоятельницы Магдалины (Марии Андрющенковой) (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 75).

8 декабря 1926 г. УОНО обратился в Острогожский уездный исполнительный комитет с ходатайством о закрытии церкви при Писаревской колонии. Было вынесено следующее постановление: «Имея в виду, что церковь находится в одном из жилых домов зданий Писаревской трудовой детской колонии, Писаревский монастырь используется незначительной группой верующих, которых может обслужить церковь в селе Новая Осиновка, возбудить ходатайство перед Губисполкомом о закрытии и расторжении договоров, поручив орг. части УИКА представить Губисполкому соответствующую докладную записку» (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1952. Л. 44 об.).

Губисполком дал ответ, что нужно прояснить ряд вопросов, прежде чем принять решение о закрытии. Например, о том, на какие средства жили и живут монахини, закреплены ли здания колонии за УОНО и прочее. Начальник Острогожской милиции написал в Губисполком рапорт: «1) Церковью в монастыре пользуется община села Писаревка и монашки. 2) Раньше сам монастырь был общественный и, по объяснению уполномоченной от монашек Бухтояровой Анастасии Тихоновны, кельи, в которых они живут, были построены за счет монашек, но документов, подтверждающих на этот счет, не имеется. 3) Помещений, находящихся в монастыре, семь зданий, за исключением церкви, каковая представляет себя вида жилого помещения, закреплены за УОНО. 4) Количество церковных старух 60 человек. Из них 20% нетрудоспособные, каковыя проживают на иждивении других. Как раньше, так и теперь живут за свой счет, т. е. зарабатывают рукоделием. Общество монашек никакой организации не представляет, т. к. они нигде не зарегистрированы. Занимаются рукоделием и имеют побочный доход от граждан, живущих в окрестности Писаревки, каковыя посещают их монашек по обычаю религии. Помещения, в которых живут монашки, числятся за государством, договор с УМХ срок истек 22 апреля 1925 г., уплату за помещение не производят. Одноэтажный дом из пятнадцати небольших комнат. Монашки зарабатывают рукоделием, но ежедневно проводят религиозный обряд и тем самым вну-

шают разлагающие действия на там находящихся несовершеннолетних детей и своим влиянием не дают вести правильное воспитание детей» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–2 об.).

Губисполком вынес постановление о закрытии храма в бывшем Писаревском монастыре. Монахи с этим не согласились и написали ходатайство во ВЦИК, в котором просили не расторгать договор и объясняли, что они «аккуратно выполняют все обязанности, указанные в договоре, и противоречий против Советской власти не делают... Заведующий детской колонией и возбудил ходатайство о закрытии нашей церкви, так как ощущается недостаток в жилых помещениях. Но на такое заявление нельзя верить заведующему колонией о том, что десять огромных зданий не хватает для проживания шестидесяти человек. Группа верующих отлично знает, что трудколонией один дом с большим количеством комнат сдан под частные квартиры, и шесть больших зданий находятся совершенно пустынными, так что здание нашей церкви трудколонии совсем не нужно. Церковь находится от зданий трудколонии в отдельности и препятствий для ихней жизни совершенно никаких не делает, а посему закрытие этого весьма чтимого и любимого населением сельца Писаревки и его окружности недопустимо. Закрытие храма Успения Божьей Матери повергнет в глубокую скорбь всех жителей села Писаревки и его окружности, молившихся в этом храме тридцать лет. Без преувеличения можно сказать, что прихожане Успенского храма считаются не только верующие села Писаревки, но многочисленные верующие окрестных деревень, постоянно приходящие молиться в этот храм, который в храмовые праздники не может вместить в себя всех богомольцев. Повторяем, что этот храм весьма и весьма дорог всем православным жителям села Писаревки, и закрытие этого храма будет для нас большим нравственным ударом, и поэтому усерднейше ходатайствуем пред Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом об отмене постановления Воронежского Губисполкома» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 48–48 об.).

18 июня 1927 г. ВЦИК отклонил просьбу верующих, а 27 июня того же года Острогжский адмтдел доложил в Воронежский Губисполком: «Все здания бывшего Писаревского монастыря, ранее занимаемые монахинями, освобождены, священное для верующих имущество передано в церковь Покрова в Новой Осинке» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 74).

Однако это донесение было сделано поспешно. В материалах дела имеется рапорт старшего милиционера, датированный 3 июля 1927 г., в котором говорится, что меры по выселению девяти монахинь и заштатного священника Митрофана Рыбалкина не дают результатов и нужно их выселить

принудительно, но затем 6 июля 1927 г. он сообщил: «выселение добровольное считать окончанным» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 60).

Отметим, что в том же 1927 г. был расторгнут договор на пользование Успенским храмом в Дивногогорском монастыре, то есть обитель была окончательно закрыта (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 101–105). В 1927 г. был закрыт Новодонецкий Предтеченский мужской монастырь под Богучаром (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1504. Л. 28, 28 об.). К 1930 г. все монастырские храмы и монастыри по Центрально-Черноземной обл. (ЦЧО) были закрыты (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1624. Л. 31–32).

После закрытия монастыря монахини стали проживать в разных населенных пунктах небольшими группами. Известно, что несколько монахинь Писаревской обители окормлялись у бывшего насельника Дивногогорского монастыря иеромонаха Иннокентия (Дубинина), который после закрытия обители в 1924 г. проживал в с. Селявное (в 2 км от монастыря). Он не принял «обновленчество»; принадлежал к «бுவескому» течению (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 46). «Бувесцами» в Воронежской епархии назывались сторонники епископа Алексия (Буя); они перестали поминать за богослужением заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и не приняли его «Декларацию» о лояльности к советской власти.

Иеромонах Иннокентий Дубинин и восемь монахинь бывшего Писаревского монастыря были арестованы 21 декабря 1929 г. Обвинялись по статье 58-10, 58-11. Вот их краткие биографические данные: Киселева Фекла Николаевна, 1886 г. рождения, уроженка с. Шестаково, находилась в Писаревском монастыре с 1905 по 1927 г.; Трофимова Наталья Борисовна, 1885 г. рождения, родилась в Коротояке, с 1906 по 1927 г. в Писаревском монастыре; Безмельцева Феодосия Ивановна, 1884 г. рождения, уроженка с. Лесное Уколово, с 1905 по 1920 г. жила в Писаревском монастыре; Липовцева Мария Павловна, 1891 г. рождения, уроженка Коротояка, с 1909 по 1927 г. в Писаревском монастыре; Марченко Ефросиния Ивановна, 1872 г. рождения, родилась в с. Гнилое Острогжского р-на, с 1905 по 1927 г. в Писаревской обители; Афоницева Прасковья Андреевна, 1884 г. рождения, уроженка с. Селянкино Верхне-Икорецкого р-на, с 1906 по 1926 г. в Писаревской обители; Гриценко Ульяна Алексеевна, 1890 г. рождения, уроженка Рамони Никитовского р-на Острогжского округа, с 1905 по 1927 г. монахиня в Писаревской обители; Сертакова Пелагея Михайловна, 1882 г. рождения, из Коротояка Острогжского округа, с 1906 по 1927 г. была монашкой в Писаревском монастыре (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 135; 136). Вместе с Писаревскими

монахинями была арестована Чиркова Матрона Анисимовна, в архивно-следственном деле нет протокола ее допроса. В отношении нее было заведено отдельное делопроизводство. Единственное, что мы знаем о ней, это то, что она отрицала обвинение, писала жалобу, что ее «незаконно содержат под стражей», и просила освободить ее по причине «преклонного возраста и плохого здоровья» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 77).

В обвинительном заключении отмечалось: «Под руководством попа Дубинина монашки обсуждали вопросы борьбы с советской властью и намечали план контрреволюционной деятельности и подготовки к восстанию, после чего монашки расходились по деревням, вели среди крестьян агитацию, призывая последних не сдавать хлеб государству... монашки распространяли всевозможные молитвенники и иконки, различного рода крестики, покрывала и другие предметы... Монашки говорили: не идите в колхозы, кто там будет, тому гореть в аду... детям будут класть печать антихриста на лоб» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 128–130).

Основной обвиняемый по делу, иеромонах Иннокентий (Дубинин), дал следующие показания: «В декабре 1924 г., где я стою на квартире, к моей хозяйке приходила ее подруга, тоже монашка из Песковатки, Чиркова. Никаких заговоров и совещаний я с ней не делал. Ко мне на квартиру приходили часто и другие монашки с просьбой разрешить им петь в церкви. Никаких собраний и агитаций против советской власти я не устраивал и монашек по селам агитировать не посылал. Виновным себя я не признаю» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 132).

Трое монахинь признали себя виновными в агитации против советской власти, приведем цитату: «Виновной себя признаю, так как, когда распространяла крестики, то говорила, чтобы они не шли в колхозы... Дубинин нам говорил, чтобы мы ездили по селам и призывали крестьян к свержению советской власти» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 133).

Другие пять монахинь отрицали свою виновность и против иеромонаха Иннокентия показаний не давали. Приведем цитату из показаний одной из обвиняемых: «Виновной в предъявленном мне обвинении я не признаю. Приехала я в Селявное Богу помолиться и поговорить, так как священник Дубинин служил по-старому, а не по обновленческому» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 134).

18 августа 1930 г. Заседание Тройки при полномочном представителе ОГПУ по ЦЧО признало обвиняемых виновными по ст. 58-10, 58-11 и постановило: Дубинина Иннокентия Фомича – расстрелять. Киселеву Ф. Н., Трофимову Н. Б., Безмельцеву Ф. И.,

Липовцеву М. П., Марченко Е. И. заключить в концлагерь сроком на три года. Афоничеву П. А., Гриценко У. А., Сертакову П. М., Чиркову М. А. заключить в концлагерь сроком на пять лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 140, 141).

В 1930 г. 2 февраля были арестованы две монахини Писаревского монастыря, проживавшие в с. Елань-Колено Борисоглебского округа. Маслова Ульяна Даниловна, 1890 г. рождения, уроженка с. Голая-Снова Землянского у. Воронежской губ., и Рылькова Февронья Никифоровна, 1872 г. рождения, уроженка с. Елань-Колено. Согласно анкетным данным, они ушли из монастыря в мир после революции 1917 г. Точные даты ухода не указываются. На допросе Маслова Ульяна Даниловна о себе сказала, что «находилась в монастыре около Острогожска всего около 17 лет» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 177 об.). Рылькова Февронья Никифоровна сказала, что прожила в монастыре около 20 лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 179 об.). Их обвиняли в том, что они входили в группу из 20 человек, занимались антисоветской агитацией, выступали против колхозов, говорили о скорой гибели советской власти; главным в группе, по мнению следствия, был священник «тихоновской» ориентации Федор Шальнев. Монахини вины не признавали, ни на кого не доносили. 24 февраля 1930 г. все арестованные по делу были признаны виновными по ст. 58-10, 58-11; священник Федор Шальнев приговорен к расстрелу, остальные осуждены к разным срокам лагерей: от 3 до 10 лет. Рылькова Февронья и Маслова Ульяна получили по 5 лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 197–198).

Еще двое монахинь Писаревского монастыря Бондарева А.Ф. 1870 г.р. и Кувыкина Н.Т. 1895 г.р. были арестованы 7 июня 1931 г. в с. Русская Матренка (ныне с. Мухомудеровка Белгородской обл.). Вместе с ними были арестованы еще 9 человек (монахи, монахини, священники), проживавшие в близлежащих селах. Главным обвиняемым был бывший Афонский иеромонах Марк (Михайловский). Все арестованные были бueвцами. Их обвиняли в антисоветской агитации, выступлении против колхозов. 15 августа 1931 г. Тройка признала арестованных виновными по ст. 58-10 и приговорила к разным срокам заключения (от 3 до 5 лет). Бывшие Писаревские монахини Бондарева А.Ф. и Кувыкина А.Т. получили по 3 года концлагеря (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 21057).

Удалось также выявить факт «мягких» репрессий в отношении бывших монахинь Писаревской обители. Так, в 1933 г. некий гражданин М. П. Алешников подал заявление в избирательную комиссию с. Новая Чигла Таловского р-на ЦЧО, в котором он просил указанную комиссию лишить избиратель-

ных прав «Краснову Татьяну, бывшую монашку, проживавшую в Писаревском монастыре все десять лет, и Потамошневу Устинью Яковлевну как служащих церковного культа, торгуют 20 лет просфорами и до сего времени. Батракову Марфу Савельевну, проживавшую много лет в монастыре монашкой, а теперь лечат лошадей и людей, это всем известно, а я Алешников, проживший год полтора певчим частным, и то лишили избирательных прав и считают меня каким-то монахом. Прошу комиссию лишить избирательных прав, к сему подписываюсь» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 27).

Лишение избирательных прав означало лишение прописки, социальных гарантий, возможности устроиться официально на работу, детям лишенных избирательных прав был закрыт путь в высшие учебные заведения.

Свято-Троицкая Писаревская женская обитель просуществовала 30 лет (1897–1927). Ее история не была богата какими-то выдающимися событиями, но в ней, как в зеркале, отразилась история Воронежского края и нашей страны. Введенные в научный оборот новые факты о ее основании, существовании, закрытии, судьбе монахинь позволяют глубже понять наше прошлое и вносят свою малую лепту в сокровищницу знаний о Воронежском крае.

Детская колония продолжила свое существование в советское время. С 1963 г. она была преобразована в школу-интернат. В 2025 г. она закрылась. Ныне идет процесс передачи зданий монастыря Россошанско-Острогожской епархии. Главе этой епархии епископу Дионисию (Шумилину) выражаем благодарность за помощь в исследовании.

Источники и материалы

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Алексеевский 1899 – Алексеевский Аполлон, свящ. Освящение церкви при хуторе Ново-Харинском (Писаревка тоже) Острогожского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 21. С. 854–856.

Мошенничество 1909 – Мошенничество // Острогожский листок (газета Острогожского уездного земства). 1909. № 47. 19 ноября. С. 2.

Ограбление Писаревского 1918 – Ограбление Писаревского монастыря // Известия (газета Острогожского Совета рабочих и крестьянских депутатов). 1918. № 62. 27 авг. С. 3.

Научная литература

Белоконов А. А. Тернистый путь. Очерки по истории России, Русской Православной Церкви, Воронежской епархии и Дивногожского монастыря в XX – начале XXI века. Воронеж: Истоки, 2023.

Белоконов А. А. Любимый город: история храмов Острогожска как отражение истории Русской Православной Церкви в XX веке. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025.

Кожин В. В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2008.

Менжулин В. А. Борьба с детской беспризорностью в Воронежском регионе в 1920–1930-е годы. Дис... канд. ист. наук / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2024.

О времени и о себе (Острогожск в воспоминаниях и исследованиях краеведов). Воронеж: Черноземье, 1997.

Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и св. г. Афону. Нижний Новгород, 1907.

Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909.

Рылов В. Ю. Концлагеря Воронежской губернии 1919–1921 гг. // Из истории Воронежского края. Вып. 17. Воронеж, 2010. С. 153–156.

Степкин В. В. Мария Шерстюкова: к 200-летию преставления основательницы Белогорской пещеры // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 30–45.

References

Belokonev, A. A. 2023. *Ternisty put'. Ocherki po istorii Rossii, Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, Voronezhskoi eparkhii i Divnogorskogo monastyrya v XX – nachale XXI veka* [A Thorny Path. Essays on the History of Russia, the Russian Orthodox Church, the Voronezh Diocese, and the Divnogorsk Monastery in the 20th and Early 21st Centuries]. Voronezh: Istoki.

Belokonev, A. A. 2025. *Lyubimyi gorod: istoriya khramov Ostrogzhska kak otrazhenie istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX veke* [Beloved City: The History of Ostrogzhsk's Churches as a Reflection of the History of the Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU.

Kozhinov, V. V. 2008. *Rossiya. Vek XX* [Russia. 20th Century]. Moscow: Eksmo.

Menzhulin, V. A. 2024. *Bor'ba s detskoi besprizornost'yu v Voronezhskom regione v 1920–1930-e gody* [The Fight Against Child Homelessness in the Voronezh Region in the 1920s and 1930s]. PhD diss., Voronezh State Pedagogical University. Voronezh.

Pavlovskii, A. A. 1907. *Vseobshchii illyustrirovannyi putevoditel' po monastyryam i svyatym mestam Rossiiskoi imperii i svyatoi gory Afon* [A comprehensive illustrated guide to the monasteries and holy places of the Russian Empire and Mount Athos]. Nizhnii Novgorod.

Rylov, V. Yu. 2010. *Kontslagerya Voronezhskoi gubernii 1919–1921 godov* [Concentration Camps in the Voronezh Province, 1919–1921]. In *Iz istorii Voronezhskogo kraia* [From the History of the Voronezh Region]. Issue 17: 153–156. Voronezh.

Stepkin, V. V. 2023. *Mariya Sherstyukova: k 200-letiyu prestavleniya osnovatel'nitsy Belogorskoj peshchery* [Maria Sherstyukova: On the 200th Anniversary of the Death of the Founder of the Belogorskaya Cave]. *Traditsii i sovremennost'* 32: 30–45.

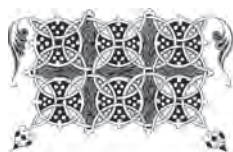
THE HOLY TRINITY PISAREV MONASTERY FOR WOMEN IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE VORONEZH REGION IN THE 19th AND 20th CENTURIES

Abstract. This article, for the first time in modern historiography, examines the origins (in 1894), subsequent activities, and closure (in 1927) of the Holy Trinity Pisarev Convent, located in the Ostrogozhsky District of Voronezh Province. The fate of some nuns after the monastery's closure is also traced. The article is based on data from the State Archives of the Voronezh Region, the State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region, and the Russian State Historical Archive. The study reveals that the convent's founders in the late 19th century were simple peasant women. By 1917, the monastic community had built residential and utility buildings, a house church, and Trinity Cathedral. In 1921, the monastery was closed, its property confiscated by the state, and the nuns were left with the church and one residential building. The confiscated premises housed various children's institutions: a colony for weak children and a colony for juvenile delinquents. The Pisarevsky Monastery was finally closed by decree of the All-Russian Central Executive Committee in 1927. This study introduces new archival data into scholarly circulation and contributes to the study of the church history of the Voronezh region and the history of the Church as a whole.

Keywords: Ostrogozhsk District, Holy Trinity Pisarevsky Monastery, orphanage, Renovatianist schism, monasticism, repression of nuns.

Authors Info: Belokonev, Andrey A. – Graduate Student, Voronezh State Technical University, Guide, Divnogorsky Svyato-Uspensky man's diocesan monastery (Voronezh, Russian Federation). E-mail: fatum.1975@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-3113-4733>

For citation: Belokonev, A. A. 2026. The Holy Trinity Pisarev monastery for women in the context of the history of the Voronezh region in the 19th and 20th centuries. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost')* 45: 81–89

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. С незапамятных времен колокола занимали важное место в жизни человека, а когда в V–XI вв. н.э. христианство стало доминирующей религией в Европе, они стали ключевым элементом церковной жизни. Колокольный звон не только призывал прихожан на молитву, но и служил символом духовного общения. Не должно поэтому удивлять, что уже в Средневековье металлурги и колокольные мастера-литейщики создали идеальный сплав меди и олова для получения прочного и звонкого колокола. Тем не менее имеется масса свидетельств о том, что с добавлением серебра в классический состав так называемой колокольной бронзы звон колокола обретает уникальное звучание, которое принято описывать как серебряный звон. Скептики утверждают, что использование серебра в колокольном сплаве не наделяет колокола особыми звуковыми возможностями, а понятие серебряного звона находит свои корни в лженауке и вымыслах алхимиков. Изучая старинные колокола с помощью современных технологий, авторы статьи доказали, что содержание серебра влияет на чистоту и мелодичность звучания колокола, а также на его лечебные свойства. Статья состоит из двух частей: первая часть посвящена истории колокольного мастерства, вторая – результатам многолетних исследований, проведенных авторами.

Ключевые слова: колокола, колокольная бронза, медь, олово, серебро, серебряный звон, колокольный звон, церковные колокола, серебряные колокола.

Ссылка при цитировании: Хохлов Н. В., Дзини С. Серебряный звон колоколов – миф или реальность (часть 1) // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 90–100

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Визуальная, цифровая и медиа-антропология в сохранении и презентации историко-культурного наследия»

Хохлов Никита Викторович (Khokhlov Nikita Viktorovich) – научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: ethno@yandex.ru

Дзини Стефания (Zini Stefania) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: stefania.zini@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7288-9422>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 90–100

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 7.011.26; ББК – 85.125.4; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/90-100>

История колоколов насчитывает более пяти тысяч лет, и это удивительное устройство прошло долгий путь, прежде чем оно стало тем, что мы знаем сегодня. Археологические находки свидетельствуют о том, что колокола использовались на Востоке еще за три тысячи лет до нашей эры. Это говорит о том, что люди с давних времен искали способы создания звуков, которые могли бы служить различным целям. Возможно, первый звон в том виде, как мы его понимаем сегодня, появился благодаря первобытному человеку, который, ударив деревянной палкой или камнем по камню, произвел звук. Эти примитивные гонги стали толчком для дальнейших экспериментов со звуком, и человек начал создавать колокольчики и колокола различных форм и размеров, используя для этого разнообразные материалы.

С течением времени, когда люди начали работать с металлами и сплавами, они, вероятно, обнаружили, что эти материалы обладают уникальными свойствами, позволяющими создавать более мелодичные и резонирующие звуки.

На протяжении веков колокола использовались для множества целей, как социальных, так и бытовых. Они служили для сбора людей на общественные мероприятия, оповещения о радостных или печальных событиях, а также для обозначения времени. Колокольный звон также использовался как сигнал, предупреждающий о пожаре, нападении врагов или других чрезвычайных ситуациях. В сельском хозяйстве колокольчики на шеях скота помогали находить потерявшихся животных. Кроме того, колокола и колокольчики стали важными декоративными элементами, которые украшали одежду, а также использовались как музыкальные инструменты. В культурах многих народов колокола имели особое значение и были важным атрибутом шаманов, которые использовали их для проведения ритуальных обрядов.

Интересно, что колокольный звон также применялся народными лекарями, которые верили, что этот звук способен исцелять людей от различных недугов.

С переходом к христианству в IV в. н. э., когда римляне начали массово принимать эту религию, колокола приобрели новое значение. При поддержке императоров христианство стало государственной религией, и колокола стали неотъемлемой частью церковной жизни. Звон колоколов созывал верующих на молитву, сопровождал важные моменты богослужения и оповещал о церковных праздниках. В те времена, вероятно, звонари продолжали бегать по улицам, звоня в колокола, как это было принято среди римлян, которые так напоминали людям о начале работы общественных бань.

Однако настоящая революция в использовании колоколов произошла около 400 г. н.э. в итальянском регионе Кампания, когда епископ Paulinus из города Нолы (Павлин Ноланский) предложил установить один большой колокол на крыше местной церкви, чтобы оповещать людей о начале молитвы. Это новшество стало основой для дальнейшего распространения колокольного звона в церковной практике. С его именем стали связывать создание первых христианских колоколов. Павлин, живший в период с 353 по 431 г., был причислен к лику святых, и его личность окружена множеством легенд. Одной из самых известных историй является рассказ о том, как епископ вдохновился звуками природы. Однажды, возвращаясь после обхода своей паствы, он услышал мелодичный шелест полевых цветов, напоминающих колокольчики. Эти звуки настолько поразили его, что он решил воплотить их в виде музыкального инструмента.

Святой Паулин, епископ Нолы. Автор: Джакомо Таис. 1729 г. Холст, масло, 250х150 см. Церковь Санта-Мария-Маддалена, Пеша (Тоскана, Италия)

Для реализации идеи Павлин построил в своем саду специальную печь, где начал экспериментировать с материалами. Он создал глиняную форму, повторяющую форму цветка колокольчика, и залил в нее сплав металлов, состоящий из меди, олова и висмута. Таким образом, как гласит легенда, был изготовлен первый христианский колокол.

Однако, несмотря на красоту этой истории, в сохранившихся сочинениях святого Павлина упоминания о создании колоколов отсутствуют. Более того, в конце XIX в. археологи пришли к выводу, что производство колоколов, организованное епископом в Ноле, не являлось чем-то совершенно новым. Основная заслуга Павлина заключалась в усовершенствовании технологии и увеличении размеров колоколов, что сделало их более мощными и звучными.

Город Нола, благодаря своим природным богатствам, стал важным центром колокольного производства. В окрестностях города находились богатые залежи руды и глины. Колокола, изготовленные в Ноле, пользовались огромной популярностью и экспортировались в различные страны Европы. Именно от названия Нолы произошли латинские термины «campana» и «pola», обозначающие колокола и маленькие колокольчики соответственно (Keane 1914: 94–99).

При папе Сабиниане, который правил в начале VII в., использование церковных колоколов стало повсеместным. Колокола начали не только сигнализировать о начале служб, но и стали символом христианской веры.

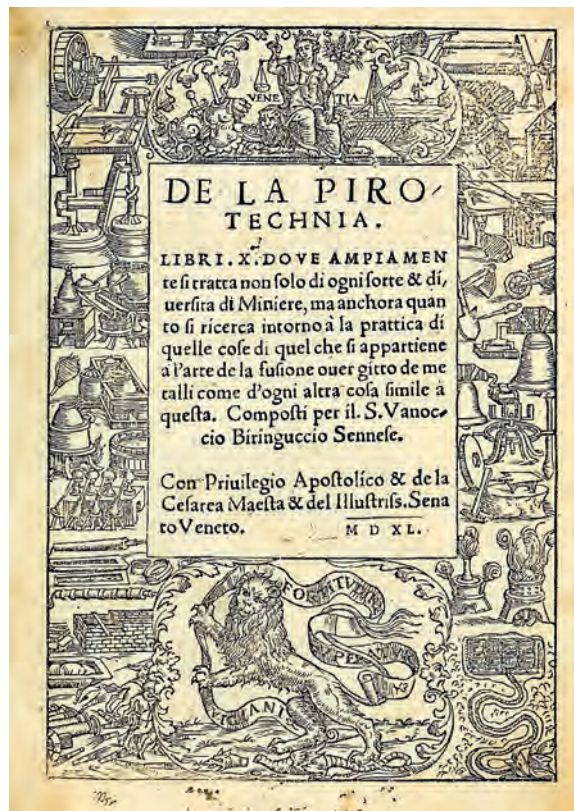
Поскольку колокола стали неотъемлемой частью церковной жизни, в монастырях и церквях начали появляться первые литейные цеха, где изготавливались колокола, а священники, аббаты и епископы выступали в роли колокольных мастеров и литейщиков.

До XVI в. в России не существовало колокольных мастерских. До этого времени колокола, используемые в церквях, привозились из Италии. Но когда в России зародилось искусство колокольного литья, оно очень быстро распространилось, и к концу XVI в., как говорят, в Москве и ее окрестностях насчитывалось более пяти тысяч колоколов. Среди них немало колоколов из сплава, содержащего серебро.

Вопрос о том, из каких материалов изготавливались церковные колокола в Средневековье, только на первый взгляд может показаться давно решенным.

Один из ярких представителей научной металлургии того времени, итальянский инженер Ванноччо Бирингуччо (1480–1539) внес значительный вклад в понимание технологий, связанных с про-

изводством колоколов. В своем основополагающем труде под названием «De la Pirotechnia», изданном в 1540 г., он представляет подробное описание всех этапов изготовления колоколов начиная с создания глиняной модели и заканчивая заливкой расплавленного металла в подготовленную яму.

Обложка книги В. Бирингуччо «De la Pirotechnia» (1540 г.)

В своей книге, которую многие считают первой настоящей технической энциклопедией, Бирингуччо систематизировал секреты литья и подробно описал материалы, используемые для изготовления колоколов. В частности, он акцентировал внимание на так называемой колокольной бронзе, которая представляла собой сплав меди и олова. Классическая формула колокольной бронзы включает в себя 75–80% меди (Cu) и 20–25% олова (Sn). Согласно Бирингуччо, высокое содержание олова в сплаве придает бронзе необходимую прочность, но в то же время делает ее достаточно мягкой, что способствует формированию чистого, продолжительного и звучного тона. При этом он также обращал внимание на чистоту меди, утверждая, что это также имеет важное значение для конечного результата (Biringuccio A. D. MDXL: 94–101).

Основывая свои выводы исключительно на опытным подходе, на практических данных и наблю-

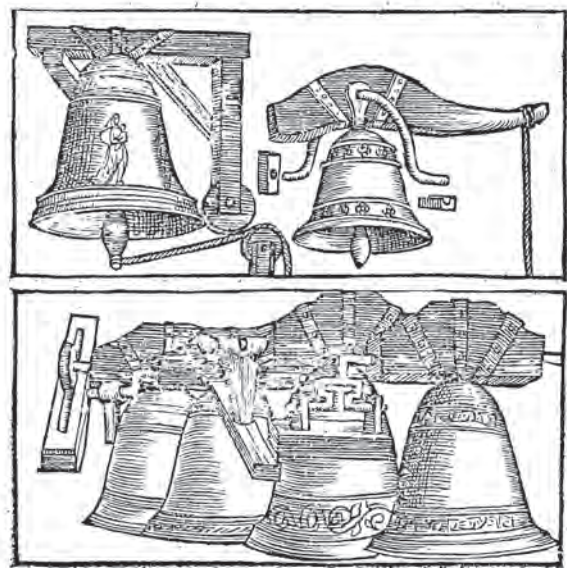
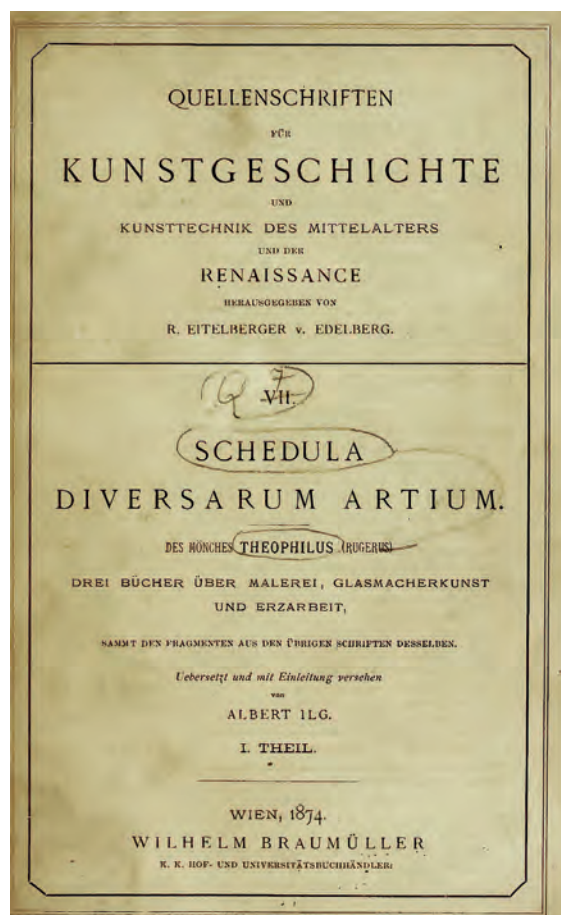

Иллюстрация из книги В. Бирингуччо «De la Pirotechnia». Libro 6. С. 100

дениях, Бирингуччо резко критиковал алхимиков, называя их шарлатанами. Он также отрицательно относился к распространенному в средневековых текстах понятию «серебряного звона», которое подразумевало, что добавление серебра в сплав колокольной бронзы может улучшить звучание колокола. В его понимании, это была всего лишь легенда, не имеющая научного основания: качество звона не зависело от добавления серебра, а было связано исключительно с правильным составом сплава и мастерством литейщика.

Интересно, что подобные взгляды разделял и его предшественник – пресвитер Теофил, монах бенедиктинского ордена, писатель, который жил в начале XII в.

Он является предполагаемым автором компилятивного латинского труда, известного как «Записка о разных искусствах» (лат. *Schedula diversarum artium*). В книге подробно описаны различные ремесленные техники Средневековья, включая литье колоколов. Теофил подчеркивал важность правильного выбора материалов и технологий, используемых в производстве. Медь должна быть чистой, олово очищенным от примесей (Theophilus 1874). Подобно Бирингуччо, автор «Записки...» акцентирует внимание на том, что состав сплава для производства колоколов определяется строгими пропорциями меди и олова (4:1). Их необходимо соблюдать для получения прочного изделия, желанного звона и резонанса, характерного для колоколов. В целом, этот состав сплава для производства колоколов, описанный Теофилом и Бирингуччо, с отклонением в небольших процентах, сохранялся вплоть до наших дней.

Обложка книги пресвитера Теофила «Schedula diversarum artium» (1874 г.)

Важно, однако, подчеркнуть, что к строгому рецепту колокольной бронзы пресвитер Теофил добавил комментарий, будто использование в сплаве серебра и золота улучшает колокольный звон (Металлургия и время 2011).

Еще одно упоминание об использовании серебра в колокольной бронзе находится в «Травнике Любчанина». Этот энциклопедический лечебник был переведен в XVI в. с немецкого издания *Gart der Gesundheit* Николаем Булевым (нем. Nicolaus Bülow, Немчин, Любчанин; ок. 1465[1] – ок. 1548), служившим личным врачом великого князя Василия III. В книге описываются лечебные и особые свойства множества растений, минералов и других элементов природного происхождения. Касательно процесса литья колоколов подчеркивается, что «Обычная или красная медь издает звук, но не очень громкий. Однако если добавить к ней олово, серебро или золото, то звук станет более мелодичным» (Владышевская 1998).

Так, вопрос о том, из каких материалов изготавливались церковные колокола в Средневековье, остается открытым.

Сохранившийся фрагмент страницы из «Травника Любчанина». Около 1534 г.

Многие историки убеждены, что добавление серебра в колокольную бронзу относится скорее к разряду мифов или поздних традиций, связанных с благочестивыми пожертвованиями. Дело в том, что в старину серебро считалось благородным металлом, символом чистоты и духовности, поэтому люди охотно верили, что его присутствие в колоколах может придать им особую святость и улучшить их звучание.

Другие считают, что это поверье возникло из-за того, что излом колокольной бронзы имеет характерный серебристый блеск, что могло навести на мысль о наличии в сплаве серебра.

Третьи убеждены, что добавление серебра в состав колокольной бронзы наряду с основными его компонентами – медью и оловом, не улучшает, а ухудшает звучание колоколов; что использование серебра в колокольном сплаве неоправданно удорожает стоимость изделия (Глушецкий 2017).

Отсутствие или незначительное наличие серебра в большинстве существующих колоколов, появившихся за последние нескольких столетий, играют на стороне скептиков понятия «серебряного звона».

Колокольчик с надписью «Съ серебромъ». XIX в. Частная коллекция

Однако есть и другая версия, согласно которой добавление серебра в колокольную бронзу могло быть тайной, хорошо известной литейщикам прошлого. Эти искусные мастера понимали, что более мягкие металлы, такие как серебро, способны замедлять звуковые волны, что, в свою очередь, позволяет создавать уникальные оттенки звука, известные как «серебряный звон».

Российский писатель Валентин Рычков отметил, что «там, где маленькие тайны порождают сплетни, большие тайны порождают мифы». Не случайно у многих народов есть свои истории, часто переплетавшиеся с легендами, о серебряных колоколах и их особых свойствах.

Ниже приводим несколько примеров из разных уголков мира.

В житии Карла Великого рассказывается, что в Санкт-Галленском аббатстве (Швейцария) колокольный мастер по имени Танхо изготовил колокол, звучание которого очень понравилось императору. Танхо попросил Карла Великого предоставить ему большое количество меди, а вместо олова – серебро, около ста фунтов, чтобы «отлить такой колокол, что другие по сравнению с ним покажутся немymi». Получив необходимое количество меди и серебра, Танхо решил всех перехитрить: отложив серебро для себя, он сделал колокол из меди и олова, думая, что никто не заметит разницы. Однако чуда не произошло: все попытки заставить его звучать оказались безуспешными. Судьба наказала колокольного мастера-обманщика, который был убит медной глыбой, упавшей с высоты на его голову, а ворованное серебро было найдено и распределено, по воле императора, среди беднейших слуг его дворца.

Колокол Челлини. Британский музей, Лондон.

Даже если считать это всего лишь мифом, в его основе все же лежит реальный факт: мастер-литейщик Танхо понимал, что добавление серебра в сплав придаст колоколу уникальное звучание (Coleman 1928: 34–38).

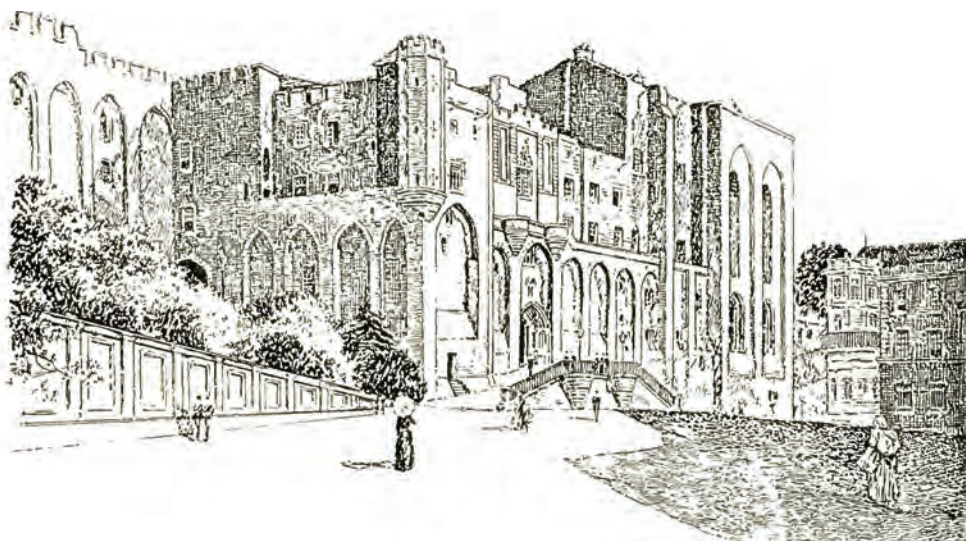
Знаменитый серебряный «колокол Челлини» был создан в середине XVI в. для папы Климента VII. На протяжении веков он считался произведением флорентийского мастера Бенвенуто Челлини, так как его работы всегда отличались невероятной детализацией и этот колокол не был исключением.

Тщательно проработанные рельефы колокола, изображающие древние маски, цветы, насекомых, а также змей, выполнены с поразительным реализмом.

Этот колокол, высотой приблизительно 13,30 см, с диаметром по краю 9,70 см, полностью изготовленный из драгоценного металла, использовался папой для наложения папского проклятия на существ, изображенных на колоколе, когда они становились слишком многочисленными в стране. Считалось, что произнесенное папой проклятие, усиленное звоном колокола, оказывало мощное воздействие на окружающую природу, защищая людей от злых животных и демонов.

В 1967 г. настоящим автором колокола Челлини, который сегодня хранится в фондах Британского музея, был признан ювелир Венцель Ямницер, но это не меняет его предназначение, исходящее из народных поверий и христианских традиций. Серебро издавна считается мощным оберегом от злых духов и нечистой силы, а эти убеждения, в свою очередь, основываются на исторически признанных целебных свойствах этого металла (Пирогова и др. 2023: 286–293; Alexander 2009: 289–292).

Знаменитый город Авиньон, расположенный на юге Франции, в свои лучшие времена славился тремя сотнями колоколов и получил прозвище «город звонарей». В его соборе находился уникальный серебряный колокол, который был известен своей необычной способностью звонить якобы самостоятельно. Этот колокол в Авиньонском соборе использовался для объявления о восшествии на папский престол нового папы. Когда же папа умирал, утверждали, что колокол звонил непрерывно в течение целых 24 часов (Coleman 1928: 233–235, 250). Одушевление колокола можно рассматривать как сказочное представление его особого «серебряного звона» (Okey 1911).

Папский дворец в Авиньоне. Гравюра из книги: *Okey T. The Story of Avignon*, изданной в Лондоне в 1911 г. С. 212. Автор иллюстраций – Percy Wadham

Вид на Авиньон с острова Бартеласс. Гравюра из книги: *Okey T. The Story of Avignon*, изданной в Лондоне в 1911 г. С. 148. Автор иллюстраций – Percy Wadham

Существует множество легенд о колоколах, которые своим звоном будто бы произносили слова или даже пели. Подобная история связана с колоколом, находившимся в старинной церкви города Кремпе, расположенного в Гольштейне – исторической области Германии. Рассказывается, что пока отливали этот колокол, жители окрестностей приносили серебряные украшения, кольца, нательные кресты, монеты и другие изделия из серебра и бросали их в расплавленную колокольную бронзу. Люди верили или знали, что серебро придает колоколу особый звон, и охотно участвовали в созидании храмового голоса. Правда, скептики утверждают, что прихожане кидали свои серебряные изделия не в расплав, а бросали их в огонь костра. Хитрые колокольные литейщики вытаскивали из золы серебряные дары прихожан, как только церемония

пожертвования кончалась и мастерская пустела (Металлургия и время 2011).

Так или иначе, во всем христианском мире отливка колокола считалась священным событием, и похожие истории встречаются в разных странах. В США, например, так называемый Колумбийский колокол Свободы был отлит в 1893 г. для Всемирной выставки в Чикаго для того, чтобы звонить в годовщину независимости страны. Более двухсот тысяч американцев внесли свой вклад в изготовление этого колокола, пожертвовав золотые и серебряные изделия, часы, ценные реликвии, ожерелья и тысячи серебряных ложек. Все они были переплавлены в колокольную бронзу.

Сведения о применении серебра в процессе отливки колоколов можно также найти в японских легендах. Однажды один японский литейщик получил

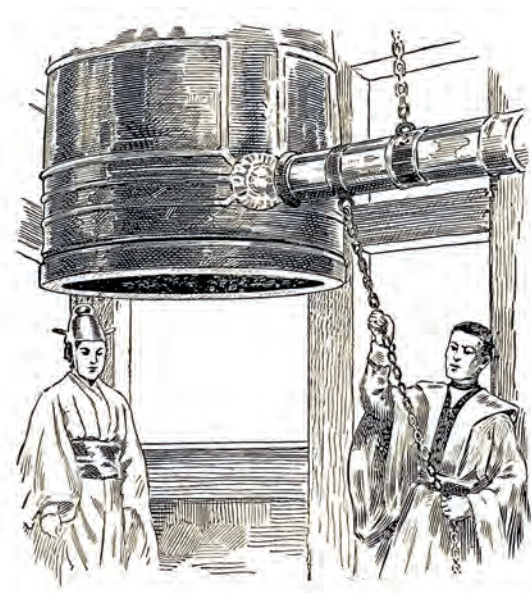
Колумбийский колокол Свободы. 1876 г.
Иллюстрация из книги: *Satis N. Coleman. Bells. Their history, legends, making and uses.* Chicago; New York, 1928. С. 283

задание создать набор колоколов, способных издавать уникальный и неповторимый звон, ранее не слышанный никем. Мастер начал расплавлять тайную смесь из металлов, серебра и золота, но по какой-то причине металлы не смешивались. В этот момент к нему на

помощь пришел мудрец, который, наблюдая за происходящим, предложил добавить в смесь немного «девичьего сияния». Услышав совет мудреца, дочь колокольного мастера бросилась в плавильный котел, и сразу серебро смешалось с золотом и колокол получился прекрасным. А его звон оказался настолько сильным, что, когда колокол звонил, все бросали свои занятия и слушали тот самый серебряный звон.

Неслучайно рассказы о старинных русских колоколах мы оставили напоследок: именно в России в 1730–1735 гг. был отлит самый знаменитый колокол в мире – Царь-колокол. И содержание серебра в составе сплава этого уникального колокола доказано и вовсе не является мифом. Химический состав Царь-колокола, общая масса которого составляет 202 т, вызывал интерес на протяжении столетий, поэтому анализы проводились несколько раз. Первый серьезный анализ был осуществлен предположительно в 1836 г., в период подготовки к подъему колокола из ямы. Наиболее точное исследование было проведено специалистами Военной академии имени Дзержинского и сотрудниками института «Гипроцветмет» в 1970-х годах, в рамках масштабной реставрации Кремля и изучения памятников литейного искусства.

В составе сплава были выявлены медь (~84,5%), олово (~13,2%), сера (~1,2%), серебро (0,25% – около 525 кг) и золото (0,03% – около 72 кг) (Пыляев 2008: 31–54; Иванова 2015: 32–33).

Японский метод удара в широкий колокол.
Иллюстрация из книги: *Satis N. Coleman. Bells. Their history, legends, making and uses.* Chicago; New York, 1928. С. 323

Царь-колокол. Стекланный диапозитив; 3,25 x 3,25 дюйма. Формат: неподвижное изображение.
Из коллекции диапозитивов семьи Бриттингем.
1897–1922 гг. Архив Университета Висконсин-Мэдисон. URL: https://search.library.wisc.edu/digital/ABT25RVSZNLZYC9B?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

В книге «Колокола» писатель и богослов Сергей Дурюлин (1886–1954) художественно описывает, настолько сильно серебряный голос колоколов отличается от обычного колокольного звона. Все зависит от наличия в колокольном сплаве серебра и золота, которых, как красочно и неоднократно объясняет автор, должно быть много.

«На соборной колокольне... Темьяна висели колокола», – так начинается книга с описанием этого вымышленного старого губернского города. «Одни из них были безымянны. У других были имена: Воеводин, Голодай, Разбойный, Плакун, Княжин, Наполеон, Разгонный, Васин, Соборный... Всех старей из колоколов был Воеводин. Колокол давно оглох и онемел. Висел он без языка, щербатый, седой от времени и от зелени. Лит он был из уральского серебра, и те, кто в Темьяне помнили его звон, те сказывали, что звон у Воеводина колокола был мягкий, стлался над городом серебряной рябью, как ветерок по воде, и был звон умиротворен, как вечеряющая старцева беседа <...> Колокол старел: звон его, некогда сильный и звучный, делался все тише, но все серебристее, мягче, добрей... вся медь в нем отзвучала, звучало теперь одно чистое серебро; и наконец, замолк колокол <...>

Третий колокол – Разбойный. В нем много серебра: далеко рассыпается серебряная россыпь. Колокол сыплет над городом не одно серебро, но и золото: немало было брошено его в колокольную плавь, – тяжкого, красного, разбойного золота» (Дурюлин 2014).

Был в России один уникальный колокол, так называемый Царский серебряный колокол, история которого связана с трагическим событием 17

октября 1888 г. В тот день император Александр III вместе с семьей и свитой возвращался на поезде из Крыма. Недалеко от станции Борки Харьковской губ. поезд внезапно сошел с рельсов. В вагоне, где ехала царская семья, было много погибших и раненых, но чудом из членов императорской семьи никто серьезно не пострадал. По случаю их спасения был организован сбор пожертвований для строительства храма Христа Спасителя, недалеко от места катастрофы, а напротив него – часовни Нерукотворного Спаса. Духовенство Харьковской епархии также решило отлить колокол из чистого серебра весом в 10 пудов.

Колокол предполагалось разместить на особом кронштейне на наружной стене колокольни харьковского Кафедрального собора и ежедневно звонить в течение пяти минут, в то самое время свершения чуда спасения императорской семьи. Количество поступивших пожертвований для строительства колокола превзошло все ожидания, и за один месяц собрали сумму, позволившую отлить колокол в два раза тяжелее, весом примерно в 328 кг. Серебряный колокол, который был торжественно поднят на соборную колокольню 14 октября 1890 г., звонил каждый день строго в установленное время до тех пор, как он внезапно исчез в постреволюционные годы.

После долгих поисков выяснилось, что серебряный Царский колокол был отправлен на переплавку на Монетный двор, а полученные за него средства отданы в пользу детей-сирот. Серебряный Царский колокол имеет, таким образом, двойное историческое значение: с его гибелью начался процесс массового уничтожения колоколов по всей стране (Фомичёв 2014: 40–43).

Катастрофа императорского поезда. 1888 г. Фотография Алексея Михайловича Иваницкого (1854–1920). Фотография из открытых источников. URL: <https://foto-history.livejournal.com/2480084.html>

О значительном количестве серебра в колоколах также упоминается в современной литературе. В книге «Самые знаменитые клады России» в рассказе «Малиновый перезвон» авторы подчеркивают, что «... для усиления и облагораживания звука, создания невероятного, звучного, “малинового” отзвука, некоторые партии колоколов отливали по несколько иной технологии. В качестве исходного материала брался сплав красной меди и серебра. Причем масса серебра в сплаве достигала 42%!» (Косарев, Сотсков 2004: 77–94).

Серебряный звон колоколов – миф или реальность? Основные компоненты колокольной бронзы – медь и олово. Как пишут во многих источни-

ках, они должны быть чистыми от примесей, но, как мы понимаем, в XVI–XIX вв. получить чистую электролитическую медь и олово было невозможно. К тому же мы находим большое количество информации о добавлении в колокольный сплав серебра.

Во второй части статьи мы представим детальный химический состав различных колоколов, отлитых в XVI–XIX вв. в разных регионах России. Сравним акустические характеристики колоколов с разным химическим составом – классическая колокольная бронза и с добавлением серебра. Результаты исследований помогут раскрыть секрет серебряного звона.

Источники и материалы

Владышевская 1998 – Владышевская Т. Ф. Древнерусские колокола и звоны // Русское возрождение. № 72. Нью-Йорк; М.; Париж, 1998. С. 63–95 // РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. 2010. URL: <http://www.rusarch.ru/vladyshetskaya1.htm> (дата обращения 05.03.2026)

Глушецкий 2017 – Глушецкий А. А. Колокольчики «съ серебромъ» – особое изготовление или рекламный прием // Чудеса и приключения. 2008. № 1 // Сайт «Колокольная галерея». 18.10.2017. URL: <https://www.showbell.ru/blog/wp-content/uploads/glushetsky/statya-s-serebrom.pdf> (дата обращения 27.02.2026)

Дурылин 2014 – Дурылин С. Н. Колокола. Избранная проза. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014.

Металлургия и время 2011 – Карабасов Ю. С., Черноусов П. И., Коротченко Н. А., Голубев О. В. Металлургия и время: Энциклопедия. Т. 1: Основы профессии. Древний мир и раннее средневековье. М.: Издательский дом МИСиС, 2011. – Глава 10. Бронзовый голос средневековья. Разделы «Первая техническая энциклопедия Теофила Пресвитера» и «Традиции и хитрости литейщиков колоколов» // Сайт Национального исследовательского технологического университета МИСиС. URL: <https://remote.misis.ru/courses/170/pages/1-dot-10-bronzovyi-gholos-sriednieviekovia>, а также сайт StudFiles. URL: <https://studfile.net/preview/5226857/page:16/> (дата обращения 01.03.2026)

Научная литература

Иванова Т. А. История создания Царь-колокола // Электронный сборник материалов Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектив Свободный-2015», посвященной 70-летию Великой Победы (Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15–25 апреля 2015 г.). Красноярск, 2015.

Косарев А. Г., Сотсков Е. В. Самые знаменитые клады России. М.: Вече, 2004.

Пирогова Ю. А., Котова Т. В., Вальнюкова А. С., Федорова Ю. С., Тихонова О. Ю., Кучмистов М. А., Зорниченко Г. И., Жалсрай А. Влияние серебра на живой организм // Интеграция теории и практики в медицине: достижения и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 26–27 апреля 2023 г.) / отв. ред. Ю. С. Федорова, В. В. Халахин, Т. В. Котова. Кемерово: КемГМУ, 2023.

Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы // Исторические колокола (Старое жительство). М.: Эксмо, 2008. С. 31–54.

Фомичёв М. В. Утраченные колокола Первой мировой войны // Культурное наследие России. 2014. № 6(3), июль–сентябрь. С. 40–43.

Alexander J. W. History of the medical use of silver // Surgical Infections. 2009. Vol. 10. № 3. <https://doi.org/10.1089/sur.2008.9941>

Biringuccio V. A. D. MDXL [1540]. De la Pirotechnica. Veneta: Appresso P. Gironimo Giglio e compagni.

Coleman S. N. Bells. Their History, Legends, Makings and Uses. Chicago; New York: Rand McNally & Company, 1928.

Keane S. Bells and Their Origin // The Irish Monthly. 1914. 42(488) // Цифровая платформа JSTOR (цифровая библиотека и электронный архив), URL: <https://www.jstor.org/stable/20503518>

Okey T. The Story of Avignon. London: J. M. Dent & Sons, Ltd.; New York: E.P. Dutton & Co, 1911.

Theophilus Presbyter. Schedula diversarum artium. Liber Tertium. Wien: Wilhelm Braumüller K. K. Hof- und Universitätsbuchnändler, 1874.

References

- Fomichyov, M. V. 2014. Utrachennyye kolokola Pervoj mirovoj vojny [Lost Bells of World War I]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* 6(3): 40-43.
- Ivanova, T. A. 2015. Istoriya sozdaniya Csar'-kolokola [The History of the Tsar Bell]. In *Elektronniy sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Prospekt Svobodnyj-2015», posvyashchennoj 70-letiyu Velikoj Pobedy (Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 15–25 aprelya 2015)* [Electronic collection of materials from the International Conference of Students, Graduate Students, and Young Scientists «Prospect Svobodny 2015», dedicated to the 70th Anniversary of the Great Victory (Krasnoyarsk, Siberian Federal University, April 15–25, 2015)]. Krasnoyarsk.
- Kosarev, A.G., and E.V. Sotskov. 2004. *Samye znamenitye klady Rossii* [The Most Famous Treasures of Russia]. Moscow: Veche.
- Pirogova, Yu. A., et al. 2023. Vliyanie serebra na zhivoy orgaizm [The Effect of Silver on a Living Organism]. In *Integratsiya teorii i praktiki v medicine: dostizheniya i perspektivy: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kemerovo, 26–27 aprelya 2023)* [Integration of Theory and Practice in Medicine: Achievements and Prospects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Kemerovo, April 26–27, 2023)], ed. by Yu. S. Fedorova, V. V. Khalakhin, and T.V. Kotova. Kemerovo.
- Pylyayev, M. I. 2008. Zamechatel'nye chudaki i originaly [Wonderful Eccentrics and Originals]. In *Istoricheskie kolokola (Staroe zhit'e)* [Historical Bells (Old Life)]. Moscow: Eksmo.
- Alexander, J. W. 2009. History of the medical use of silver. *Surgical Infections*. Vol. 10. № 3. <https://doi.org/10.1089/sur.2008.9941>.
- Biringuccio, V. A.D. MDXL [1540]. *De la Pirotechnia*. Veneta: Appresso P. Gironimo Giglio e compagni.
- Coleman, S. N. 1928. *Bells. Their History, Legends, Makings and Uses*. Chicago: New York: Rand McNally & Company.
- Keane, S. 1914. Bells and Their Origin. *The Irish Monthly* 42(488). <http://www.jstor.org/stable/20503518>
- Okey, T. 1911. *The Story of Avignon*. London: J. M. Dent & Sons, Ltd.; New York: E.P. Dutton & Co.
- Theophilus Presbyter. 1874. *Schedula diversarum atrium. Liber Tertium*. Wien: Wilhelm Braumüller K. K. Hof- und Universitätsbuchnändler.

THE SILVER BELL RINGING – MYTH OR REALITY (PART 1)

Abstract. Since time immemorial, bells have played an important role in human life and, when Christianity became the dominant religion in Europe in the 5th–11th centuries AD, they became a key element of church life. Bell ringing not only called parishioners to prayer. It also served as a symbol of spiritual communion. It should therefore come as no surprise that, as early as the Middle Ages, metallurgists and bell foundries found out the ideal alloy for producing a durable and resonant bell: copper and tin. However, there is ample evidence that the addition of silver to the classic alloy, known as bell bronze, gives the bell a unique ringing, commonly described as the silver bell ringing. Skeptics argue that using silver in bell alloys does not impart any special ringing to bells, and that the concept of silver ringing is based on pseudoscientific beliefs and the myths of alchemists. By studying ancient bells using modern technology, the authors of the article demonstrated that the silver contained in bells influences the purity and melodiousness of their sound, as well as their healing properties. The article consists of two parts: the first one is devoted to the history of bell making, the second, to the results of the authors' many years of research.

Keywords: bells, bell bronze, copper, tin, silver, silver ringing, bell ringing, church bells, silver bells.

Authors Info: Khokhlov, Nikita V. – Researcher fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: ethno@yandex.ru

Authors Info: Zini, Stefania – Ph. D. in History, Researcher fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: stefania.zini@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7288-9422>

For citation: Khokhlov, N. V., and S. Zini. 2026. The Silver Bell Ringing – Myth or Reality (Part 1). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 90–100

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2026 К. В. Цеханская
Москва, Россия

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ КИРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЦЕХАНСКОЙ- СТАРШЕЙ (1917–2012)

Аннотация. В публикуемых воспоминаниях описываются судьбы и повседневность представителей дворянского сословия в послереволюционный период, а также жизнь одной семьи в 50-е годы XX в. На основе биографических данных представлена картина борьбы за выживание представителей исчезнувшего класса в новых исторических условиях.

Ключевые слова: воспоминания, дворянская семья, послереволюционное время, повседневность, послевоенный период, репрессии.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Семейные хроники: Воспоминания Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012). Публикация и комментарии К. В. Цеханской // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 101–119

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirilla2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 101–119
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 82.941; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/101-119>

Предисловие

Воспоминания, эпистолярное наследие, дневниковые записи составляют важнейшую часть не только узкосемейного, но и национального исторического наследия.

И отдельно, и в своей совокупности они позволяют произвести точный, аутентичный культурно-антропологический анализ прошлого и увидеть не только трагизм, но и сложное многообразие ушедшей эпохи, в данном случае – советского времени.

Несомненно, из ярких или обыденно скромных воспоминаний людей советского прошлого не только воссоздается бытовая, культурная, часто драматическая канва истории – и личной, и общественной, но также определяются созидающие энергии времени со всеми их плюсами и минусами.

Воспоминания о советском жизнеустройстве, о судьбах людей позволяют укрепить духовную связь поколений, сохранить преемственность семейных традиций и ценностей, но главное – они помогают осознать, как важно оставаться человеком в любой обстановке, в любом лихолетье времен.

Воспоминания моей мамы – Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012) писались начиная с 1997 г. с перерывом в два-три года.

Мама всю жизнь проработала в КБ «закрытого» военного завода, поскольку закончила Московский авиационный институт и была отличным инженером-конструктором. Ее аппараты «летали» спустя много лет после ее ухода на пенсию. Мама умерла в возрасте 95 лет в 2012 г. и похоронена на Введенском (Немецком) кладбище.

Судьба моего папы – Владимира Ивановича Цеханского (1907–1993) – сложилась очень непросто, он прошел тернистый путь: репрессии 1932 и 1951 гг., ссылка, война, плен – в 1955 г. он был реабилитирован и вернулся в Москву. При получении паспорта спросили: «Какой Вам выдать паспорт – постоянный или временный?» Он сказал, что, конечно – постоянный. Однако это была ошибка. Паспорт выдавался на основании предоставленного документа, а это был документ о пребывании в Костромском лагере. Такая пометка известна всем отделам кадров. Надо было взять временный, а затем, уже на его основании, получить «чистый» документ. Поэтому несколько лет нигде не удавалось устроиться на работу. Узнали об этом много позже. Помог с паспортом Сергей Владимирович Михалков, у которого папа последние годы работал секретарем. Папа умер в 1993 г., похоронен на Введенском (Немецком) кладбище.

Вниманию читателей предлагается фрагмент «Воспоминаний» – с дополнениями и исправлениями¹.

Герб рода Местергази

Семейные хроники: Воспоминания Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012)

Свои воспоминания я хочу начать с краткого изложения своего происхождения.

Я, Кира (1917 г.р.), как и мой старший брат Алексей (1913–2001 гг.) и младший брат Михаил (1918–2000 гг.) родились в дворянской семье. Старший брат родился в Царском Селе и был наречен Алексеем в честь своего деда со стороны матери – Алексея Андреевича Лосева. Младшему брату, по просьбе отца, было дано имя Михаил в честь другого дедушки – Михаила Казимировича Местергази. Брат, как и я, родился в Калуге.

Дедушка (отец моего отца) Михаил Казимирович Местергази умер в 1910 году. Он был в чине генерала артиллерии. Участвовал в Турецкой кампании, был кавалером многих орденов и медалей. Похоронен в Калуге, на Крестовском кладбище, которое в 30-е годы XX века превратили в строительную площадку и все было снесено. Кладбище было при мужском монастыре. Я помню, что когда мы ходили на могилы, то часто встречали монахов, которые ухаживали за фруктовым садом, который находился с другой стороны от кладбища. На этом кладбище, кроме дедушки, были похоронены бабушка, его жена и две дочери.

Очевидно, в период между 1913 и 1917 годами мой отец – Владимир Михайлович (старший сын) – заказал в Петербурге памятник. Это был камень с человеческий рост из черного гранита. Форма в миниатюре была в точности наподобие постамен-

Кира Владимировна Цеханская-старшая. Все фотографии из личного архива автора

та к памятнику Петру I в Петербурге. В углублении по идее должны были стоять образ и лампада, но это уже сделать не успели. Камень стоял на большой бетонированной плите. Уже позднее, когда из братских корпусов устроили детский сад, к могиле бабушки была проложена ухоженная дорожка, а в углублении камня вместо иконы стоял портрет Сталина. Очень долго камень не могли сдвинуть с места, настолько он был тяжел и фундаментально смонтирован. Позднее, в 30–40-е годы, камень исчез, а все кладбище застроили жилыми корпусами. В свое время о переносе могил не могло быть и речи. Не было ни материальных средств, ни возможности поднять голос в защиту праха «царского» генерала и его семьи.

Род Местергази записан в 3-ю дворянскую родословную книгу, и по документам, хранящимся у Алексея (старшего моего брата), впервые род упоминается в царствование Николая I. При Александре II мой пращур был произведен в полковники. Род Местергази имеет корни от венгров (по рассказам старших). Перед революцией и до нее Местергази жили в Калуге. Были небогаты. Имели небольшое имение под Калугой (Перцово) и два дома в Калуге – один из них принадлежал отцу моей бабушки (Софьи Владимировны) – врачу Владимиру Егоровичу Кричевскому, а другой – моему деду – генералу Михаилу Казимировичу Местергази.

Михаил Казимирович имел трех сыновей – Владимира, Михаила и Василия. Две дочери умерли: одна в младенческом возрасте, 7 лет (Софья), дру-

гая, Ольга, умерла в 17 лет от менингита.

Наш дед со стороны мамы тоже был военным, служил в Кирасирском полку, к которому был приписан государь Александр II. После рождения моей мамы в 1885 году он вышел в отставку в чине полковника и со своей женой – Лидией Павловной (урожденной Павлицевой), моей бабушкой, уехал из Царского Села в свое имение в Орловской губернии, где умер, когда маме было 7 лет. В моем метрическом свидетельстве от 1917 года сказано, что моими восприемниками (крестными отцом и матерью) были сенатор Александр Александрович Офросимов и жена генерал-майора Софья Владимировна Местергази. Наша семья, лишившаяся всего во время революции 1917 года (тогда, в моем детстве, официально это событие называли Октябрьским переворотом), пережила вместе со всем русским народом все ужасы сталинщины и временщиков советской России. Раннее детство, юность, да и часть зрелых лет были украдены у нас этим временем.

Одному Богу известно, как нашей матери удалось не только сохранить нам, троим ее детям, жизнь, но и воспитать в нас любовь к людям, любовь к труду и своей Родине, и все это в необычайно трудных моральных, физических и материальных условиях. Мать была человеком необыкновенной в наше время порядочности, честности, неподкупности. Она сумела эти трудные годы остаться сама собой и сохранить свое собственное я. Но об этом позже. Да будет благословенно ее имя!

Я родилась накануне Октябрьской революции

(7 сентября, а по старому стилю 25 августа) в Калуге, в доме, принадлежащем моим дедушке и бабушке – Михаилу Казимировичу и Софье Владимировне Местергази – родителям моего отца Владимира Михайловича Местергази. Дом, который был первым моим земным приютом, находился на углу тогда Московской (теперь – ул. Ленина) и Дворянской улиц (теперь – ул. Суворова, еще до этого она называлась ул. Глеба Успенского). Дом не сохранился, на его месте после войны 1941 года был построен кирпичный 4-этажный ничем не примечательный дом.

В моей памяти сохранился одноэтажный особняк, во дворе которого помещалась кухня – довольно просторный дом, где в прежние годы жили кухарка и кучер. Двор был мощенный булыжниками, в конце его – конюшня. Калитка и ворота выходили на ул. Московскую (теперь – Ленина). Позднее часть булыжника сняли, и на этом месте мама в 1919 году сама развела огород, который был для нас большим подспорьем. Так как мы, дети, все были еще малышки, то мама завела корову Пригожку, кормившую нас какое-то время. Она была цвета беж, кажется, с подпалинами и очень ласковая. Но времена менялись быстро. Вскоре, очевидно, в 1919 году, нас из этого дома выселили. Деваться было некуда. К тому времени семья состояла из мамы, троих детей, бабушки Софьи Владимировны и гувернантки еще нашего отца – Юлии Леонтьевны (Леопольдовны) Насс.

Отец в середине 1918 года уехал в Крым, чтобы позднее перевезти всю семью в дом, который ему принадлежал в Ялте. Мама в то время ждала рождения младшего брата и не поехала с ним. Это было последнее ее прощание с мужем. Больше отца никто из нас не видел. Он попал в волну ужасного «бега», позднее описанного в литературе, он его захлестнул. Очевидцы рассказывали маме, что отца видели входящим по трапу на один из последних пароходов, отходящих в Турцию. На руках он нес больного старика. Вещей при нем не было. Связь была оборвана.

Позднее, в 1923 году, мама получила официальную справку от константинопольского профессора о том, что он оперировал отца по поводу гнойного аппендицита. Умер от перитонита. Операция была сделана слишком поздно. После операции он прожил еще шесть дней. Отец, очевидно, бедствовал, как и все эмигранты, и его высшее образование, которое он получил в России, окончив факультет восточных языков, оказалось никому не нужным. После его смерти дядя Вася (его младший брат) на могиле, где был похоронен отец в Константинополе, поставил крест и ограду. Фотографию могилы он прислал маме, и она хранится у меня вместе со справкой о его смерти (Греческое кладбище на Шишли).

Итак, после выселения мы оказались без крова. Что делать? В помещении кухни были свободны две маленькие комнатухи, куда решили поместить больную Софью Владимировну – бабушку и тетю (так мы звали Юлию Леонтьевну, добрейшего человека, тесно связанного с нашей семьей). Позднее она во многом помогала нам, когда сама переехала в Москву к племяннице Агнессе Васильевне Рингель на Солянку и стала преподавать немецкий язык. Умерла она у мамы в Калуге в 1943 году. Я привезла ее из Москвы в начале 1941 года.

Мама же и трое детей оставались без крова. Но свет не без добрых людей. Через дом от нас (следующий дом принадлежал внукам Л. Н. Толстого) жили некие Новицкие: муж – Григорий Александрович, жена – Варвара Алексеевна и ее сестра. Детей у них не было. Они и приютили нас. Дом Новицких состоял из нескольких жилых комнат, кухни, маленькой комнатки, где жила кухарка с дочерью Зиной, позднее ставшей нашей няней. Маме отдали довольно просторную комнату, очевидно, бывшую гостиную, с белым камином и холодной прихожей. Две комнаты в доме занимала чета Новицких. Мне было тогда два с небольшим года, но я хорошо помню свою кроватку. Помню, как по стенке (очевидно, я плохо еще ходила) пробиралась в кухню, чтобы узнать, где моя мама, но чьи-то руки схватили меня, и я со страшным ревом была водворена в свою комнату.

Мама в то время работала в жилкоме (что это значило, я не знаю, но это название я помню). Позднее мама стала работать в какой-то военной организации, кажется, в бухгалтерии. Она стала получать пайки – пшено, подсолнечное масло, муку. Это было для нас сытым временем.

Но началась безработица, да к тому же мама была падчерицей бывшего калужского губернатора Александра Александровича Офросимова. В Калуге об этом, конечно, все знали, и она попала под сокращение. Бабушка к тому времени умерла, и мы переселились в дом, который раньше принадлежал моему прадеду – отцу бабушки Софьи Владимировны Местергази (в девичестве Кричевской) – Владимиру Егоровичу Кричевскому, калужскому врачу, который создал в Калуге первое терапевтическое общество врачей. После себя он оставил записки, которые в рукописи находятся в семье моего младшего брата Михаила. В машинописном виде – у всех нас троих. Они относятся к концу XIX века.

Дом Владимира Егоровича был следующим за угловым домом Местергази по улице Дворянской. Эти дома соседствовали через очень просторные запущенные старые дворянские сады с вековыми липовыми аллеями. Там был уникальный дуб в несколько детских охватов, тополь, еще более объемистый, и просторный запущенный колодец, который

был выложен деревянными досками, к тому времени уже почерневшими и кое-где обвалившимися. Дом снесли в 70-е годы XX века. Во времена моего детства он выглядел так: в середине дверь (парадная), по обеим сторонам по два окна, наверху светелка с двумя окнами. Дом имел две комнаты справа, две комнаты слева, переднюю, далее проходная – в мое время там была столовая, затем небольшой коридор, кладовая и подвал, направо – ванна и уборная вместе и кухня. Слева в этом коридоре был выход на открытый балкон, выходящий в сад. За домом справа был двор с большим сараем и чердаком, куда мы, дети, забирались и рассматривали с удовольствием всякую рухлядь и книги, которые не могли поместиться в доме и лежали там в ящиках.

Так как у меня не было сестер, то все свое детство я провела среди мальчиков и их друзей. Мы устроили площадку на дворе, играли в крокет, в лапту, догонялки. Сад был заросший крапивой, которая вырастала выше человеческого роста. В этих зарослях мы прокладывали, как мы называли, тайные ходы, делали шалаши и играли в разбойников. Часть сада, непосредственно прилегающая к дому, была более ухоженной. Перед балконом была большая круглая клумба, где мама сажала цветы, здесь же росла большая голубая ель и единственная яблоня «карабовка» со сладчайшими яблоками. Этот сорт яблок сейчас нигде не встречается. В то время мы почему-то потихоньку от взрослых трясали яблоньку и собирали чудесные медовые плоды, которые здесь же уничтожались. Второе плодовое дерево была черная рябина с какими-то особыми темно-бордовыми ягодами, тоже очень сладкими.

Слева от дома росла громадная ель и под ней была скамейка, куда мама и тетя (фрейлина Юлия, как называли ее отец и дяди) любили ходить по вечерам и, очевидно, наедине обсуждать наболевшее, они это называли «выть на луну».

Мы заняли две комнаты слева и проходную – столовую. Наверху жила тетя, там были две маленькие комнатки. Лестница вверх вела из столовой. Позднее, когда тетя уехала в Москву, там поселили в порядке «уплотнения» какого-то военного с женой из деревни. В один прекрасный день оказалось, что она украла вещи тети, которые оставались наверху. Затем это помещение заняли некие Молчановы. Справа в доме две комнаты занимал мой дядя Миша – средний брат отца, окончивший биологический факультет Московского университета. Жили они с женой Ольгой Алексеевной, преподавателем истории. Первый раз дядя Миша был женат на художнице – тете Лине (фамилии не помню), которая затем жила в Москве на Арбате в Плотниковом переулке в подвальном этаже. Как рассказывала тетя, связи с ней он не терял вплоть до войны.

Второй раз он был женат на Ольге Алексеевне Теофилаковой. Затем дядя Миша уехал в Москву, стал профессором Московского университета, у него в 1925 году родился сын Май. Дядя Миша был идейным коммунистом-ленинцем. В юности, будучи студентом, он нанимался кочегаром и ездил на свои средства по белу свету, отказываясь принимать помощь от отца. Таким образом он объехал множество стран и в конце жизни говорил мне, что ему надо было быть географом, а не биологом. Во время войны он эвакуировался с семьей в Томск, где стал ректором университета.

Его сын Май во время Великой Отечественной войны ушел добровольцем в Армию и воевал, получил тяжелое ранение и контузию в голову, сделался инвалидом, но все же сумел закончить, кажется, Энергетический институт по специальности «турбины» и до последнего времени работал на ответственных участках как инженер-турбинист. После возвращения в Москву дядя написал докторскую диссертацию, но «лысенковцы» требовали изменить содержание, касающееся наследственности. Так как дядя Миша был человеком честным и принципиальным, он отказался. Это было его убеждение. Диссертация оказалась незащищенной, а дядя Миша получил тяжелейший инфаркт и в 1954 году умер. В свое время революцию он принял с восторгом: ездил на вокзалы, в общежития, армейские части, читал лекции и разъяснял народу суть происходящего. Когда в 1925 году у него родился сын, он назвал его Маем – месяцем, который был связан с подъемом рабочего движения.

В доме бабушки, Владимира Егоровича, мы прожили до конца 20-х годов. До этого времени я была еще мала и плохо разбиралась в происходящем. Это было время, когда возродился НЭП и мама имела возможность менять оставшиеся вещи на продукты. Помню, как к Пасхе уникальная хрустальная ваза эпохи Александра I была обменена на окорок, старьевщик Алим приходил со своим мешком за плечами и за бесценок покупал бронзу. Чудесные старинные бронзовые часы с амуром и боем были также обменены на ржаную муку. Народной артистке Надежде Андреевне Обуховой продали поповский² чайный сервиз с кленовыми листьями. Несколько картин импрессионистов мама с трудом за бесценок продала в Москве и привезла для нас конской колбасы и краюху черного хлеба; выменяли весь уникальный фарфор.

К этому времени из Орла приехала бабушка Ольга Павловна Павлищева – родная сестра маминной мамы – со своей горничной Анютой. Им деваться тоже было некуда, и их приютила у себя мама, несмотря на то что у самой было трое детей. Семья увеличилась сразу на двух человек, а круг сужался.

Мама работала тогда в школе, преподавала немецкий язык, получала даже по тем временам гроши, детей надо было учить, а школы тогда только набирали силу, а нас, как «бывших», могли просто не принять. Маму уже в который раз сократили. Она поступила в школу на должность вроде нянечки. В ее обязанности входило кипятить воду для школьников и поить их горячим чаем.

В это время меня отдали в школу сразу в 3-й или 4-й класс, так как до этого я ходила заниматься вместе со старшим братом к Анастасии Трофимовне Флеровой. Эта женщина, в прошлом учительница гимназии, учила нас «задаром», во-первых, потому что она была доброй и знала, что маме платить нечем, а во-вторых, потому, что в свое время мой второй дедушка, Александр Александрович Офросимов, сделал, будучи губернатором, для нее какое-то очень доброе дело, за которое она сочла возможным ответить тоже добром, взяв нас со старшим братом в свои ученики.

Году в 1927-м маме предъявили какую-то бумагу, по которой мы срочно должны были быть выселены. На этом, собственно, кончается мое неосмысленное тогда детство. Две комнаты и проходная столовая, которые мы занимали в количестве семи человек, так как седьмой была Зина – наша помощница и няня, приглянулись семье Арефьевых, которые приехали из деревни, а мать их устроилась работать в какую-то общественную организацию. По решению «высших» властей Калуги они должны были занять наше помещение.

Бабушка умерла, Зина ушла жить к матери. Мама, нас трое и Анюта (Анна Афанасьевна) – 5 человек. Взамен дают нам холодное чердачное помещение (в доме бывшего кожевника – купца Кожина – на ул. Огарева), через которое весь двухэтажный дом в несколько больших семей ходил вешать на остальную часть чердака свое выстиранное белье. Основанием для выселения послужило абсурдное обстоятельство, что якобы мы являемся единственными наследниками дома, в котором мы жили до сих пор. Явное беззаконие. Дом никогда даже моему отцу и его отцу, т.е. моему дедушке, не принадлежал, а нам тем более. Но искать правду было негде, а заступиться за нас никто не мог. Помню сидящую в отчаянии маму, которая обеими руками схватилась за опущенную над столом голову. Что делать, мы уже знали – надо срочно собирать вещи и выезжать – был указан срок. Помню, позднее, когда пришлось еще пережить, казалось бы, ряд безвыходных ситуаций, мама как-то сказала мне: «Если бы не вера, которая всегда меня поддерживала, я бы едва ли все это вынесла».

В старом доме, где мы прожили лет восемь, все было как-то приспособлено, было трудно, порой го-

лодно и холодно, но это были какие-то родные стены, которые помогали нам жить. Здесь же оказалось все чужим. Нашу бывшую приходскую церковь на ул. Глеба Успенского закрыли. В нее нас водила мама аккуратно каждые субботу и воскресенье, а также по большим праздникам и накануне их. Церковь называлась Косьмы и Дамиана. Она выстроена по проекту Растрелли, имеет корабельный план, колокольня как-то особенно устремлена ввысь. Она сохранилась до сих пор. Помещение занято под склад. Снаружи сейчас, к 2002 году, ее привели в относительный порядок.

Служили там два священника: отец Антоний, монах лет 60-ти, и отец Николай, священник без монашеского пострига, в прошлом инженер, ему в то время было лет 40. Кажется, отец Николай, будучи на Империалистической войне, со своим другом поклялись друг другу, что если один из них погибнет, то другой станет священником и будет молиться за всех усопших и за живых, которые не должны никогда поднимать друг на друга руку. Отец Николай остался жив, друг его погиб. Оба эти священника были большими друзьями нашей семьи. Старший брат Алексей брал уроки Закона Божьего у отца Николая. Жили они напротив церкви в домике о трех окошках у хозяйки. Отец Антоний обладал необыкновенным даром красноречия, и я помню, как взрослые говорили, что когда он говорил проповеди, то люди порой рыдали. Оба эти священника были арестованы, сосланы в Соловки и там, очевидно, погибли.

Помню, как-то мама послала меня по делу что-то передать. Отец Николай позвал меня к себе в комнатку. Там стояла жесткая кровать и аналой перед красным углом с иконами. Он поставил меня перед иконами и, начиная с головы, кончая ногами, перекрестил меня маленькими крестиками (из пальцев), читая при этом молитву, затем отправил меня домой. В письме из Соловков он писал маме, как они рубят вековой лес топорами и сколько ударов надо, чтобы свалить такое дерево. Писал о том, что я, наверное, стану опорой в ее жизни. Не знаю, как позднее оценила это мама, но думаю, что ее независимость, ее приверженность к труду не дали мне возможности стать ее опорой. До самого последнего времени она отказывалась от помощи.

Мама была очень религиозным человеком. Это было заложено в ее воспитании, это горячо поддерживал отчим Александр Александрович Офросимов, которого она звала дядей Сашей и который тоже был очень религиозен. Мама всю жизнь молилась за Императора Александра II. История эта очень поучительна. Мой дед Алексей Андреевич Лосев, отец моей мамы, Риммы Алексеевны, служил в Кирасирском полку вместе с Императором

Александром II. Очевидно, уже в конце его царствования, в 1881 году, дедушка вышел в отставку в чине генерала и был назначен в один из городов Орловской губернии губернатором. Имение деда – Богоявленское – тоже приписано к этой губернии. Предыдущий губернатор зарекомендовал себя плохо – долги, игра в карты и т.д. Его срочно решили сменить. Когда дедушка стал принимать дела, то в казне оказалась нехватка в 50 тысяч. Дед был очень мягкий, добрый и честный человек. Этим воспользовался бывший губернатор и убедил деда принять дела так, как будто все в порядке, а он обязуется в самое ближайшее время покрыть свой долг. Но нагрянула ревизия, усомнившаяся в том, что у предыдущего губернатора все сошлось. Обнаружилась недостача. Преступник тут же скрылся за границу, навсегда забыв о данном обещании. Дедушка срочно продал одну из принадлежащих деревень и покрыл долг. Но акт составлен, деду грозил военно-полевой суд, лишение чинов, а может быть, и дворянства. Положение сложилось отчаянное. И тогда он решился подать прошение на Высочайшее имя, подробно описав все обстоятельства дела. Александр II написал свое решение с просьбой прекратить дело, так как он лично знал офицера Лосева, и дал ему очень хорошую характеристику. Дело было прекращено, а умирая (маме было тогда 7 лет), он завещал ей всю свою жизнь молиться за Императора Александра II, который спас его честь.

Мама родилась в 1885 году в Царском Селе. Когда ей исполнилось три года, они переехали в свое имение Богоявленское, которое славилось своим конным заводом орловских рысаков. У меня сохранилась икона Божьей Матери Казанской, на которой рукой деда сделана надпись: «Нашей дочке Римме благословение на отъезд из Петербургской губернии. Царское Село. Апреля 12 дня 1888 года». Моя бабушка, жена А. А. Лосева, мать моей мамы, принадлежала к старинному дворянскому роду Павлищевых, ее дед – Иван Васильевич Павлищев – был героем Бородинского сражения 1812 года. Род был знатный и богатый – аристократы. Бабушка была очень красива. Род имел некровное родство с Пушкиным – сестра Александра Сергеевича была замужем за Павлищевым, а от его брата пошла наша ветвь.

В свое время бабушке предложили стать фрейлиной при дворе, но родители наотрез отказались. Она любила, и ее любил двоюродный брат – Александр Александрович Офросимов – сын Александра Федоровича Офросимова, имеющего много заслуг перед Родиной, много орденов, в том числе орден Андрея Первозванного с голубой лентой. У него была сестра – Анна Федоровна, которая была замужем за Павлом Павлищевым, от которого ро-

дилась дочь Лидия, моя будущая бабушка. Родители долго не выдавали ее замуж. Брак с А. А. Офросимовым отпадал. Как высокий чиновник, он должен был просить разрешения через Сенат, а их близкое родство этому мешало.

Бабушка вышла замуж за Алексея Андреевича Лосева. Брак был не по любви. Об этом рассказывала мне Анюта (Анна Афанасьевна), близкое доверенное лицо и личная горничная одной из сестер бабушки – Ольги Павловны Павлищевой. По ее словам, заболевшему рожистым воспалением дедушке дали возможность умереть. Так полз слух среди близких слуг, которые очень любили дедушку за его доброту и побаивались надменной бабушки. После смерти Лосева Александр Александрович Офросимов подал прошение в Сенат жениться уже не на Павлищевой, а на вдове генерала Лосева, что ему и разрешили. Всю свою жизнь он боготворил свою жену и в начале 30-годов, когда она умерла, А. А. писал своей падчерице (моей маме), с которой он был очень дружен, что его потеря безгранична, но живет он надеждой встретиться со своим ангелом, как он называл бабушку, после своей смерти.

Он был очень религиозен. А. А. Офросимов относился, как я уже писала, к высшему чиновничеству. Он окончил Царскосельский Лицей, тогда уже переведенный из Царского Села в Петербург, был камергером двора, затем был назначен губернатором в Калугу, а с 1909 года его назначили сенатором в Петербург. В лице его товарищами были будущий первый ректор Московской консерватории Сафронов, поэт Апухтин, президент Академии наук Константин Романов. После революции по просьбе Бонч-Бруевича дедушка А.А. написал мемуары для Пушкинского дома, которые где-то там потерялись. Осталась расписка в их получении, которую в 1982 году я отдала краеведу из Калуги Морозовой Генриетте Михайловне для поисков этих записок. Но Пушкинский дом их так и не нашел, а расписка осталась у Морозовой или в краеведческом музее, или в архиве.

Одна из историй, связанная с К.Р. (Великий Князь Константин Романов), написана рукой А.А. и хранится у меня. История, когда К.Р. поселился с семьей на лето в Прысках Козельской губернии. А. А. Офросимов был очень деятельным губернатором. Он старался облегчить жизнь крестьян, много занимался благотворительностью, организовал училище для глухонемых и многое другое, что он описал в своей автобиографии. Революция 17-го года застала его с женой в Петербурге в должности сенатора. Оставив все, они уезжали в Житомир к бабушкиной сестре Елизавете Павловне Вишневской. В конце 20 – начале 30-х годов деда арестовали и увезли в Москву. Однако, разобравшись в его

полной лояльности и учитывая заслуги перед народом, когда он был калужским губернатором, его отпустили. Он возвратился в Житомир.

Бабушка в это время заболела туберкулезом кости локтя. Средств к существованию не было. Все вещи оставались в Петербурге, ценности сданы в сейф банка и национализированы. На Украине в начале 30-х годов начался голод. Положение отчаянное. При них еще находилась горничная бабушки – Александра Никаноровна Дружинина. Дед в ЦК партии пишет заявление с просьбой назначить ему хоть какую-то пенсию. Приходит положительный ответ от Енукидзе: назначена персональная пенсия за его общественные заслуги. Но бабушка уже умерла.

В этот период открылись ТОРГСИНЫ (торговля с иностранцами), которые представляли собой торговые точки во всех крупных городах, в том числе в Житомире и Калуге. И вот в Париже у дедушки оказался племянник – инженер, сын одной из его сестер Петя Шиловский, который успел до смерти дедушки прислать ему несколько раз через ТОРГСИН доллары. Это немного поддержало его, потому что своих ценностей (серебра и золота), на которые можно было купить продукты и другие товары, у деда не было. Однако здоровье было подорвано, лет было порядочно, и дедушка написал маме, чтобы она приехала проститься с ним. Это было, кажется, в начале 30-х годов. Мне было лет 14–15, младшему брату и того меньше – голодали, холодали, однако мы, трое детей, уговорили маму поехать.

Приехала мама с ужасным впечатлением. Дедушка был при смерти. В городе голод. Люди опухали. Мама привезла с собой хлеб, но пока была там, чувствовала, что сама же может его съесть. В Калуге ждали дети, одни с тогда уже ослепшей Анютой. Мама, приехав обратно, получила письмо от Саши Дружининой, бывшей горничной бабушки, жившей с ними в Житомире, о том, что дедушка умер сразу после отъезда мамы. А она осталась одна без средств к существованию, начинает пухнуть от голода и Христом-Богом просит взять ее в Калугу. Мама согласилась.

Итак, семья стала состоять из шести человек – трое детей, мама, Анюта и Саша.

Мама была человеком высокой нравственности и, несмотря на полуголодное и холодное существование, много внимания уделяла нашему духовному развитию. Она считала, что должна выступить перед нами в двух лицах: и как мать, и как отец. Помню, вечерами, когда мы еще жили на ул. Глеба Успенского, перед сном она каждый день читала нам на ночь по одной главе из Евангелия, и не больше, несмотря на наши просьбы, говоря, чтобы мы вдумались в прочитанное. Этой памятью я обязана

маме. Я до сих пор помню Ветхий и Новый Заветы, иногда их перечитываю и не считаю себя «серой» в этой области.

Помню, с каким трудом она заставляла нас по субботам вечером и в воскресенье утром вставать к началу обедни (в 6 часов утра) и отстаивать всю службу от начала до конца. Трудно было, потому что зимой температура в комнате доходила до -5°C и иногда только к утру начинаешь согреваться. Но ее непоколебимость граничила, как тогда мне казалось, с жестокостью. По субботам отменялись всякие мероприятия – баня, гости и уже, конечно, всякие увеселительные походы. Мы должны были идти в церковь. Я очень благодарна осталась ей, потому что это воспитало во мне чувство долга, ответственности и другие положительные качества.

Передо мной маленькая пожелтевшая фотография, сделанная перед отъездом из Калуги отца. В саду стоят: папа, мама, около них старший брат Алексей примерно четырех лет. Мама держит на руках меня, годовалую. Она в ожидании младшего брата, который родился уже без отца. Уезжая, отец просил: если родится мальчик, назвать его в честь его отца – Михаилом. Мама так и сделала. Это было расставание навечно. Оба грустные. В ночь после отъезда отца за ним пришли, сделали тщательный обыск, конечно, ничего не нашли, потому что, кроме происхождения, ничего предосудительного не существовало. Маму не тронули, видимо, из-за нас, троих малолетних детей.

Моими первыми подругами и друзьями были Настя и Шура (Николаевны) Гончаровы – правнучки полотнянозаводских Гончаровых, чей род начался от брата Наталии Николаевны Гончаровой (Пушкиной). Жили они на той же улице, что и мы, в одноэтажном доме, который вначале занимали только они, а затем, после бесконечных уплотнений, они остались в одной комнате. Семья была большая. У Елены Александровны Гончаровой (урожденной Потехиной) кроме Шуры и Насти, родных детей, были еще сын Борис и дочь Кира от первого брака Николая Дмитриевича Гончарова и его первой жены Храповицкой, которая умерла в молодости. Кира и Боря были старше нас лет на 10–12. Они очень любили свою мачеху и всегда называли ее Лёлей.

Семья была музыкальная. Все они учились у калужской известной учительницы музыки Юртаевой Ольги Николаевны. У Бориса был прекрасный тенор, Кира аккомпанировала. Позднее обнаружился неплохой голос и у Насти.

Если в нашей семье мама старалась придерживаться старых дворянских традиций, старалась привить нам хорошие манеры, то в семье Гончаровых было дозволено все, поэтому у них мы играли и шалили почти безнаказанно. К дому прилегал боль-

шой сад, двор с сараем, погребом – все это было всегда для нас доступно, поэтому я и младший брат Михаил очень любили ходить к Гончаровым и часто у них бывали. Летом мы строили шалаши, лазили по яблоки к соседям, устраивали в чулане комнату для себя. Помню, как мы где-то достали новые фантики от конфет и весь чуланчик обклеили «Мишками» и еще какими-то красивыми картинками. Зимой бывший кучер Потехиных, который при коллективизации приехал из деревни и поселился в кухне с женой, делал нам ледяную горку, а из навоза лепил что-то вроде большой лохани, обливал ее на морозе водой и получались прекрасные сани-самокаты, назывались они «гавнюшками». Мы, детвора, с криком и гиком наваливались на это сооружение и летели с горки, разлетаясь во все стороны.

В начале 30-х годов семья Гончаровых распалась. Сперва были арестованы и сосланы дедушка Александр Иванович Потехин и бабушка, его жена Юлия Константиновна. В 1937–1938 годах арестовали и сослали мать – Елену Александровну. Кира вышла замуж за доктора Кипарисова и уехала в г. Перемышль, Борис окончил строительный техникум, женился на Вере Лопатиной и уехал в Москву, Настя вышла замуж тоже в Москву за Воеводина, Шура уехала учиться в Москву. Затем мы встретились через 50 лет в Москве уже все в преклонных летах.

Калуга 20-х и 30-х годов была местом ссылки дворян, которые, в общем, перед советской властью ничем не провинились, кроме своего происхождения. Многие из них были вполне лояльны и даже поддерживали новую власть. В большинстве это было родовое дворянство с образованием, которое в то время могло принести большую пользу. Все эти люди, как бабочки на свет, слетались к нам в дом. Мама, как дочь (падчерица) бывшего губернатора Калуги, была на виду у всех, эти несчастные люди – разоренные, униженные, выброшенные революционной эпохой из своих насиженных гнезд, искали тепла и участия. Принимать их было в то время крайне рискованно, и многие оставляли свою дверь для них закрытой. Мать этого никогда не делала, и двери нашего дома, несмотря на страх и бедность, всегда были открыты. Разговоры велись чаще по-французски.

Помню некоторые имена: Полтев – это какой-то бывший сановник, старик лет семидесяти, сосланный в Калугу. У нас он появлялся всегда безукоризненно одетым, в цилиндре. В передней он доставал из кармана два бриллиантовых перстня и надевал их. Уходя, опять снимал. Но вдруг он исчез. Я помню, взрослые говорили следующее: как-то раз он получил повестку о явке в ГПУ (Главное политическое управление, позднее НКВД, теперь КГБ)

– организацию, которая жестоко расправлялась с «бывшими». Полтев на вызов не пошел, его нашли повесившимся в своей комнате. На столе в качестве последней записки лежала повестка из ГПУ.

Совсем еще молодой (лет 38–40) бывший гвардейский офицер Николай Петрович Штер (Николай Петрович «маленький»). Красавец, всегда подтянутый, с армейской выправкой, высокого роста, безукоризненно причесанный, он по улице ходил в своей бывшей армейской форме без погон и как-то особенно, прижав к левому боку согнутой рукой, держал свою фуражку. Позднее дошли слухи, что он был расстрелян.

Был еще Николай Петрович Коновалов (он назывался у нас Николай Петрович «большой»), так как был старше «маленького». Это был человек лет 65–70, высокий, плотный, с лысой головой – бывший царский чиновник, также высланный в Калугу.

Среди этих людей была праправнучка Радищева, дама лет пятидесяти, она ходила всегда в черном, по крайней мере я ее так запомнила. Она не без юмора рассказывала о том, как следователь, который вел ее дело, укорял ее в том, что она, внучка Радищева, вдруг попала под следствие. На что она отвечала, что весь род Радищевых, видно, всегда был не в ладах с сильными мира сего.

Князь Ратье (Ратишвили) – хранитель Эрмитажа, который не дал разграбить ценности музея во время бесконечных смен правительств, за что от В. И. Ленина получил личную охранную грамоту, несмотря на это, тоже был сослан в Калугу. Ему в то время было лет 60–65: красивый, высокий, необычайно обаятельный, совсем седой человек с изысканными манерами. Я помню, как я, девчонка лет десяти, влюбилась в него.

Позухины – отец с двумя детьми нашего возраста – Надей и Алешей – и двумя тетками. Надя была больна туберкулезом. Детей они воспитывали на прежний лад: обязательные занятия по-французски, а грамматика – в прежней орфографии с буквой ять и т.д. Они, видимо, надеялись на возвращение к старому.

Семья бывшего генерала Михаила Евгеньевича Маслова. Она состояла из самого генерала, его жены, бывшей княжны Анастасии Евгеньевны Волконской, их сына Михаила и сестры жены – Ольги Евгеньевны Волконской. Позднее, чтобы скрыть свое происхождение, она фиктивно зарегистрировалась с каким-то рабочим по фамилии Давыдов, который однажды в пьяном виде явился к ним и стал настаивать на своих супружеских правах, чем привел семью в страшное смятение. Потом это как-то уладилось.

Семья Некрасовых, родственников поэта. Глава семьи – племянник поэта – был женат на Горчако-

вой (княжне). Родственники поэта Аксакова. Наконец, Анна Ильинична Толстая, внучка Л. Н. Толстого. В Калуге у них был дом. Пока их не трогали, и я помню, как мы, дети, были приглашены к ним на елку. А.И. была первым браком замужем за Николаем Андреевичем Хольмбергом. У них было два сына – Сережа и Дима. Играя в жмурки, Николай Андреевич поймал меня и, так как он держал во рту папиросу, схватив меня в охапку, прижег мне лоб. Это ощущение я чувствую до сих пор. Позднее Анна Ильинична с Хольмбергом разошлась и вышла замуж за профессора Московского университета, философа Павла Сергеевича Попова, ставшего при жизни писателя Булгакова его биографом. С мамой Анну Ильиничну связывали хорошие дружеские отношения, и когда во время НЭПа А.И. организовала артель по производству дамских шляп, которая называлась «Кустари», то пригласила туда работать маму. Артель состояла из восьми человек. Анна Ильинична Толстая, Татьяна Александровна Аксакова, Любовь Павловна Леонутова, мама – Римма Алексеевна Местергази, мастерица по шляпам, две портнихи и один еврей, видимо, администратор. Снимали они очень маленькое помещение на Московской улице, вблизи памятника Карлу Марксу.

У мамы была фотография тех лет, где «Кустари» представлены на групповом снимке величиной чуть меньше обычной почтовой открытки. На память приходят обрывки из всего этого многотрудного времени. Страна голодала, Украина, Поволжье пухли от голода. Крестьянство разорено коллективизацией. Об этом написано много, но я вспоминаю это время в сугубо ограниченном калужском пространстве. В начале 30-х годов по всей стране, как я уже писала, открываются ТОРГСИНЫ – торговля с иностранцами. Население добровольно по установленной таксе несет все, что осталось от бесконечных обысков, конфискаций: чайное и столовое серебро – ложки, вилки, ручки ножей, оклады с икон (тогда иконы, будь они самыми ценными, никто не ценил). В ТОРГСИНЕ в обмен давали бумажные деньги – бонны, на которые можно было купить крупу, сахар, подсолнечное масло, текстиль – одним словом, все самое необходимое. Сдавать нам особенно было нечего, поэтому этот источник скоро иссяк.

И вдруг... несколько месяцев подряд мама получает из-за границы валюту, причем каждый раз от разных неизвестных лиц из разных европейских стран и на разную сумму. Для нас это было спасением, потому что каждый такой перевод давал маме возможность продержаться недели 2–3, а то и месяц. Благодарить было некого. Только на бланке перевода стояла просьба написать, на что потрачены деньги. У нас это было пшено и подсолнечное масло. Деликатесов в виде консервов, лимонов, конфет

Римма Алексеевна Местергази с детьми Алексеем, Кирой и Михаилом

мама себе позволить не могла даже ради «баловства». Вскоре это прекратилось. То ли потому, что закрылись ТОРГСИНЫ, то ли потому, что переводы такого рода запретили. Для нас было загадкой – откуда же шли деньги? Предположить можно было, что либо Вася (брат отца), либо Петя Шиловский, будучи за границей, сообщили каким-то образом о нашем бедственном положении в какую-то организацию, занимающуюся поддержкой бедствующих семей в России. Видимо, такие переводы получала не одна мама, но все из боязни молчали.

Вот еще один случай из калужской жизни. У мамы оставались от бабушки Лидии Павловны драгоценности. Кроме того, сестра бабушки Ольга Павловна Павлицева тоже имела драгоценности. В основном это были бриллианты. В Калуге объявилась некая еврейка, имя ее было Серафима. Она жила в районе церкви Георгия Победоносца в доме за длинным серым забором. Каким-то образом она вошла в доверие к маме и убедила ее в том, что если она возьмет под залог все бриллианты, и мамини, и бабушки Ольги Павловны, то это окажется очень выгодным для нашей семьи. Семью надо было кормить, денег же не было, жили бедно. Ценности в то

время никому нужны не были. Нужен был хлеб. И мама решилась на этот шаг. Серафима оказалась авантюристкой. Выманив у мамы все ценности, она не заплатила ни единой копейки. И когда мама обратилась к поверенному Бессонову, который взялся вести «дело», Серафима поклялась здоровьем своих детей, что она в руки не брала никаких бриллиантов. Вскоре у нее умер ребенок. Ни единой вещи она не вернула, денег не заплатила, а мы лишились всего самого ценного для нашей семьи.

За шалости и непослушание мама наказывала нас, ставя в угол, никогда не била, не ругала и только однажды нас с Михаилом выпорола розгами за то, что Зина (наша няня) высмотрела нас курящими в шалаше. После этой экзекуции я долго не могла прийти в себя и смотреть в лицо близким. Я думаю, что пороть нас не было необходимости. Достаточно было разъяснения, потому что мы, в общем-то, были детьми послушными. Дети Гончаровых тоже были причастны к курению, однако их пальцем никто не тронул, хотя шло это именно от них. Елена Александровна, их мать, курила, и в основном Настя таскала папиросы у матери. Какое наказание постигло их, я не знаю, но во всяком случае точно знаю, что не порка розгами и не битье.

Очень хотелось бы вспомнить о моем крестном отце, отчине моей мамы Александре Александровиче Офросимове. Я его не видела, моя первая и последняя встреча была у купели церкви Косьмы и Дамиана, где меня крестили и где он держал меня на руках. Дальше идут лишь воспоминания по письмам, хлопотам о назначении ему пенсии, разговоры о его переписке с А. Бонч-Бруевичем по поводу его воспоминаний о своей деятельности, встречах и т.д.

В Калуге А.А. был вначале вице-губернатором при князе Горчакове, позднее губернатором. А затем, когда Горчаков был назначен губернатором в Тверь, то А.А. поехал на аудиенцию в Петербург выяснить свое положение. О своем назначении на пост губернатора он написал в одной из сохранившихся записей для моей мамы, которая всю жизнь была очень дружна со своим отчимом. У меня осталась копия письма одного из глухонемых, который учился в школе в Калуге, организованной А.А., где он трогательно описывает отношение А.А. к своим подопечным, то, что А.А. помог десяткам несчастных людей обрести счастье быть полноценными, квалифицированными работниками.

Когда отец сделал предложение маме и получил ее согласие, то оставалось получить благословение родителей. Со стороны родителей отца возражений, кажется, не было. Но родители мамы, Лидия Павловна и отчим А.А., или дядя Саша, как всегда его называла мама, воспротивились этому браку, во всяком случае, старались как можно дольше оття-

нуть его. Говорили, что отец был легкомысленным, любил тратить деньги, поигрывал в карты. Видимо, до Офросимовых доходили эти слухи, и они боялись за судьбу дочери. Однако брак состоялся. Свадьба была очень скромной в ресторане «Прага» в Москве, с ограниченным количеством гостей (сохранилось меню).

После свадьбы молодые поехали в путешествие по Европе. Оно было длительным (если не ошибаюсь, года два). Посещение основных столиц – Варшавы, Парижа, Рима и других городов Италии и Европы, посещение музеев, выставок. Отец из этой поездки привез из Парижа полотно импрессионистов, которые в наше время не имеют цены и которые в голодные 30-е годы мама с большим трудом «устраивала» в Москве по 25 рублей за полотно, чтобы прокормить нас, троих детей и двух старух – бабушку Ольгу Павловну Павлищеву и ее горничную слепую Анну Афанасьевну Маликову, которую еще в юности взяла бабушка Ольга Павловна в услужение из приюта. Она была дочерью героя турецкой войны Афанасия Маликова. Анна Афанасьевна прожила в нашей семье до конца своих дней, испив вместе с нами всю чашу лишений, всегда старалась своим трудом принести пользу и трогательно относилась к нам. Умерла А.А. во время войны и похоронена в одной могиле с Ольгой Павловной, которую она очень любила и пользовалась взаимностью.

Итак, с выселением из дома на Косьмодамианской на улицу Огарева заканчивается страница моего детства, правда, безрадостного, ущемленного, но до сих пор все же сытого. Далее начинается юность, полная лишений моральных, физических, материальных. Ко всем бедам еще добавились тяжелые заболевания младшего брата Михаила. Еще будучи мальчиком лет семи, он заболел туберкулезом кости (нога), затем страшнейший колит. Мама была в отчаянии. Нужно было усиленное питание, и в то же время диета. Мальчик утасал на глазах.

И вот летом мама узнала, что на дачу в бор, под Калугой, приезжает профессор Красинцев, главный врач больницы Склифосовского в Москве. В свое время он учился вместе с отцом в гимназии. Мама обратилась к нему. Помню, как тепло они нас встретили, назначили день приема. Возвращалась я с мамой поздно, было уже почти темно, а главное, очень сыро и прохладно. Я до сих пор помню, что на мне была надета белая вязаная кофточка, которая, как мне казалось, совсем не грела. Это чувство холода я ощущаю до сих пор. Мы с мамой почти бежали. Нужно было пройти часть бора, поле с километр и часть города до дома.

Красинцев, посмотрев Михаила, назначил лечение – каждый день натошак снятую простоквашу, и мальчик на глазах стал поправляться. Залечили

и туберкулез, но позднее, уже в юношестве, лет в 14–16, у него открылся туберкулез лимфатических желез, рубцы от которого остались на всю жизнь на шее. Но и это организм поборо. Видно, кость дворянская была крепка. Это выражение я взяла, прочитав переписку Чехова и Бунина, где Чехов сказал последнему: «Да, хорошо это у Вас, дворян, кость крепкая» (за точность формулировки не ручаюсь).

Мои предки: Офросимовы, Лосевы, Павлищевы, Федоровы, и со стороны моего мужа – Цеханские – были записаны в так называемую 6-ю книгу.

Род Цеханских по документальным свидетельствам, которые хранятся в архиве Санкт-Петербурга, очень древний и ведет свое начало с XIV века из Польши.

Дело в том, что все потомственное русское дворянство имело шесть разрядов, записанных в особые дворянские родословные книги.

1 разряд (первая книга, первая часть) – дворянство жалованное

2 разряд – дворянство военное

3 разряд – дворянство по чинам и орденам

4 разряд – иностранные дворянские роды

5 разряд – дворянство титулованное

6 разряд – древние благородные дворянские роды.

В 6-й части состоят наиболее почитаемые роды, в том числе и Рюриковичи.

В первой половине XVIII века шестая книга была рукописно тиражирована и, по-видимому, оделась в бархатный переплет, тогда ее название сделалось «Бархатная книга».

Дворянский герб Местергази у меня есть в виде дощечки, где выжжен весь рисунок герба, а на обороте надпись: *Герб «Mesterhazy»*. Дворянский род Эдинбургского округа, а с XVII столетия владели поместьями также в Мегистеры Ейзенбургского округа.

Герб этот – копия с герба, выжженного моим отцом Владимиром Михайловичем Местергази. Дело в том, что он незадолго до революции начал хлопоты о восстановлении графского титула Местергази. Герб, который у меня, сделан моим старшим братом в 1980 году, Алексеем Владимировичем Местергази, 1914 года рождения, участником Великой Отечественной войны. Мой младший брат Михаил Владимирович Местергази, 1918 года рождения, получил на этой войне тяжелые ранения и остался инвалидом.

Сохранился и герб Цеханских, написанный акварелью.

Внизу надпись по-польски.

Na Ciecchanach lanuez № 14980 k Boncza Ciecchanski 1855 г. (год написания акварели).

Михаил – художник, Яков – чиновник при ка-

Герб рода Цеханских

лужском губернаторе. Их мать – урожденная Подолинская (ее брат – известный поэт пушкинского времени) – окончила консерваторию в Париже. Ее дочь Алеся окончила Московскую консерваторию, другая сестра тоже была пианисткой. Их отец – Степан Яковлевич Цеханский – был в довольно большой должности лесничего в гор. Калуге. По воспоминаниям, они жили в доме на углу бывшей Николаевской улицы и ул. Красноармейской. От их дома начинался спуск к церкви Покрова. Сохранились фотографии родителей и детей.

Решила в свои записки внести следующее:

Свидетельство

По Указу Его Императорского Величества дано сие из Могилевского Дворянского Депутатского Собрания дочери Статского Советника Степана Яковлевича Цеханского, Александре Цеханской, родившейся двадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, в том, что определением Собрания, 1 Августа 1879 года состоявшегося, она, Александра Степановна Цеханская, причислена к роду, утвержденному в потомственном дворянстве указом Геральдии Правительствующего Сената от 28 января 1842 года со внесением в 6-ю часть родословной книги, а потому согласно 284 от IX т. уст. о сост. изд. 1876 года следует считать ее, Александру Степановну Цеханскую, окончательно утвержденную в дворянстве; в чем Дворянское Депутатское Собрание надлежащим подписью с приложением печати удостоверяет. Гербовый сбор оплачен. Октябрь 31 дня 1879 г. Могилев на Днепре.

№ 647

*Могилевский Губернский**Предводитель Дворянства (Подпись) Печать
Могилев. Дворян.**Депутатского Совета Секретарь (Подпись)
Печать. Столоначальник (Подпись)*

Это свидетельство было выдано как подтверждение дворянства для поступления в консерваторию для сестры Ивана Степановича Цеханского.

Первые мои заработки начались, когда мне было лет 9–10. Мы еще жили на ул. Глеба Успенского, а напротив жил садовник Лавров, который выращивал необыкновенно крупные и вкусные помидоры. У него была большая теплица, ранней весной мы с братом Мишей ходили к нему рассаживать по ящикам рассаду помидоров. Леля (старший брат), старше меня на четыре года, всегда был большой умелец, а тогда, будучи 12–13 лет, делал из бумаги корзиночки, всевозможные картонажи и продавал их. Таким образом, мы помогали маме как-то прокормить нас.

Бабушка Ольга Павловна Павлицева (родная сестра моей бабушки), которая последние годы, как я уже писала, жила с нами, была совершенно глухая, совсем согнувшаяся и очень добрая к нам, детям. Она ходила с палочкой, была очень религиозна, вела ежедневно дневник, который у меня сохранился. Мы, дети, любили играть с ней в прятки, забегали под диван, а она палкой нас нащупывала и, таким образом, находила. Годы за два до смерти она приняла тайный постриг и стала «матерью Олимпиадой». Ходила она в обычной одежде, но много молилась, а когда умирала, ее соборовал отец Антоний. Запомнилось, как она лежала на постели, а затем в гробу во всем монашеском, нас, детей, проводили к умирающей прощаться.

Я помню времена НЭПа, ярмарки, на которые съезжались со всех окрестностей крестьяне, торговцы, покупатели – горожане и приезжие. Тогда еще ходили старые деньги в виде тысяч и миллионов. Как-то раз мама отпустила меня с няней Зиной на ярмарку и дала одну бумажку – деньги. Вспоминается, как я была удивлена, когда мы покупали пряники, катались на каруселях и с одной бумажки получали сдачу бесконечно много бумажных денег вместо одной данной нам мамой бумажки.

В это время крестьяне из бывшего имения мамы Богоявленского Орловской губернии писали письма маме, в которых приглашали ее приехать навестить их. Мама поехала. Барский дом был разграблен, в гостиной на первом этаже устроили амбар, засыпав фуражом паркет и старинное трюмо в красивой раме красного дерева. По наивности мама стала просить старосту отдать ей это зеркало, но он побоялся это сделать, несмотря на свое хо-

рошее отношение к бывшим хозяевам. Остановилась мама у кого-то из знакомых крестьян, бывала в гостях и везде видела кое-какие вещи из барского дома, в том числе и образок овальной формы с коленопреклоненным святым, кругом образа вделаны какие-то камушки. Образок отдали, мама его привезла, и сейчас он у меня. При отъезде из Богоявленского маме столько нанесли всякой снеди и битой птицы, что она не могла все привезти. Помню, среди деревенских подарков была большая битая индейка. Индейку я ела впервые и затем надолго забыла ее вкус. Это были 20-е годы, а затем я имела возможность попробовать ее лишь через 40–45 лет.

Наше выселение из дома прадедушки Кричевского совпало со временем коллективизации. Время было тяжелое для всех: голод, безденежье, смерть бабушки Ольги Павловны. Город стал наполняться бежавшими из деревни крестьянами. Безработица. В это время нас и выселили в дом Кожина. Здесь все было чужое, в отличие от старого скромного домика на ул. Глеба Успенского. Среди здешних обитателей дома наша семья оказалась белой вороной среди случайных людей. Дом был двухэтажный каменный с чердачным полужилым помещением, разгороженным перегородкой не до потолка на две части, в общей сложности метров 20–25. Лестница со второго этажа, минуя это помещение, вела во вторую часть чердака, куда через нашу «квартиру» весь дом ходил вешать белье.

Не берусь характеризовать всех жильцов, наверно, среди них были и неплохие люди, но к нам было отношение особое. Почти все они бывшие деревенские, попавшие в город, в общем-то, случайно. Поэтому все, что плохо лежало, они «приспосабливали» к своим нуждам – строили во дворе какие-то сараи, клетушки, оборудовали свое жилье, а мы этого ничего не делали, да и делать было некому. Два раза в год все женщины собирались и мыли лестницу, требуя, чтобы и от нас кто-то шел, хотя сами ходили через наше помещение и мы с них уборки не требовали. Маму мы не пускали. Ходил либо брат Миша, либо я.

Уборная находилась на втором этаже для всего дома, и так как яма была выгребная, то зимой туда ходить было невозможно – вырастали горы навоза.

Дрова и керосин стоили дорого, поэтому печь топить ежедневно мы не могли. В морозы температура в помещении достигала -5°, у меня на отмороженных руках появились язвы. В школу иногда уходили голодными, потому что не было ни хлеба, ни картошки, ни крупы. Продавали все что можно.

Мама не гнушалась никакой работы. Она брала заказы на вышивки, вязание, преподавала в школе немецкий язык, пока не сократили, работала швеей на фабрике, давала уроки английского языка на-

шим хорошим знакомым Волнянским. Мама была большая рукодельница, она научила меня вышивке филе, гладью, стебельчатым швом, вязать крючком, научила шить на машинке, позднее я ей помогала выполнять редкие, правда, заказы.

Как-то летом меня устроили работать в качестве руководительницы в детский сад. Затем летом я работала чертежницей (уже в старших классах). Однажды мама пришла очень расстроенная. В то время она работала кассиршей в аптеке. Оказывается, к окошку, за которым она сидела, подошел человек, показал ей книжку ГПУ и велел по такому-то адресу в определенное время явиться к нему. Каждый раз, уходя на такое «свидание», мама говорила об этом только старшему брату, которому было в то время лет 15, предупреждала его, что она может не возвратиться и тогда он остается за старшего. Нам, мне и младшему брату, мама ничего не говорила. Наверное, боялась детских слез и не хотела нас травмировать.

Дом, где происходили «встречи», мама мне показывала, я знаю даже окна этой комнаты, они очень незаметны, на первом этаже. В комнате за стеклом сидел один человек, его фамилия была Гусев, в противоположном конце комнаты стояла ширма, за которой, казалось, сидел еще кто-то. В одно из таких собеседований маме предложили сотрудничество в ГПУ, иными словами, стать осведомителем. Выбор был не случайным. Маму в Калуге знали как очень порядочного человека, а знакомства, естественно, были среди бывших дворянских семей – Гончаровы, Храповицкая, Горчакова, Масловы и другие. За «работу» было обещано устроить в высшее учебное заведение старшего брата, улучшение коммунальных условий и другие блага, о которых тогда можно было мечтать. Мама сразу наотрез отказалась. В ответ было: «Подумайте, срок три дня». В противном случае была обещана тюрьма, а дети – в детдом. Вера мамы была настолько глубока и порядочность настолько непоколебима, приобретенная, как говорят, с молоком матери, что и через три дня последовал тот же ответ. Уходя, мама была уверена, что уже не вернется. Но, слава Богу, со злобой, с упреками в нелояльности к советской власти, с посулами заключения, но все же отпустили и на этот раз.

Я всегда думаю о том, как чиста, как безупречно честна была мама, которая даже под страхом лишиться своих детей, под страхом потери свободы и лишения всех прав не пошла на эту грязную сделку. А ведь я знаю целый ряд лиц из числа калужан, которые жили в более сносных условиях и которые от страха не отказались от предложенных условий. Бог им судья. Мы жили не только в нищете, антисанитарных условиях и голоде. Нас все время преследовал призрак Гусева и ему подобных, но никто

никогда, ни мама, ни мы, дети, не роптали на свою судьбу. Нам казалось, что иначе и быть не может. Более того, я испытывала чувство какого-то стыда, когда у меня зимой была ветхая обувь, более чем скромное платье, а чувство голода я всегда старалась скрыть. Я никогда не приглашала к нам домой одноклассников, стыдясь перед ними за свой быт. Это была советская школа № 7.

Во второй ступени, с 5-го класса, я почему-то училась в Шахмагоновской школе. Она имела большой престиж, так как во время революции там работал новатор-педагог Шахмагонов, воспитавший целую плеяду учеников по новому методу обучения. К тому времени, когда я туда поступила, уже ни самого Шахмагонова, ни его методов не существовало, но о школе шла хорошая слава.

Начались бесконечные эксперименты с методикой обучения. 5, 6, 7 классы прошли под эгидой «бригадного метода». Весь класс, человек 30, был разделен на бригады, дети сами назначали бригадира. Обычно это был успевающий ученик. Бригадир нес ответственность за успеваемость. Как правило, спрашивали бригадира, а отметку получала за это вся бригада. Для неуспевающих учеников было раздолье. Я всегда была старательной и прилично училась. Меня часто выбирали в бригадиры, и, естественно, учить уроки лучше всех надо было мне. В этом мне везло. Однако в общем учебный процесс был запущен, никем не проверялся, и для многих в старших классах это обернулось катастрофой, потому что дети не знали азов.

Кое-как проучились 5, 6 и 7 классы. Прихожу осенью в школу в 8-й класс и вдруг узнаю – в числе учеников 8-го класса я не числюсь. Это было для меня как гром среди ясного неба. В учебной части, куда меня вызвали, я горько расплакалась. Я видела сочувствующие взгляды учителей, которые не смели мне ничего сказать. И вдруг у меня блеснула мысль – ведь моя мама сейчас работает на швейной фабрике швеей, а, следовательно, ей должны дать справку о том, что она рабочая. Я быстро побежала к маме на работу, добыла эту справку, и таким образом вопрос через несколько дней был улажен. Теперь надо было ухо держать востро, так как малейшее отклонение от общепринятых в то время норм могло оказаться для меня гибельным. Я стала учиться еще лучше и очень старалась.

Среди учителей были люди разные – добрые и злые, с глубокими знаниями и дилетанты или просто выдвиненцы, не умеющие читать и писать, партийные и беспартийные и т.д. Ко мне тоже отношение было разное – от покровительственного до открытой ненависти. Приведу пример. Школа праздновала один из юбилеев А. С. Пушкина. Было решено силами учеников поставить сцены из

«Бориса Годунова» – бал у Вешнивеевского, сцену у фонтана. Мне был поручен вступительный доклад на тему «Пушкин в музыке». В школу была приглашена специальная учительница танцев, которая обучала нас мазурке и полонезу. Работали с большим энтузиазмом. Я пропадала в библиотеке, собирая материал для доклада. И вот наступил день спектакля.

Школа имела подшефную (опекаемую нами и опекающую нас) воинскую часть, которую пригласили к нам на спектакль. За костюмами ездили в Москву специально брать напрокат, был приглашен гример из местного театра и оркестр из воинской части. И доклад, и спектакль прошли блестяще, и командир части пригласил еще раз поставить спектакль у них для тех красноармейцев, которые по тем или иным причинам его посмотреть не смогли. Учебная часть дала согласие.

И вдруг учитель обществоведения Николай Васильевич Северин, придя в класс, сказал, что идут все, кроме Киры Местергази (меня), которой не место в воинской части. Видимо, это было уже слишком. Я точно не помню, что произошло потом, кажется, спектакль так и не поставили там, но позднее до меня дошли слухи, что Северин получил большой нагоняй за «самодеятельность», и после этого он стал ко мне идеально относиться.

В воинской части я все же была, но не помню, то ли с докладом, то ли просто с девочками на танцах. Там появилось мое первое увлечение – сержант или младший лейтенант Костя Баландин, который стал встречать меня, когда я возвращалась из школы. Вскоре его перевели в Тюмень, затем он участвовал в событиях Халхин-Гола, за что осенью 1940 года приехал получать в Москву орден Ленина. Он был очень недоволен и разочарован тем, что всех их, орденосцев, чуть ли не под конвоем ввели и вывели из Кремля, вручив столь высокие награды, не сочли нужным или боялись защитникам наших границ показать хотя бы территорию Кремля.

Больше года понадобилось на то, чтобы я снова села за свои записки. Видимо, повторы неизбежны – за год многое не помню – писала или нет. Перестройка! После XXII съезда депутатов всколыхнулся социалистический мир. Заменено все партийное руководство во всех соцстранах. Прибалтика хочет отделиться от Федерации. Казнены румынский премьер Чаушеску и его жена – сталинские поработители и казнокрады своего народа. За злоупотребление властью бывших партийных руководителей отдадут под суд. Азербайджан избивает армян, требует открыть границу с Ираном. В Ленинграде и Москве проходят митинги, требующие более решительных мер со стороны правительства, наказания саботаж-

ников на железной дороге, казнокрадов, спекулянтов. В Ленинграде введен отпуск товаров по паспортам, в Москве пока талонная система на сахар – 2 кг в месяц на человека. Остальные продукты без карточек и паспортов, если они есть. А их мало – полки пустые. Но я оптимист и верю, что через год-два положение улучшится, хотя ходят слухи о повышении платы за городской транспорт, квартиру, телефон и т.д. На фоне таких бурных событий, о которых я написала так примитивно, трудно возвращаться к событиям 60-летней давности. И все же!

Еще раз вспоминаю свою мать, которая в самое трудное время, начиная с времен 1917 года и до самой смерти, осталась сама собой, пронесла слово «человек» очень высоко. Свои принципы выдержки, воли, веры в человека и любви к ближнему она старалась привить и нам, детям, голодным, холодным, плохо одетым. Чувство высокого достоинства, видимо, привилось или передалось с генами. Я хорошо помню, как я никогда, начиная с детства, не жаловалась на свою судьбу. Идя в школу, иногда совсем голодная, я никогда не подавала вида, что мне хочется есть. Когда хлеба было столько, что его можно было взять в виде завтрака, я прятала его, чтобы никто не увидел из детей, что там нет котлеты, он не намазан маслом, как это было у других детей. Чувство это – достоинство – у меня сохранилось до старости. Трудно назвать самое тяжелое время для себя. Пожалуй, почти до старости это была бесконечная борьба.

После окончания Московского авиационного института весной 1945 года, накануне окончания Второй мировой войны, а для нас – Великой Отечественной войны, я была распределена во вновь организованное ЦКБ-17 – Центр конструкторского бюро авиационной промышленности – в качестве инженера-конструктора. Жилья не было, поэтому институт выдал справку о том, что в «ближайшее будущее» институт обязуется предоставить мне жилплощадь, а пока – мотаюсь по частным углам. В 1947 году я знакомлюсь с В. И. Цеханским – бывшим репрессированным в 1932 году, затем прошедшим фронт 1941–1942 годов, попавшим вместе со всей армией в плен, в 1944 году бежавшим из плена, прошедшим госпроверку, снова служившим в армии до 1947 года, а затем демобилизованным.

В 1948 году мы поженились, и я переехала к нему на Большую Молчановку, дом 21а. На четвертом этаже мы снимали угол у бывшей певицы – цыганки Александры Христофоровны Христофоровой (Шишковой), которой тогда было лет 66. Отец ее был до революции руководителем цыганского хора в ресторане «Яр» (гостиница «Советская»). А.Х. была неплохим человеком, но очень безалаберным, подчас вздорным. Она хорошо относилась к

моему мужу, но меня, несмотря на согласие о моем поселении, она невзлюбила. Я старалась делать все, чтобы сгладить наши отношения, но злые соседи подогревали в ней неприязнь ко мне, и когда должна была родиться моя дочь Кира, то за неделю до родов нам пришлось расстаться. Мы сняли угол у Сельскохозяйственной выставки (ВДНХ), в бараке с холодной уборной, обледеневшей испражнениями, с печным отоплением, в комнате 6–7 квадратных метров. Там стояла наша кровать, кровать хозяйки, стол и едва входила коляска дочки. Так мы прожили несколько месяцев, когда Христофорова пришла к Павлуше Бакулину – приятелю Вавы (так я звала своего мужа) – и просила, чтобы последний попросил Ваву о встрече с ней. Она состоялась. Христофорова, встав на колени, Христом-Богом просила Ваву и меня с дочкой вернуться обратно. Ее новая постоялица, особа из мира торгашей, оказалась невыносимой и совершенно неприемлемой к характеру цыганки.

К счастью, она оказалась непрописанной, а мне с большим трудом, через депутата, которым был тогда у нас Ираклий Андронников, удалось вновь вселиться. Спасло то, что на квартире у ВДНХ меня прописали временно, эта прописка как раз кончалась, а возобновить постоянную прописку на ул. Молчановке, где жила Христофорова, помогли на работе. Хотя начальник милиции на меня орал, что я хитрю, что я не имею права жить в Москве и т.д. Почему? По закону он все же обязан был прописать постоянно, что он и сделал. Наше обратное вселение тоже проходило бурно – соседка по комнате написала в домоуправление о том, что они не хотят семьи с маленьким ребенком, и нам устроили настоящие баррикады, которые пришлось брать буквально приступом.

В то время давали отпуск 1 месяц до родов и 1 месяц после. Врачи делали все, чтобы укоротить срок, и я не доходила своего срока 13 дней, их, как и всем, не добавляли к послеродовому отпуску. И вот через месяц встал вопрос, куда девать ребенка, так как мне надо выходить на работу, а я кормящая мать. Пошла к замдиректора и с рыданиями удалось оформить отпуск за свой счет еще на 10 дней. Молоко сцеживала во время работы в уборной в бутылочку, приносила домой, так длилось почти год.

Днем, пока меня нет, дочку Киру брала женщина из Трубниковского переулочка. Материально мы жили плохо. Мой оклад был 90 рублей, Вава работал на частной машине у доктора Н. А. Куршакова – 70 рублей. За квартиру платили 40 рублей, няня брала 30 рублей. На питание оставалось 90 рублей, причем Христофорова питалась с нами, потому что свои деньги она буквально проматывала за 2–3 дня на «вкусненькое», которое стоило тогда дорого, и

мы оставались, как говорится, при своих интересах. Мне запретили вешать пеленки на кухне, я их сушила в комнате. К счастью, Кира была на редкость спокойным ребенком – по ночам не плакала, а я была всегда начеку, и малейший шорох в ее кровати старалась предупредить, дабы не беспокоить моих строптивых бездетных соседей.

Комната наша была 18 кв. м. Жили вчетвером. Теперь я подхожу к самому страшному – аресту Вавы. Он был прописан у знакомых своей матери в Сокольниках, там была прописка прочная, так как хозяйка квартиры Софья Геннадьевна Моштаква была депутатом местного совета, партийная, семью Цеханских знала со времен революции и очень хорошо к нам относилась. К нам стал часто приходить участковый Денисенко, здоровенный мужик лет 40, он стал требовать, чтобы Вава получил через начальника милиции право на ночевку у своей жены и родной дочери. Но такое разрешение начальник давал на месяц, на три недели, и каждый раз надо было снова идти на прием. Вава нервничает, все время говорит, что он чувствует, что за ним следят. И вдруг пропадает записная книжка с телефонами и адресами. Нет сомнений, что ее выкрала соседка Мария Ивановна Мятлева, в бывшем опереточная актриса, а в настоящем – осведомитель. Все это казалось мне со стороны Вавы плодом нервного состояния и неустроенности как бытовой, так и материальной.

Примерно за полтора-два месяца до ареста меня вызвал начальник отдела кадров полковник Госбезопасности Ключков и предложил мне уволиться на том основании, что я не справляюсь с работой. Я в полном недоумении – за перевыполнение плана моя фотография вывешена на доске почета – 138% перевыполнение, ко мне очень хорошо относился руководитель группы Алексеев Владимир Павлович, а затем – Поляков. Выясняю, что ни со стороны начальника отдела, ни со стороны руководителя группы никаких жалоб не поступало. Дают место в отделе строительства, к которому я никакого отношения не имею, и я сразу поняла, что оттуда меня просто будет уволить как не соответствующую должности. Я отказываюсь. Тогда ставят вопрос так: либо меня увольняют по сокращению штата, либо по собственному желанию. На устройство дают одну неделю срока. В общем, относятся, как я чувствую, «душевно» – выдают двухнедельное пособие, все это оформляется очень быстро и оперативно.

Инженер Авилов, участник Гражданской войны, человек очень добрый, уже в годах, был начальником группы по проверке ГОСТов на чертежах, он сказал: «Кира, не расстраивайся, я позвоню нашему общему знакомому, который ушел из нашего ЦКБ-17 начальником ОКБ на завод на Яузе, я в свое

время помог устроить его сына в университет, и он мне не откажет». И действительно, когда я пришла к Бирюкову, я просила не оформлять меня на секретную работу, так как у меня маленький ребенок. Он обещал. Специалисты были на заводе очень нужны, и он сказал, что найдет для меня любую работу. Оклад дал 120 рублей, т.е. на 10 рублей больше того, что я официально имела в ЦКБ-17, к тому времени уже ставшем НИИ-17.

Группа наша была небольшая, человек восемь, работа, по существу, такая же, как в НИИ. Я была довольна, и мною, кажется, тоже. Дочке Кире исполнился один год.

Прошла ровно неделя. Мы пошли вечером в кинотеатр «Художественный», пришли домой, легли спать, и вдруг в два часа ночи слышим стук в дверь. Кто-то открыл, слышим: «Где комната Цеханского?» Вава вскочил: «Это за мной». В дверь уже ломились. Вошли три или четыре мужчины в штатском и понятая – дворничиха нашего дома. Ваве предъявлен ордер на арест, который ни я, ни он даже не можем читать, настолько мы ошеломлены. Ваву ощупывают – нет ли у него оружия, предлагают мне собрать вещи – наволочку и простыню. Вава стоит как полотно бледный, я и Христофорова в слезах. Мы прощаемся. Его последние слова: «Шура, не бросай Киру, берегите маленькую Киру». И все. Круг замкнул.

Начался обыск, который при нашей бедной обстановке в 18-метровой комнате ведется с двух часов ночи до семи часов утра. Перетряхиваются все тряпье, просматриваются старые фотографии, письма, простукиваются стены и мебель, даже заглядывают под матрас малышки. Прощупывают подушки. Когда мне надо в уборную, со мной шел один из двоих кагэбэшников, которые ведут обыск. Когда я хотела закрыть за собой дверь, он не разрешил – смотрел, как бы я чего не выбросила в унитаз, либо не покончила с собой. Всю ночь, пока шел обыск, я проплакала. Среди моих фотографий была одна, которую мне дали с Доски почета, где значилось, что я инженер-конструктор и выполнение плана на 138%. Были очень удивлены.

Было чему удивляться: вдруг жена врага народа, а сошла с Доски почета тоже с почетом – выполнение плана осталось же – никуда не пойдешь против этой цифры. Были корректны, если так можно выразиться, когда у тебя роются в белье. Бог с ними, это люди обманутые, и они были глубоко убеждены в том, что имеют дело с политическим преступлением. В 7.30 утра я должна была идти на работу. Малышку Киру оставила на попечении Ал. Христофоровой до прихода няни. Как быть дальше?

Надеясь на то, что все это ошибка, я решила пока молчать. А вдруг Вава вернется? Я в это верила

всем своим нутром, потому что более осторожного в разговорах человека я не знала. Решила, что если через две недели ничего не изменится, то надо подавать рапорт. Иначе невозможно, потому что, если они узнают об этом сами, то обвинят меня в том, что я утаила столь «важное» для них обстоятельство. Буквально в эти же дни (я успела проработать около месяца на этом предприятии после НИИ-17) моего знакомого полковника Бирюкова отзывают в военное министерство, и я остаюсь на заводе фактически без единого знакомого человека, который мог знать меня и как работника, и как человека.

На его место пришел из министерства Леонид Николаевич Спасский. Я его даже ни разу не видела и знакома с ним, естественно, не была.

Дома дела были отчаянные. Как только няня узнала, что В.И. арестован, она просто не пришла. А.Х. через несколько дней после ухода Вавы слегла – инсульт. Положение очень тяжелое. Через две недели подаю рапорт об аресте мужа и здесь же получаю увольнительную. Начальник отдела кадров, полковник КГБ Романов, сказал, что по его инструкции (какой?) он меня держать не может. Я прекрасно понимаю, что куда бы я ни сунулась потом, везде мне будет отказ. Я прошу Романова оформить меня хотя бы уборщицей, ссылаясь на то, что у меня ребенок и старуха, которых я должна кормить, но и здесь получаю «нет». Нет, он не может специалиста использовать как уборщицу.

Положение отчаянное: муж арестован, на руках годовалый ребенок и параличом разбитая старуха, за которой нужен особый уход, с работы выгоняют, прописка у Христофоровой хоть и постоянная, но своей площади у меня нет, значит, если кто-то захочет просто куда-то «стукнуть», меня здесь же выкинут на улицу. Что делать? Хоть петлю вешай на шею. Но я понимаю, что я сейчас ответственна за жизнь каждого, кто остался около меня, значит, если меня не будет, то все развалится.

Сразу возникает бесчисленное множество проблем, но из них надо выбрать главные. Надо побороть в себе отчаяние, страх перед возможным арестом уже меня. Значит, я должна бороться: во-первых, за свое место на заводе и второе – это предупредить всех близких и родственников о Ваве. Маме пишу письмо в Калугу: «Ваву забрали в больницу», – это условный пароль, который я слышала от взрослых, еще будучи девочкой в 20-х и начале 30-х годов. От мамы ниточка потянется к братьям. Татьяне Александровне и Анатолию Болеславовичу Младзаевским я сообщаю об этом, заехав после работы. Все перепуганы, на всех находит какой-то шок, который не позволяет им иметь со мной какое-то общение. Я очутилась как бы в вакууме человеческих отношений.

Итак, в этот же день, как я получила увольнительную, не уходя с завода, я решила идти к неизвестному начальнику (новому) ОКБ (опытное конструкторское бюро). Решила, что свет не без добрых людей – может быть, поможет, потому что завтра у меня прохода на завод уже не будет. Спасский оказался очень хорошим человеком, он успокоил меня и сказал: «Директор наш – мой друг и человек большой души, я пойду к нему сам, а потом вы приходите ко мне сегодня после работы». Прихожу, секретарь говорит, что Спасский у директора, я иду в приемную и вижу, как один за другим в кабинет директора идут: начальник отдела кадров, секретарь парткома, председатель завкома и еще какие-то чины. Через некоторое время вызывают меня. Но что я могу сказать? За что арестован муж, если он воевал, имеет награды, демобилизован был только в 1947 г., т.е. спустя два года после окончания войны? Человек крайне осторожный и молчаливый. Я расплакалась, не смогла себя сдерживать, одним словом, меня переводят в цех, зам. начальника с сохранением оклада в 120 рублей, где я и проработала вплоть до реабилитации Вавы. В материальном плане дела начали как будто поправляться. Я работаю – это уже хорошо, т.е. имею общественное положение. Это в то время было очень важно.

Через Ванду (племянницу Вавы) удастся найти няню для Киры. В детсад не берут, потому что я считаюсь высокооплачиваемой, а ни яслей, ни детских садов не хватает. Няня (Клава) оказалась на редкость честной, чистоплотной и положительной личностью. С ней у меня останутся добрые отношения на всю жизнь, и не только с ней, но и с ее дочерью и мужем. Мне эта семья близка и дорога, потому что Клава, сама того не подозревая, спасла своим присутствием безвыходность моего существования. А у меня начались будни непрекращающегося страха перед каждым, с кем бы я ни говорила – как бы не сказать что-то, что может повлечь за собой недовольство или упрек, которые моментально могут перерасти в донос. Надо искать какой-то источник дополнительного дохода, потому что зарплата в 120 рублей не может покрыть расходов на питание на четверых человек, да еще 20 рублей зарплата няне – Клаве, около 10 рублей коммунальные услуги и непредвиденные расходы. Остается на человека 22 рубля.

Экономить приходилось на всем – даже на черном хлебе. Не могу позволить «Бородинский», потому что он стоит на несколько копеек дороже обычного черного хлеба. И здесь на помощь пришла Елена Петровна Григорьева – давняя знакомая Вавы, живущая в нашем же доме этажом ниже. Она научила меня вязать на спицах. В то время женщины этим видом рукоделия не интересовались, позд-

нее я стала брать заказы. Вязала шапочки, кашне, варежки, носки. В зимние месяцы это давало мне до 50 рублей в месяц, но начиная с марта заказы делать переставали, и я брала работу по оформлению дипломов, как институтских, так и техникумовских. Я не отказывалась ни от какой работы.

Первое лето после ареста Вавы было для меня очень трудным. Киру в ясли не брали. Родственники (Анна Куршакова) вначале взяли ее к себе на дачу. Какое-то время ухаживала за ней мама, но отпуск кончился, и мне предложено было ее забрать. Куда? Вернее, с кем я ее могла оставить? Взяла внеочередной отпуск, одним словом, как-то выкрутилась, тем сложнее было то, что Христофорова лежала пластом, раз в день приходилось менять постельное белье, кормить с ложечки.

У меня до сих пор остается незабываемое чувство, чтобы скорее настал вечер, когда можно будет преклонить голову для отдыха. Это я могла разрешить себе не ранее 12 часов ночи, а в 5 утра я должна была вставать, так как работа начиналась с 7 утра (в цехе), а ехать на работу около часа. О каких-либо развлечениях речи быть не могло, потому что в свободное от работы время я должна была работать дома, чтобы как-то увеличить свой архискудный бюджет.

Это чувство систематического недосыпания ассоциируется у меня с чувством неудержимого голода во время войны, когда я мечтала о том дне, когда мне дадут буханку черного хлеба и скажут: «Ты его можешь съесть весь без зазрения совести», т.е. не думая о том, что кто-то из твоих близких голоден и ты обязана поделиться.

На Лубянке, в здании, где сейчас построен новый корпус-крепость, выходящий на Пушечную с одной стороны, на Лубянскую площадь с другой и на Кузнецкий мост с третьей стороны, в то время (1951 г.) было небольшое двух- или трехэтажное здание, где помещалась приемная НКВД, туда люди, в том числе и я, могли ходить узнавать об участии арестованных. Входя на второй этаж по широкой лестнице, оказываешься в холле, а направо дверь, ведущая в довольно просторную залу, где были установлены жесткие диваны. Приемная всегда была полна, но очередь шла быстро – над дверью, ведущей непосредственно к уполномоченному чиновнику, почти каждые 2-3 минуты загоралась лампочка, и очередной проситель уходил для того, чтобы выслушать: «Да, он у нас, следствие продолжается, больше сказать ничего не можем». Помню, что, когда в первый раз я появилась там, вскоре после ареста Вавы, горе мое было беспредельно, и, увидав несколько десятков людей таких же, как я, я расплакалась. Какая-то женщина подошла ко мне и сказала: «Милочка, ты пришла в первый раз, наверно, а мы ходим уже по

несколько месяцев и уже слез у нас нет – только отчаяние. И вы тоже привыкнете и перестанете плакать». Так и было.

Помню почему-то я ходила аккуратно каждый вторник после работы. И вот однажды, уже в октябре, порывшись в картотеке, чиновник (они всегда были в штатском) сказал, что следствие закончено и Вава осужден на десять лет, место нахождения, вернее, этап – направление Воркута, один из самых страшных лагерей ГУЛАГа.

Спрашиваю: «Где он сейчас?» Ответ: «Не знаю». Аудиенция кончена. Вава легко одет, едет в Заполярье, предстоит зима, значит, надо передать теплые вещи. Но где найти его? И здесь я пускаюсь по всем тюрьмам, которые я знаю в Москве. Начинаю с пересыльной тюрьмы на Красной Пресне, на знаме-

нитой Шелепихе или за ней. Но там, оказывается, только уголовники. Матросская тишина, Лефортово и др. Нет, нет, нет... Наконец, попадаю в Бутырку и нахожу его там. Свидания, впрочем, как и на Лубянке, не дают. Только передать теплые вещи в строгом соответствии с инструкцией, что можно, а чего нельзя. Время отправления в концлагерь держится в секрете. Машины с зачехленными кузовами уходят ночью и подвозят их для посадки в телячий вагон где-то не на вокзале, а в стороне, машина подходит вплотную к двери вагона, и заключенный порой, не ступив на твердую землю, шагает из машины прямо в вагон. Все это объясняют мне женщины, которые всегда все знают. Значит, о свидании даже издали мечтать нечего. Остается одно – ждать письма, если таковое вообще последует.

Примечание

¹ Полный текст был опубликован в книге Т. Местергази «Семь дворянских родов одной семьи: истории и судьбы». Калуга, 2011.

² Фарфоровый завод А. Г. Попова – одно из ведущих фарфоровых предприятий России первой половины XIX в., действовавшее более полувека в с. Горбуново Митинской вол. Дмитровского у. Московской губ. (ныне Хотьково Сергиево-Посадского р-на).

FAMILY CHRONICLES: MEMOIRS OF KIRA VLADIMIROVNA TSEKHANSKAYA SENIOR (1917–2012)

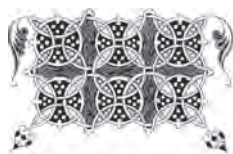
Abstract. These memoirs describe the fates and daily lives of members of the nobility in the post-revolutionary period, as well as the life of one family in the 1950s. Based on biographical data, they present a picture of the struggle for survival of members of a vanished class in new historical conditions.

Keywords: memoirs, noble family, post-revolutionary period, daily life, post-war period, repression.

Authors Info: Tzekhanskaja, Kira V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kiril-la2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tzekhanskaja, K. V. 2026. Family Chronicles: Memories of Kira Vladimirovna Tsekhanskaya Sr. (1917–2012). Publication and commentary by K. V. Tsekhanskaya. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 101–119

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

© 2026 О. В. Кириченко

Москва, Россия

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВ
РОССИИ: УЧЕБНИК ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ ГУМАНИТАРНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ)
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ПРОФИЛЯ),
РЕАЛИЗУЮЩИХ КАЗАЧИЙ КОМПОНЕНТ / В. В. КАСЬЯНОВ,
О. В. МАТВЕЕВ, Л. М. ГАЛУТВО. – КРАСНОДАР: ТРАДИЦИЯ,
2025. – 416 с.**

Аннотация. Учебник «История и культура казачеств России» краснодарских авторов – долгожданное и важное событие в сфере образования и обучения студентов в высших учебных заведениях в тех регионах страны, где традиционно проживало казачество. Научно выверенный текст учебника содержит необходимую для учащихся информацию: о казачьей идентичности, истории происхождения, региональных группах, относящихся к казачьим войскам; этнографической культуре казачества, особенностях воинского служения стране в разные периоды ее существования; затрагивает трагические страницы «расказачивания» и показывает непростой путь возрождения казачества в наше время. Данное пособие – единственный на сегодня квалификационный (научно выверенный) и справочный учебный текст, предназначенный для глубокого знакомства учащихся вузов с казачьей культурой и традициями.

Ключевые слова: история и культура казачества в России, учебник, высшие учебные заведения, уникальное издание.

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Рецензия на книгу: История и культура казачеств России: учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарных и педагогических направлений подготовки (специальностей) исторической направленности (профиля), реализующих казачий компонент / В. В. Касьянов, О. В. Матвеев, Л. М. Галутво. – Краснодар: Традиция, 2025. – 416 с. // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 120–123

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Victorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 120–123

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК- 93-94; ББК- 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/120-123>

Появление данного учебника – важное и долгожданное для этой области образования событие. Научно выверенный, грамотно и свободно изложенный, он, несомненно, не случайное явление, а скорее живой и яркий плод всей предыдущей работы этнографов-краснодарцев. Нельзя не вспомнить в этой связи о двухтомнике «Очерки традиционной культуры казачеств России» (М.; Краснодар, 2002), фундаментальный материал которого, думается, послужил основой для создания учебника. Поскольку принцип построения этих двух изданий схож: региональные группы казачества, функции казаков в России на фоне динамики исторической жизни; культурный багаж казачества; освещение сложного для них советского периода; казачье зарубежье. Представляется правильным соотнесение вопросов традиционности современного казачества с казачеством зарубежным, не перемолотым советским колхозным строем. И хотя почвенность сохранили именно местные казаки, символическая культура зарубежных, во всем ее многообразии, включая многие святыни, вернувшиеся и еще не вернувшиеся из-за рубежа, является эталоном казачьей культуры.

Особенность учебника состоит в некоторой остроте подачи материала, в как будто неслучайной дискуссионности, которая перешла сюда со страниц научных текстов. Ведь там до сих пор ведутся споры о происхождении казаков, их самобытном генезисе, культуре, этнической и корпоративной принадлежности. Подача дискуссионного материала, казалось бы, не принятая в учебниках, в данном случае более чем оправдана. На самом деле, учебное пособие, при всех его обыденных и простых задачах, всегда оказывается действенным инструментом для четкого и глубокого озвучивания важных идейных положений, которые в научной монографии с такой ясностью, как правило, не удастся передать читателю. А здесь перед нами учащиеся, для которых черное и белое не должно подвергаться сомнению, оно должно быть черным и белым; а казачье служение: традиции, «национальные идеи» и др. – должно получить очевидное объективное освещение. Критерием для объективности авторы справедливо делают воинское служение России, «общему делу» сохранения страны, в противовес надуманным идеям отдельности, независимости, опоре на силу других стран (например, в период Великой Отечественной войны, когда часть казаков-зарубежников служила Вермахту).

Можно только приветствовать и не считать лишним обращение в учебнике к теме «казачьих образов в русской художественной литературе», потому что это не дополнительная иллюстрация этнографического характера, а показ «общественного

мнения» русского образованного общества, русского дворянства, имеющий важное историческое значение. Из этих симпатий и антипатий (а симпатий было больше) рождался «взгляд» центра на окраины, рождался целый пласт «деятельности» самого разного характера: экономической, культурной, образовательной и т. д.

Мы знаем, что известному кубанскому историку О. В. Матвееву весьма близкой издавна была тема историографии казачества, и она весьма обстоятельно представлена в учебнике. А ведь это «память», это благодарность тем, кто потрудился над казачьей историей, очень сложной, склонной к мифологизации, уходу в публицистику. Поэтому так важно отметить труд историков и этнографов, которые ставили преграды на пути хаоса и направляли историческую мысль в нужном направлении; а для учащихся открывали двери в область твердого исторического знания. Хвала автору, что подумал об этом!

Основой учебника, его содержательной части, безусловно, являются прекрасно выполненные разделы об отдельных казачьих объединениях, войсках. Они раскрывают палитру казачьего разнообразия, показывают именно русскую, даже славянскую, сторону казачьего служения, во всем его многообразии и способности включаться в разный мир – природный, этнический, религиозный. «Без страха и упрека», с важными нравственными кор-

Предисловие	5
Глава 1. ЯВЛЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ	
§ 1. Быть казаком	7
§ 2. Казачество в литературе, искусстве и науке	17
§ 3. История изучения казачеств России	28
§ 4. Версии и гипотезы о происхождении казачества	39
Глава 2. КАЗАЧЕСТВА ЮГА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И УКРАИНЫ	
§ 5. Смысл Тихого Дона	50
§ 6. Судьбы украинского казачества	61
§ 7. Кубанское казачество	72
§ 8. От самого Гребня до синего моря Хвалынского	84
Глава 3. КАЗАКИ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И СРЕДНЕЙ АЗИИ	
§ 9. Казачество на Средней и Нижней Волге	95
§ 10. Уральские казаки	105
§ 11. Казачество Оренбургского края	116
§ 12. На просторах Семиречья	127
Глава 4. КАЗАЧЕСТВА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	
§ 13. Сибирское казачье войско	137
§ 14. Казачество Восточной Сибири и Крайнего Северо-Востока России	148
§ 15. Казачий мир Забайкалья	159
§ 16. У высоких берегов Амура	170
§ 17. Защитники российского Приморья	180
Глава 5. ВОЕННЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КАЗАЧЕСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XX в.	
§ 18–19. Военное дело казаков	189
§ 20–21. Хозяйство казачеств России в XVI – начале XX в.	209
§ 22–23. Социальное и политическое развитие казачеств России в XVI – начале XX в.	230

Глава 6. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАЧЕСТВА	
§ 24–25. Традиционные ценности и религиозная жизнь казачеств России	252
§ 26–27. Традиционная культура казачества	277
§ 28. Профессиональная культура казачества	301
Глава 7. КАЗАЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ И В ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	
§ 29–30. В вихрях революционных бурь и социальных потрясений	313
§ 31. Казачество в СССР в 1920–1930-е гг.	336
§ 32. Советское казачество в 1940–1980-е гг.	348
Глава 8. КАЗАЧЕСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
§ 33–34. Казачество на чужбине	360
§ 35. Движение за возрождение казачества	380
§ 36. Казачество современной России	392
Заключение	407
Список рекомендуемых источников и литературы	409

поративными принципами, заслуживающими уважения у других народов. Основой этой казачьей симфонии, как показывают авторы, был казачий Дон, донское казачество. Это славянское начало в казаках – тяготение к речному и полевому окоему – тоже заслуживает внимания. Авторы явно подчеркивают идею регионального происхождения в контексте «речной теории». Дон, Урал, Енисей, Дунай, Днепр, Волга – все эти реки созвучны казачьему присутствию и казачьей идентичности.

С точки зрения корпоративной культуры, казачество, как показывают авторы, также обладало соответствующими оригинальными, традиционалистскими чертами: у них был свой общинный строй, своя архитектура самоуправления, свое обычное право, иерархия, существовал свой порядок жизненного и социального уклада. Это был непохожий на крестьянский, дворянский и проч. мир культурной жизни – со своим фольклором, обычаями и ритуалами. Он не был единообразным даже в религиозном смысле, не говоря о прочих отличиях. Но в нем было то, что отличало казаков от всего остального в России: от сословий, этносов, конфессий, сект, – в нем, как ядро, как смысл бытия, присутствовало самостоятельное и свободное сообщество людей, связанных с военным делом профессионально. Это была единственная в России народная армия, которая создавалась не централизованно, силами государства, а снизу, народной

славянской свободолюбивой душой, привыкшей побеждать любого врага. Вот почему, как показывают авторы, казачество не гнушалось повоевать с самим государством Российским, когда дела в нем становились неприемлемыми для жизни, даже на окраинах. И здесь, порой, доходило до полной анархии, как это случилось в Смуту начала XVII в.

Отсюда выросал «казачий характер», который мог быть востребован и на государственной службе. Поэтому, когда в имперский период началось государственное движение в сторону реестровой упорядоченности казачьих войск, казаки пошли служить: появились казаки-дворяне (помещики), чиновники, ученые, политики. Во многом казачий характер раскрывается и через религиозную жизнь казаков, для многих из них – через православие. Хотя среди них было немало приверженцев старообрядчества, сектанства; были и инославные (среди неславянских народов, допустим, калмыков). Казаки отличались говором, диалектами, особенностями календарной обрядности, весьма разнообразной и богатой, как показывают авторы учебника. Вместе с тем казачество не могло не включаться в тот порядок жизни, что был характерен в целом для России, поэтому через школы, гимназии, университеты они получали образование и профессии, как и представители других социальных групп.

Отдельную главу авторы посвящают трагедии казачества в годы Гражданской войны и первых лет

советской власти, масштабному «рассказыванию», ударившему по основам жизнедеятельности всей этой народной военно-служилой части Русского мира. Авторы показывают, что, при всей сложности ситуации, все-таки произошла инкорпорация казаков в советскую действительность, казаки сохранились как особая группа. Они показали в годы Великой Отечественной войны пример служения Отечеству, проявляя традиционную доблесть и особые воинские качества, которые эффективно использовались на фронтах войны. Последние параграфы в учебнике посвящены вопросам существования казачества в послевоенные годы (до 2000-х), когда появилась возможность возрождать казачью культуру целевым образом.

Представленный учебник – явление незаурядное; он отличается квалификационно необходимым содержанием, емким, научно обоснованным,

где текст дополнен необходимыми иллюстрациями и заданиями для учащихся. Книга, на наш взгляд, должна стать важным инструментом для обучения кадетов-казаков, учащихся специализированных учебных заведений в регионах с казачьим населением, для Московского казачьего университета им. Разумовского. Но, кроме того, в учебнике, по сути, сформулирована выверенная и апробированная идейная программа казачьей культурной и гражданской идентичности, необходимая для широкого понимания того, кто же такие казаки в России: просто «станичники», или же это самобытная, всероссийская военно-корпоративная группа, народная армия, делом которой было и остается служение России на военном поприще, одна из передовых частей русского государствообразующего народа, которая и создавала Россию как государство-цивилизацию.

BOOK REVIEW: HISTORY AND CULTURE OF THE COSSACKS OF RUSSIA: A STUDY GUIDE FOR STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HUMANITIES AND PEDAGOGICAL TRAINING (SPECIALTIES) WITH A HISTORICAL FOCUS (PROFILE) IMPLEMENTING THE COSSACK COMPONENT / V. V. KASYANOV, O. V. MATVEEV, L. M. GALUTO. – KRSNODAR: TRADITION, 2025. – 416 p.

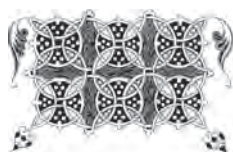
Abstract. The textbook «History and Culture of the Cossacks of Russia» by Krasnodar authors is a long-awaited and important event in the field of education and training of students in higher educational institutions in those regions of the country where the Cossacks traditionally lived. This scientifically verified textbook contains essential information for students: Cossack identity, origins, and regional groups within the Cossack army; the ethnographic culture of the Cossacks; and the specifics of military service to the country throughout its history; it touches on the tragic events of the «decossackization» and illustrates the difficult path of the Cossack revival in modern times. This textbook is the only currently available qualifying (scientifically verified) and reference textbook designed to provide university students with a thorough understanding of Cossack culture and traditions.

Keywords: Cossack history and culture in Russia, textbook, higher education institutions, unique publication.

Authors Info: Kirichenko, Oleg V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

For citation: Kirichenko, O. V. 2026. Book Review: History and Culture of the Cossacks of Russia: a Study Guide for Students of Higher Educational Institutions of Humanities and Pedagogical Trainang (Specialties) with a Historical Focus (Profile) Implementing the Cossack Component / V. V. Kasyanov, O. V. Matveev, L. M. Galuto. – Krasnodar: Tradition, 2025. – 416 p. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 120–123

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

**ГОРОД-ЛЕС – НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК
– ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА:**

**Обращение общественной организации «Защитим город-лес
Академгородок»
к научному сообществу страны**

**THE FOREST-CITY OF NOVOSIBIRSK ACADEMY TOWN –
AN OUTSTANDING ACHIEVEMENT OF RUSSIAN URBAN
DEVELOPMENT:**

**Appeal from the public organization «Protect the Forest-City of
Akademgorodok»
to the country's scientific community**

Архитектурная общественность России, научные сотрудники и жители Новосибирского научного центра обращаются с просьбой поддержать движение в защиту Новосибирского Академгородка с целью повышения его охранного статуса как выдающегося объекта культурного наследия до федерального уровня.

Академгородок – уникальный образец единовременно спланированного города нового типа, внесшего огромный вклад в развитие отечественной науки, вошедший в учебники по архитектуре и градостроительству многих стран в качестве прототипа современных научно-исследовательских центров. Самые авторитетные критики и специалисты в области градостроительства характеризуют планировку, среду, образ жизни жителей Академгородка как значимое достижение архитектуры и особое явление отечественной культуры.

Новосибирский Академгородок был создан в конце 1950-х – начале 1960-х годов как научный и университетский центр организованного в это же время Сибирского отделения Академии наук СССР. С инициативой выступили академики М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович, которые считали: «...Особое значение... имеет создание на востоке нашей страны научных учреждений общетеоретического профиля». Целью Академгородка было создание первого в СССР крупного комплексного научного центра, объединяющего и организационно, и территориально институты, работающие по различным направлениям фундаментальной науки.

Университет был создан в 1959 г. в едином комплексе с институтами Сибирского отделения Академии наук. Важнейшим аспектом научной деятельности стала подготовка научных кадров. В Новосибирском Академгородке была создана первая в мире система непрерывной подготовки научных кадров (школьные олимпиады – физико-математическая школа-интернат – университет), названная «Системой Лаврентьева».

Другой основополагающий принцип организации Сибирского отделения Академии наук – принцип неразрывности фундаментальных исследований с потребностями всего народного хозяйства, и Сибири в особенности. По периферии зоны академических институтов в Академгородке располагается пояс внедренческих учреждений.

СО АН СССР и Академгородок Новосибирского научного центра были созданы и начали продуктивно работать в рекордно короткие сроки, что, несомненно, представляет собой выдающееся достижение в истории страны, уникальное и в мировой практике. Сейчас в Академгородке функционируют 20 научно-исследовательских институтов фундаментального направления по различным областям знания. В институтах Академгородка трудились и сейчас работают сотни ученых с мировым именем, лауреаты Нобелевской, Ленинской и Государственной премий. Ученые Сибири заняты решением важнейших проблем мировой науки.

Проектирование и строительство этого научного центра само по себе оказалось интересным экспериментом: «оттепель» в СССР, высокая социальная оценка труда ученых, переезд в Новосибирск больших коллективов единомышленников, среди которых были как молодые, так и известные ученые. Сочетание хороших условий быта и работы, уникальное природное окружение (жизнь в лесу) – все это обеспечило особую благодатную, здоровую атмосферу в научных коллективах. Академгородок поистине является памятником освоения Сибири в XX веке, свидетельством выдающихся достижений страны в тяжелый послевоенный период!

В создании проекта Новосибирского научного центра (ННЦ) принимали участие московские и ленинградские проектные организации. Проектирование зоны научно-исследовательских институтов осуществлено Московским и Новосибирским отделениями ГипроНИИ СО АН СССР под руководством архитектора А. И. Попова-Шамана; участвовали также архитекторы Б. Г. Сигал, О. И. Жигалова, В. Г. Иванов и другие.

За создание шедевра градостроительного искусства «Города-леса», когда элементы города и природы органично взаимодействуют, Новосибирский Академгородок в 1967 г. получил Государственную премию по архитектуре и Золотые медали на Всемирных выставках «Экспо-67» в Монреале и «Экспо-70» в Осаке как Город будущего, вошел в учебники по архитектуре не только нашей страны, но и многих стран мира. Время полностью подтвердило его эффективность. Академгородок стал эталоном создания научных кампусов во многих странах мира (Франция, Финляндия, Япония, США и др.). Градостроительные принципы Новосибирского Академгородка внедрялись в практику строительства городов-спутников в СССР и в других странах.

Новосибирский Академгородок – выдающийся вклад в отечественную и мировую культуру благодаря своей уникальной градостроительной концепции. Он является районом Новосибирска и располагается в 30 км к югу от центра города на берегу

Оби, занимает площадь 1370 га, из которых 350 га сохранено за сосновым бором и сосново-березовым смешанным лесом. При проектировании Академгородка была применена уникальная модель природоохранного зодчества, совершенно новая для России: *использование естественного леса как градостроительного компонента*. Проект Города-леса считается выдающимся достижением отечественного и мирового градостроительства. Издание «Всеобщая история архитектуры» аттестует Новосибирский Академгородок как наиболее значимое явление в градостроительстве Сибири за всю ее историю. Академгородок представляет собой весомый вклад в фонд человеческих ценностей.

В основу архитектурно-планировочной концепции Академгородка были положены следующие пионерные для того времени *принципы*, многие из которых остаются не повторенными до сего времени:

- четкое функциональное зонирование территории;
- полное использование природных условий местности и сохранение естественного ландшафта как полноценного структурного элемента организации городской среды; лес как градостроительный компонент; естественный природный ландшафт с дорожно-тропиночной сетью;
- прием «диффузной» застройки, при которой участки естественного леса подходят максимально близко к зданиям и составляют непрерывную систему зеленых зон, связанных с окружающими Городок лесными массивами;
- оптимальная ориентация зданий с учетом условий рельефа и зеленых насаждений, максимальное сохранение существующего лесного массива, лесопитомников и дернового покрова;
- организация удобных транспортных и пешеходных путей между зонами и внутри них с максимальной безопасностью и полным исключением всех видов транзита через территорию Городка;
- максимальное приближение учреждений культурно-бытового обслуживания к жилым комплексам;
- создание уникального облика «Города-леса», когда элементы города и природы органично взаимодействуют;
- необычайное богатство высокохудожественных ландшафтных композиций, которые органично дополняют естественные лесные ландшафты, гармонизируя с ними. Древесные и кустарниковые породы в виде аллей и групп высажены на улицах, вокруг административных зданий и даже во дворах жилой зоны;
- сохранение со стороны водохранилища Новосибирской ГЭС и с западной территории защитной лесной зоны шириной от 500 до 1200 метров.

Эти принципы обеспечивают наилучшие условия для работы НИИ и жизни населения городка.

Согласно Постановлению правительства Новосибирской области от 30.12.2014 № 544-п Новосибирский Академгородок является объектом культурного наследия регионального значения вида достопримечательное место.

В 2020 г. была выполнена государственная историко-культурная экспертиза объекта культурного наследия, достопримечательного места регионального значения «Новосибирский Академгородок». Целью экспертизы было повышение статуса Новосибирского Академгородка до федерального, однако органами охраны объектов культурного наследия она не была принята в нарушение статьи 4 73-ФЗ.

В последние годы происходят нарушения основных особенностей Академгородка – уничтожение его ценного лесного массива, живой ткани Городка, являющегося предметом охраны. Сносятся участки лесного массива с целью застройки освободившихся площадей под предлогом «модернизации», уничтожаются и выводятся из-под охраны под застройку знаменитые садово-парковые композиции озеленения Городка.

За повышение охранного статуса Новосибирского Академгородка до объекта культурного наследия федерального значения и обретение им субъектности, то есть образование самостоятельно-го муниципалитета в четко обозначенных границах выступают Союз московских архитекторов и Академия архитектурного наследия.

Ведущие ученые и жители Академгородка, озабоченные его дальнейшей судьбой, неоднократно обращались в надлежащие инстанции с просьбой принять безотлагательные меры по решению важнейшей государственной проблемы – сохранению выдающегося объекта историко-культурного наследия Новосибирский Академгородок.

Из протокола совместного заседания Совета Союза московских архитекторов и Региональной общественной организации «Академия архитектурного наследия»

от 17 апреля 2025 г.

РЕШИЛИ:

– Проработать проект границ, включив в них большие площади охраны, исторические районы Академгородка: Городок строителей и Зону отдыха с лесом и пляжем.

– Проработать предмет охраны с учетом уникального естественного леса и уникальных фрагментов парковых композиций.

– В режимы и регламенты внести запрет на капитальное строительство согласно статье 56.3 73-ФЗ.

– Необходимо обретение Академгородком субъектности, то есть образование самостоятельно-го муниципалитета в четко обозначенных границах.

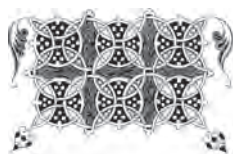
– Любые проектные работы по ОКН «Новосибирский Академгородок» должны проводиться одним и тем же подрядчиком (лицензированной проектной организацией) на постоянной основе. Эта организация должна осуществлять систематическое накопление научных знаний об истории, архитектуре, градостроительстве ОКН «Новосибирский Академгородок», вести любые проектные работы в режиме проектов сохранения, осуществлять авторский надзор за реализацией данных проектов в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия при любой намечаемой хозяйственной деятельности.

– Проект благоустройства Академгородка должен проводиться в режиме сохранения садово-парковых ландшафтов с максимальным сохранением лесных и луговых экосистем.

– Организовать дополнительное управление городом по типу заповедного: предусмотреть требование к опыту работы с объектами культурного наследия при найме на муниципальную или государственную службу, связанную с осуществлением деятельности в границах Новосибирского Академгородка. Создать условия для обучения специалистов в области управления объектом культурного наследия Город-лес Новосибирский Академгородок.

– Учитывая, что Новосибирский Академгородок является первым мировым образцом, утверждающим лидерство отечественной науки и градостроительства, когда образ жизни способствует развитию науки, рекомендуется включение его в списки ЮНЕСКО.

Шамина Наталья Владимировна (Shamina Natalia Vladimirovna), председатель общественной организации «Защитим город-лес Академгородок», доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); Харитоновна Юлия Анатольевна и др.

Научное издание

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2026. № 45

Выпускающий редактор – О. В. Кириченко
Литературное редактирование, техническое редактирование, корректура – Н. В. Шляхтина,
Л. Т. Соловьева
Редактор английских текстов – Г. О. Кириченко
Компьютерная верстка – А. К. Беспалов
Художественное оформление обложки – О. В. Кириченко

Подписано к печати 30.06.2026. Формат 194 x 270. Усл.-печ. л. 11. Заказ № 1-2026.
Тираж – 30 экз. Цена – 500 р.

ООО «СМАРТБУК»
123022, город Москва, Столярный пер., д. 14, под. 2

